

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Гапанович Станислав Олегович

«Философия биологии пола
(онтолого-эпистемологический аспект)»

Специальность: 5.7.1 – онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор
В.И. Стрельченко

Санкт-Петербург
2023

Философия биологии пола.

(Онто-эпистемологический аспект).

тема диссертации и автореферата по ВАК 5.7.1.

Оглавление диссертации

Введение. Общая характеристика диссертационного исследования.

Глава 1. Понятие пола: философско-антропологический смысл и теоретико-биологические репрезентации.

1.1. Пол, как формообразующий принцип жизненного мира человека в философии.....17

1.2. Проблема реальности и онтологического статуса пола в современной биологии.....67

1.3. Гендер и пол: границы тождества и различия82

Глава 2. Становление социальных матриц полового поведения.

2.1. Половой диморфизм как форма репродуктивной адаптации и групповой организации в антропогенезе93

2.2. Половой отбор и проблема эволюционно-биологических механизмов гоминизации.....104

2.3. Формирование основных типов биосоциальной упорядоченности полового поведения (род, брак, семья, этнос).....116

Глава 3. Антропологические антиномии культурно-цивилизационных стратегий пола.

3.1. Идея социального неравенства полов в философии гендера142

3.2. Проблема биологических оснований однополых браков174

3.3. Биосоциальная аутентичность полового поведения и перспективы человека.....190

4. Заключение 202

Список литературы.....203

Введение

Актуальность темы диссертации.

Проблема пола как способа бытия и формы теоретической осмысленности процессов воспроизводства органической жизни на стадиях ее прогресса, достигнутого в эволюции человека, приобрела характер едва ли не предельных значений актуализации. Обусловлено это прежде всего неопределенностью и противоречивостью самих понятий пола и гендера, возникающей вследствие специфики эпистемологических условий их референциальной осмысленности.

Категории пола и гендера находятся в центре наиболее масштабных концептуальных изменений, происходящих в настоящее время в научных понятиях. Отсюда вытекает острая постановка задач переосмысления явлений пола и гендера с точки зрения знаково-символических средств, в которые они облечены, выявления и идентификации объектов их онтологии как самих по себе, так и с учетом особенностей, или модусов существования. Диапазон различий между ними охватывает многообразие объектов (процессов), дифференцированных в зависимости от «степени реальности» или «подлинности» существования: от «бытия абстракций» (Э. Гуссерль) до онтолого-эпистемических фиксаций, отвечающих требованиям достоверности.

Настоятельная потребность систематического исследования вопросов философско-эпистемологических оснований проблемы пола и гендера мотивирована амбивалентностью природы человека. Ее противоречивость, проистекающая из принадлежности одновременно к «двум мирам», - органической жизни и социальной истории - побуждает рассматривать проблему репродуктивного поведения как комплексную, биосоциальную, проблему. Даже не решение, а сколько-нибудь строгая ее постановка возможна

лишь в контексте анализа вопросов междисциплинарного синтеза на путях изучения механизмов которого в настоящее время делаются лишь первые шаги.

Вместе с тем совершенно очевидно, что реализация эвристического потенциала междисциплинарного подхода в исследованиях репродуктивного поведения человеческих популяций немыслима вне связи со специальной разработкой фундаментальных проблем методологии современного биологического познания на основе обобщения достижений естественнонаучных исследований закономерностей организации и эволюции жизни. Ведь «в ходе философского обоснования... должно быть доказано, что это эмпирическое явление действительно соответствует данному определению» (В.Гегель).

Со второй половины XX века на разработке проблем органической жизни были сконцентрированы усилия обширного корпуса дисциплин, охвативших исследования от субатомного и молекулярного до биоценотического и биосферного уровней организации «живой материи» (В.И. Вернадский). Переход на более глубокую ступень познания сущности органической (и разумной) жизни обусловил смещение акцентов в изучении основных уровней организации биологических систем (К.М. Завадский): наряду с использованием методов системно-структурного анализа возросло значение каузальных и историко-генетических объяснений. Это позволило органически включить в поле зрения биологического познания вопросы возникновения живого, становления социальности, экологических перспектив и биологического будущего человека, которые затрагивают не только логико-гносеологические, но и философско-мировоззренческие основания теоретического мышления.

Биологическая теория пола оказалась в эпицентре напряженной полемики на почве несовместимости позиций по вопросам реальности пола, его природы, объектов онтологии, эпистемологических условий их фиксации и методов описания (редукционизм, холизм, типологизм, организмизм и др.), факторов

детерминации (биологических и социальных) в процессах организации и эволюции жизни, в формировании видов гендерного поведения и отвечающих им доктрин и др. Вытекающие отсюда следствия обнаруживаются в столь масштабных изменениях гендерного поведения, что они создают угрозу самому существованию *Homo sapiens* и созданной им культуры.

Гендер можно рассматривать, как онтологическую проекцию пола, принадлежащую к числу предметов исследования гендерной таксономии, но так как гендер – социокультурный феномен, то возникает вопрос о границах применимости идеи методологического изоморфизма гуманитарных и естественных наук в его исследованиях как биосоциального феномена. В процессе его онтолого-эпистемологического осмысления сложилось множество подходов, расположенных в широком диапазоне различий от натуралистической эпистемологии (У. Куайн) и принципа дополнительности (Н. Бор) до гендерной философии и постмодернизма.

Доминирующий в настоящее время в гендерных исследованиях «постмодернистски ориентированный» подход основывается на абсолютном противопоставлении «тождественного» и «иного», вытекающем из убеждений, что сущность выражается через различия, через «индивидуальность», исключая тем самым возможность рассматривать отношение полов с точки зрения единства свойственных им различий, как проблему биосоциальную, междисциплинарную. Отсюда вытекает традиция «гендерного номинализма», исключая факт реальности пола, как имеющего характер чисто искусственной, словесно-терминологической конструкции.

Результатом процессов интенсивного развития биологических наук со второй половины XX века стал целый ряд фундаментальных открытий, которые в конечном счете привели к радикальной смене парадигматики в отношении живой природы и места человека в окружающем мире. Значение этих перемен расценивается в современной биологии, как достигающее масштабов научной

революции. Одним из ее наиболее значимых этапов следует считать работы по этологии, в контексте которых не только поведение и психика, но и биосемиотические структуры обнаруживают значение диагностических признаков и факторов репродуктивной эволюции. Считается доказанным, что направленные эволюционные изменения свойственны и современным человеческим популяциям, а их характер и направленность определяются процессами полового отбора (А.В. Марков, Дж. Миллер).

В настоящее время само понятие пола нередко истолковывается, как продукт экстраполяции на органическую жизнь отношений власти и подчинения, закрепленных социальными «изобретениями» гендерных различий. Связанные с этим утверждения о биологической неопределенности пола широко используются для доказательства «естественности» нетрадиционных сексуальных ориентаций, оправданности выражающих их идеологий. В первую очередь это относится к трансгуманизму, представляющему собой квинтэссенцию постмодернистских идеологических построений, в русле которых декларируется завершение старого и начало нового этапа эволюции (уже не «естественной» биологической, а искусственно направляемой) человека, как биологического вида. В качестве важнейшего элемента трансгуманистической стратегии видообразования рассматривается «отказ от пола», подразумевающий формирование людей, изменяющих свой пол в зависимости от обстоятельств. При этом «отказ от пола» предлагается рассматривать не как утрату, а как приобретение новых возможностей и избавление от проблем, якобы имманентных полу, как феномену эволюционно-биологической и культурно-цивилизационной истории органической жизни.

Степень разработанности темы

Многовековой опыт рационального осмысления вопросов природы пола и видов гендерного поведения в общем совпадает с историей их философских и

научных исследований. Со времени начала институализации биологии, как науки (Аристотель), до ее современного состояния сложно организованного междисциплинарного пространства знаний об органической жизни проблема пола не только сохранила актуальность. Она обнаружила черты очевидной зависимости от соответствующих философско-мировоззренческих контекстов, — продуктов объективации и опредмечивания исторически релятивных и преемственно связанных когнитивных практик, эволюционирующих на основе генерализации принципов либо космологической идеи (античность), либо теологии (средневековье), либо идеи научной рациональности (Новое время).

Вопрос об отношении к полу послужил одним из важнейших источников напряженной полемики, предопределившей не только размежевание и выбор пути дальнейшего развития западного и восточного христианства, но и направления не прекращающейся до сих пор идеологической борьбы (М.В.Дмитриев, Ж. Делюмо, И.Ф. Мейендорф, В.С. Соловьев, В.В. Розанов). Антропологическое и социально-философское осмысление вопросов пола и гендера оставались предметом пристального внимания на путях развития как западной, так и отечественной философии во всем многообразии их исторических и современных, классических и неклассических репрезентаций (Аристотель, Платон, А.Шопенгауэр, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, Ж. Бодрийяр, М, Фуко, М.Л. Бутовская, Н.Х. Орлова).

Переход к неклассической традиции мотивировал не только выдвигание на передний план проблемы пола и гендера, но и придания результатам ее исследования роли вполне самостоятельной системы философских знаний, таких, как фрейдизм (Н.С. Автономова, П. Феррис, D. Westen), неотрейдизм (Э. Фромм), фрейдомарксизм (Д.Лукач, Г. Маркузе), гендерная философия (Дж. Батлер) и пр.

В движении феминизма (XX в.), основные вехи развития которого связаны с работами Б. Фридан, С. Фаейрстоун, М.Виттиг, Г. Рубин, Д. Харауэй и др.,

появился целый ряд направлений исследований, включая «гендерную философию». В результате был создан обширный корпус литературы, широко представленный работами как зарубежных, так и отечественных авторов (Г.А. Брандт, О.А.Ворониной, И.С. Клециной, К.Пейтмен). Отмечается принципиальная роль марксистской методологии в становлении и развитии феминистской философии, что нашло отражение в трудах основоположниц так называемой «второй волны» феминизма (С.Файрстоун, М.Виттиг, Г. Рубин). Исследованию вопросов истории развития феминизма посвящены работы В.В. Бочаровой, А. Кораблева, А.Марвик, W.A.Vorst и др.

Проблематика онтологии пола в природе и культуре ставит вопросы о границах применимости методов современного естествознания к изучению, во-первых, явлений живой природы, а во вторых, явлений культуры (И.С.Алексеев, Л.Н. Васильева, И.К. Лисеев, И.Ф. Кефели, А.Я. Кожурин, М.М. Маковский, И.Я. Павлинов, В.И.Стрельченко, Л.А.Маркова, Д.И.Дубровский, И.Т. Фролов, М. Рьюз, Е.А. Торчинов).

Исследованию проблемы эпистемологических оснований теоретического синтеза биологических и социальных знаний о человеке в составе единой системы представлений посвящен обширный корпус работ отечественных и зарубежных авторов (Ю.И. Ефимов, А.А.Корольков, Б.И.Марков, Н.Н.Седова, В.В.Зуев, В.Мангасарян, А.П.Мозелов, Ю.М.Плюсин, С.С. Розова, В.И.Стрельченко, G. Ryle, E.Weizsacker и др.)

Давнюю традицию обоснования некоторых видов социальной дискриминации фактами существования биологических различий полов можно связать с недостаточным уровнем биологических знаний. Однако в контексте масштабных перемен, происходящих в биологических науках («ДНК-революция» Э. Хобсбаум; «neo-Darwinian synthesis» D.S.Wilson; «the neo-Darwinian revolution» F. De Waal и т.д.) обнаруживается, что использование данных подходов к проблематике пола с позиций этологии человека для

обоснования социальной дискриминации по половому признаку позволяет выявить ряд психологических установок, последовательно приводящих к принятию либо отрицанию биологической детерминации репродуктивного поведения, его эволюционного значения. Конструктивный опыт эволюционного истолкования биологических аспектов репродуктивного поведения, как важнейшего элемента стратегии выживания человеческих популяций, представлен в работах Е.А. Гороховской, Ф. Добжанского, К.М. Завадского, Э.И. Колчинского, М.Б. Конашева, К.Лоренца., Д. Морриса, А.И.Протопопова, Р. Шовена, В.П. Эфроимсона и др. В частности, считается доказанным факт различия мужского и женского поведения (М.Л. Бутовская, А.А. Марков, Ю.И. Филимоненко, Д.А. Шабанов, S.A. Karlsson, M. McCarthy).

В ряде случаев самые современные естественнонаучные разработки коррелируют с психологическими исследованиями прошлого века. Так, догадки З. Фрейда и О. Ранка о значении родовой травмы в последующем развитии поведенческих паттернов нашли впоследствии развитие в работах по глубинной (Э. Эриксон) и перинатальной психологии (Г.И. Брехман, И.В.Добряков, О.В. Защирина), и могут быть переосмыслены в свете результатов работ по физиологии пренатального стресса у животных (Л.А. Захарова, Н.Э.Ордян).

Вопросы влияния новейших технологий на развитие человеческого общества и биологическое будущее человека рассматриваются целым рядом исследований (В.А. Кутырев, В.А. Лекторский, И.К. Лисеев, А.А.Марков, Л.А.Маркова., Л.А. Медведев, А.П. Огурцов, Ю.В. Пую, И.Б. Романенко, Н.Н.Седова, К.С. Смирнов, К.В. Султанов, П.Д. Тищенко, И.Т.Фролов, Ф. Фукуяма и др.). Обширные массивы данных, отражающих достигнутый уровень знаний в области философской и социальной антропологии, накоплены и обобщены такими авторами, как В.В. Балахонский, С.В.Дробышевский, Э. Геллнер, Ю.И.Георгиевский, А.Марков, Б.В.Марков, А.П.Мозелов,

Ю.И.Семенов, В.И.Стрельченко, Г.Х.Шингаров, Б.Г. Юдин, D. Jarred, H. Gee и др.

Сама по себе идея усовершенствования человеческой природы является одной из древнейших, укорененных в самых основах человеческой культуры, Совершенствование человека является не только предметом евгенических или трансгендерных изысканий (О.Е. Баксанский, Е.Н. Гнатик, О.В. Олескин, Ю.В.Хен), но и педагогических интересов. Трансгуманистическая идеология, казалось бы, вновь обращается к евгенической проблематике, но делает это по-новому и на новом научно-техническом уровне, гораздо более совершенном и в силу того куда более опасном – с учетом того, что наука еще только начинает понимать «механизмы» работы генетического аппарата как на уровне организма, так и на уровне популяций (К.М. Завадский, В.И. Евсиков, М.А.Потапов, Е.Н. Панов, И.Т.Фролов, В.П.Эфроимсон, А.В. Марков и др).

Трудности понимания природы пола и гендера, как биосоциальных феноменов, их роли в формировании жизненного мира человека, экологических и культурно-социальных условий его исторического бытия проистекают отнюдь не из принципиальной несовместимости биологической и социальной составляющих объектов онтологии пола. Непреодолимость противоречий между ними — всего лишь видимость, возникающая на путях попыток целостного синтетического видения пола (и гендера) в единстве образующих его признаков биосоциального комплекса, а значит и носит не столько бытийно-онтологический, сколько логико-методологический и эпистемологический характер (А.Б. Георгиевский, Л.Н. Васильева, Ю.М. Плюснин, И.Я. Павлинов, В.И. Стрельченко). Этим объясняется сосредоточенность внимания диссертационного исследования, с одной стороны, на задачах семантики, референциальной осмысленности выражающих пол (и гендер) теоретико-биологических понятий, а с другой — уяснения их эпистемологических оснований, включая порождающие структуры социальной субъективности,

формы логико-методологической упорядоченности, эвристику когнитивных практик, формы предметной организации и др.

Объектом исследования является пол, как биологический и социокультурный феномен.

Предметом исследования являются онтолого-эпистемологические основания биологии пола и форм его гендерных репрезентаций

Цель исследования состоит в обобщении и онтолого-эпистемологической оценке достигнутого уровня биологических знаний о поле и гендере в контексте философского анализа их роли в определении стратегий биосоциальной эволюции.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1.- изучения роли онтолого-эпистемологических установок культуры в становлении новоевропейской метафизики пола.

2. – уяснения природы антропоцентризма, как специфической формы социальной субъективности, определяющей выбор онтолого-эпистемологических приоритетов и генерализации когнитивных практик методологического индивидуализма в теоретическом осмыслении форм репродуктивного поведения.

3. – исследования вопросов семантики объектов онтологии пола и гендера в контексте анализа проблемы реальности пола, как биологического и биосоциального феномена.

4. – изучения и философско-эпистемологической оценки методологических альтернатив современной биологии с точки зрения их релевантности объектам онтологии пола и гендера.

5. – определения познавательного значения и границ применимости эволюционно-экологического и этологического подходов на путях

переосмысления гендера и пола с точки зрения знаково-символических средств, их выражающих.

6. – обобщение результатов исследований исторических и современных проблем полового диморфизма, как фактора организации и форме бытийно-онтологической осмысленности эволюции человеческих популяций под действием полового отбора (Ч. Дарвин).

7. – изучения традиций логико-методического конструктивизма в биологии в контексте анализа проблемы «естественно возникших» и «искусственно созданных» элементов репродуктивного поведения, их эволюционно-биологического смысла и роли в детерминации социокультурных практик.

Научная новизна работы

1) показано, что онто-эпистемологические оппозиции и контраверзы, сформировавшиеся в русле развития интеллектуальных традиций Восточного и Западного христианства, определили начало оформления новоевропейской метафизики пола и составляющих ее альтернатив.

2) обосновано положение, согласно которому исторические и современные формы индивидуалистического антропоцентризма выполняют роль структур, определяющих характер репродуктивного поведения и становления специфических типов социальной субъективности, выбор онто-эпистемологических приоритетов и генерализацию когнитивных практик методологического индивидуализма в биологической теории пола и гендера.

3) показано, что непрояснённая проблема реальности пола – главная причина гендерного релятивизма и номинализма, распространения антропологически агрессивных доктрин репродуктивного поведения, либо полностью исключающих пол как популяцию индивидов, либо допускающих однополость или множественность полов.

4) развита нетривиальная аргументация в пользу вывода, что аутентичное истолкование проблемы пола и гендера находится в прямой зависимости не столько от успехов специальных научных исследований, сколько от характера преодоления методологических альтернатив в современной метафизике и биологии пола.

5) показано, что эволюционно-экологический и этологический подходы, опирающиеся на логико-дискурсивные ресурсы диалектики, феноменологии, эвристику и интуиции аналитики понимания, результаты современных биосемиотических исследований открывают реальную перспективу истолкования гендера и пола как формообразующих принципов развития репродуктивной коммуникативной активности, как выражения процессов взаимодействия факторов биологической и социальной детерминации в системе механизмов репродуктивного поведения людей.

6) показано, что разработанная Ч. Дарвином теория полового отбора охватывает как ранние, предысторические (антропогенез), так и современные стадии эволюции человеческих популяций. Пол и гендер принадлежат к числу атрибутивных определений и органической, и разумной жизни. И в виде логически корректных, референциально осмысленных биосоциальных понятий являются необходимым условием построения общей теории жизни.

7) показано, что высокая эвристика популяционного стиля мышления в современной биологии вообще и в теории репродуктивного поведения человека в частности - является результатом признания научным сообществом в качестве элементарной единицы эволюции живого не отдельного изолированного организма, а «местной популяции» (СТЭ).

8) Дана онтолого-эпистемологическая оценка идеям трансгуманизма и гендерной философии с точки зрения их релевантности данным современной биологии. Развита аргументация в пользу вывода об их принадлежности к корпусу по существу идеологических доктрин, ориентирующихся целями

оправдания опыта преобразования «естественно возникших» практик репродуктивного поведения в «искусственно созданные».

Положения, выносимые на защиту:

1) начала современной метафизики пола укоренены в античной науке и философии, а ее современное состояние является итоговым выражением параллельной и сопряженной эволюции интеллектуальных традиций Западного и Восточного христианства. Вытекающие из их различий идеологические, теоретические, онтолого-эпистемологические и антрополого-персонологические оппозиции и контраверсы предопределили становление принципиальных различий западноевропейской и отечественной метафизик пола.

2) западно-европейская метафизика пола обнаруживает черты очевидной зависимости от укорененных в духовной жизни общества традиций индивидуально-персонологического антропоцентризма. Его исторические и современные типы выполняют роль структур, определяющих характер репродуктивного поведения как фактора развития коммуникативной активности, порождающей специфические типы социальной субъективности. Последние обуславливают выбор онто-эпистемологических приоритетов и генерализацию когнитивных практик методологического индивидуализма.

3) методологические и эпистемологические установки индивидуалистического антропоцентризма являются причиной распространения принципа плюрализма мнений как в биологической теории репродуктивного поведения, так и в современной философии гендера.

4) в силу множественности и неоднородности объектов онтологии пола, выполняющих роль одновременно и важнейших элементов стратегии органической жизни, и факторов социокультурной динамики, противоречивости онто-эпистемологических условий их осмысленности, возникают трудности

предметного самоопределения общей теории пола и построения вытекающих из нее антропологически аутентичных практик сексуального поведения. Непроясненность проблемы реальности пола – главная причина гендерного релятивизма и номинализма, распространения антропологически агрессивных доктрин репродуктивного поведения, либо полностью исключающих существование пола, как популяции индивидов, либо допускающих однополость, либо множественность полов.

5) и пол, и гендер представляют собой сложные, многоуровневые образования, характеризующиеся многообразием органически взаимосвязанных признаков биосоциального комплекса. Уяснение природы пола и сущности гендера находится в прямой зависимости от преодоления „доминирующих в современной биологии методологических альтернатив (редукционизм – холизм, элементаризм – композиционизм, организмизм – популяционизм, феноменализм – эссенциализм, структурализм - функционализм, типологизм - эволюционизм и т.д.). Их эффективному преодолению на основе идей натуралистической эпистемологии (У. Куайн), принципа дополнительности (Н. Бор) отвечают исследования этологии человека и смежных дисциплин: психоэтологии, когнитивной этологии, антропоэкологии, эволюционной психологии и др.

6) эволюционно-экологический подход, опирающийся на логико-дискурсивные ресурсы диалектики, феноменологии, эвристику и интуиции аналитики понимания, результаты современных биосемиотических исследований открывает реальную перспективу методологически корректной постановки вопросов переосмысления явлений пола с точки зрения знаково-символических средств, в которые они облечены.

7) поскольку биосемиотическая парадигма предполагает понимание знаковых процессов означения и интерпретации, как выражения сущности открытых, самоорганизующихся и самовоспроизводящихся живых систем, то

референциальная семантика отвечающих им идеальных сущностей (концепты, конструкты и др.), может быть органически дополнена результатами истинностно-значимой семантики. Объекты пола могут обнаруживать свои действительные свойства не только в предметной, но и в собственно объект-объектной перспективе.

8) половой диморфизм как форма бытийно-онтологической осмысленности эволюции в антропогенезе послужил непосредственной предпосылкой разработки Ч. Дарвином теории полового отбора, как главной закономерности гоминизации, а затем и последующей эволюции человека в условиях социально-исторического прогресса. Направленность полового отбора задается спецификой культуры и образа жизни, а гендерное поведение, адекватное биологии человеческого пола, становится условием выживания человека, как биологического вида. Утрата социального контроля за развитием гендерных аспектов культуры связана с отсутствием в биологических исследованиях проблемы пола указаний на способы и границы их применимости, а так же с превращением вопросов и пола и гендера в эффективный инструментарий инициатив биополитики и биовласти.

9) для построения теории репродуктивного поведения, отвечающей потребностям выживания и исторической перспективы человека необходимы выяснение и идентификация эволюционно-экологического статуса процессов гендерных трансформаций взаимоотношений полов. Согласно исследованиям последних десятилетий в области охраны окружающей среды, глобального и регионального экологического прогнозирования и др., решение такого рода задач возможно лишь на основе преодоления господствующих жизненно-практических и теоретико-познавательных установок индивидуалистического антропоцентризма - главной причины как исторических, так и современных антропологических катастроф и экологических кризисов.

Теоретическая значимость работы состоит в получении обоснованных характеристик пола как биосоциального явления, в контексте философской и антропологической концептуализации. Обоснована необходимость междисциплинарного подхода в исследовании проблем пола и гендера. Проведен многосторонний и системный анализ, результаты которого позволяют выявить особенности развития концептуальных представлений о поле и гендере, дают возможность определить сущность и дифференцировать специфику развития таких представлений. Полученные результаты являются базовыми для дальнейшей научной работы

Практическая значимость работы раскрывается в связи с использованием полученных результатов в исследовании проблем концептуального развития биологических наук и биомедицинских технологий. Результаты исследования носят междисциплинарный характер, они могут быть использованы в процессе подготовки специалистов в области как гуманитарного, так и биомедицинского знания. Материалы диссертации могут послужить основой для разработки учебных пособий и спецкурсов по философии науки, онтологии и теории познания, философской антропологии, социальной философии и философии биологии.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и результаты исследования нашли свое отражение в докладах и материалах международных научных конференций: «Ребенок в современном мире» (С-Пб., 2011), «Ребенок в современном мире. Дети и Родина» (С-Пб., 2012), «Ребенок в современном мире. Детство и массовая культура» (С-Пб., 2014), «Ребенок в современном мире. Дети и информационное пространство» (С-Пб., 2016), "Медицина и стратегии выживания человечества: биоэтика, психология здоровья, медицинское право" (Махачкала, 2017), «Ребенок в современном мире. Экология детства» (С-Пб.,

2018). Международной научно-практической конференции «Философское знание и вызовы цивилизационного развития» (Минск, 2016). Всероссийского научно-практического семинара с международным участием «Современные проблемы педагогики»: «Технология в теории и практике образования: методологические проблемы» (Волхов, 2017), «Современное образование в социальном контексте» (Волхов, 2018), «Современное педагогическое образование в междисциплинарном аспекте» (Волхов, 2019), «Современный педагогический процесс: теория и практика» (2021). Всероссийского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Социум. Сознание. Язык»: «Разум как феномен культуры» (Волхов, 2017), «Коммуникативные стратегии современного общества» (Волхов, 2018), «Ценностные константы в современном обществе» (Волхов, 2019), «Мировоззрение, как детерминанта в научном исследовании» (Волхов, 2021).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы в объеме 368 наименований. Диссертационное исследование изложено на 232 страницах машинописного текста.

Глава 1. Понятие пола: философско антропологический смысл и теоретико-биологические репрезентации.

1.1 Пол, как формирующийся принцип жизненного мира человека в философии

По дошедшим до нас из глубины веков в буквальном смысле остаткам античной литературы мы можем лишь догадываться о ее былом великолепии и

разнообразии. Современное прочтение античных первоисточников поднимает герменевтическую проблематику понимания того, что было сказано или написано в совершенно иных исторических условиях¹, выводя на передний план вопрос адекватности нашей интерпретации древних текстов и их экстралингвистического контекста в его историческом измерении. Тему «знания, взятого в его историческом развитии, в его взаимодействии с социально-культурным контекстом»², следует рассматривать в ключе эпистемологической релятивности (но не релятивизма, поскольку речь идет о поиске изначального смысла, а вовсе не о декларировании равноценности различных точек зрения по одному и тому же вопросу)³.

Характерное для исторической эпистемологии «признание принципиальной исторической изменчивости критериев научности»⁴, представляющее собой «...жест проблематизации оснований науки, ...признававшихся ранее само собой разумеющимися»⁵, в сочетании с принятием тезиса фундаментальной герменевтики «о полной историчности познающего субъекта и, тем самым, и познаваемой истины»⁶ задает направление пути к «адекватному описанию того, что есть на самом деле»⁷.

Ключевую роль в развитии представлений о возникновении мужского и женского полов играет платоновский миф, согласно которому Зевс некогда разделил «перволюдей» - андрогиннов, которые имели сросшиеся тела с двумя парами рук и ног, на две половины - мужчин и женщин, с тех пор стремящихся друг к другу в поисках своей второй половины. Как принято считать, именно

¹ Тиссельтон Э. Герменевтика / Э. Тиссельтон — Черкассы: Коллоквиум, 2011.

² Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии) // Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс].

³ Ibid.

⁴ Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т.1. № 4. С. 153-167.

⁵ Ibid.

⁶ У.В. Сидорова Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект // Вестник ЮУрГУ, № 24(96), 2007. Стр. 120 - 122

⁷ Ibid.

Платон, рассказав этот миф, впервые представил любовь как «жажду целостности и стремление к ней». Тем не менее, есть основания предполагать, что иносказательный смысл платоновского мифа нам не вполне понятен, например, в том, что касается «четверорукости» и «четвероногости» андрогинов. С одной стороны, в текстах, относящихся к той же эпохе - у Аристотеля⁸ - можно встретить упоминание о том, что спаривающиеся животные образуют как бы «единое существо» с двумя парами конечностей, подобные умозаключения вполне могли бы объяснить образ андрогина.

С другой стороны, тема андрогинности (двуполости) божества, призванной символизировать его божественное совершенство, буквально пронизывает дохристианскую мифологию, и не только европейскую⁹: так, например, в Упанишадах встречается сюжет о первосуществе, разделившемся на мужчину и женщину, что позволяет предполагать генетическую связь сюжета платоновского мифа со значительно более древними источниками, быть может, восходящими к индоевропейскому прошлому. В таком случае можно предположить, что ко времени ознакомления с этим мифом Платона культурно-исторический контекст, в котором миф создавался, был уже утрачен. Вместе с тем, в древнеиндийской мифологии многорукость богов и других мифологических персонажей – типическая черта, имеющая символический смысл безотносительно темы размножения. Так или иначе, хотя весьма вероятно, что символика мифа об андрогине нам остается не до конца ясной, именно из диалогов Платона идея изначальной целостности человеческой природы и ее последующего разделения на мужскую и женскую половины вошла впоследствии в европейскую теологическую и философскую традицию.

⁸ Аристотель. О возникновении животных. — М.: Л., 1940.

⁹ Элиаде М. Мefистифель и андрогин, или мистерия целостности. [Электронный ресурс].

Складывающаяся в течение многих поколений традиция истолкования определенного текста, как и «историческая ситуация»¹⁰ в целом, довлеет над читателем: «никто не может освободиться от предрассудков своего времени, от своей историчности»¹¹. Это утверждение можно проиллюстрировать на примере некоторых достаточно распространенных оценок, фактически клише, интерпретирующих труды классиков. Несмотря на то, что значение работ Аристотеля для формирования европейской научной и философской традиции общеизвестно, а сами работы, казалось бы, детально изучены, в современной литературе, посвященной феминистской проблематике (в первую очередь это касается «англоязычных источников»), Аристотеля принято рассматривать, как чуть ли не основоположника идеологии мизогинии¹².

«Аристотель хорошо известен в литературе, как классический женоненавистник... Сегодня такое обвинение может стать приговором писателю...»¹³. Приписываемые ему определения «женщина есть как бы неполноценный мужчина», «женственность следует рассматривать как некий природный недостаток» и т.п. многократно цитированы и тиражируются до сих пор¹⁴. В результате Аристотель представлен «выразителем» свойственного античному миру «классического понимания пола»¹⁵, согласно которому «мужской пол по своей природе выше, женский - ниже, и вот первый властвует, второй находится в подчинении»¹⁶, из чего делается безапелляционный вывод: «в античной культуре женщины считались низшими по природе и потому их

¹⁰ Рубцова С. П. Интерпретация и объяснение: два подхода к пониманию текста // Вестник ВГУ - 2016, №2 (20) - С. 57-66.

¹¹ Аксенова А. А. К вопросу аппликативности понимания: полемика между Э. Бэтти и Г.-Г. Гадамером // Вестник КГУ. – 2017, №2 – С. 61-64.

¹² Шенли М.Л., Пейтмен К., Феминистская критика и ревизия истории политической философии / под ред. Н.Л. Блохиной — М.: РОССПЭН. — 2005.

¹³ Саксонхаус А. Аристотель о семье и женщине в государстве // в кн. М.Л. Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии — М.: РОССПЭН, 2005.

¹⁴ Smith N. D. Plato and Aristotle on the Nature of Women // Journal of the History of Philosophy. — 21 (4). — pp. 467–478.

¹⁵ Костикова И. В. Введение в гендерные исследования — М.: Аспект Пресс, — 2005.

¹⁶ Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М, 1983. Т. 4.

функции ограничивались производством потомства и исполнением домашних обязанностей...»¹⁷. Именно такой вывод, казалось бы, опирающийся на мнение Аристотеля, стал настоящим клише. Тем не менее, при обращении к первоисточнику нетрудно заметить, что в большинстве случаев знаменитые «цитаты» оказываются вырванными из контекста, а позиция Аристотеля далеко не столь однозначна.

По поводу соотнесения природы женщины и раба Аристотель говорит прямо: «...женщина и раб по природе своей два различных существа:... У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение...»¹⁸. Во всяком случае, возможность отношения к женщине, как к рабу, получает недвусмысленно негативную оценку Аристотеля.

Пассаж про «женственность... как природный недостаток» достаточно грубо вырван из контекста, оригинальная цитата звучит следующим образом: «Причина в том, что у людей мужской пол сильно отличается от женского теплотой своей природы... у женщин все завершается раньше, чем у мужчин: и созревание, и расцвет, и старость, ибо они - слабее и холоднее по природе, и женственность следует рассматривать, как некий природный недостаток»¹⁹.

Как можно видеть, речь здесь ведется именно о «природном» недостатке, то есть недостатке (нехватке) неких сил, которые Аристотель называет «природной теплотой». Но ни в коем случае не о том, что женственность является «недостатком» сама по себе. Таким образом, здесь мы видим попытку натурфилософского описания физиологии и психологии пола, чем через много веков станут заниматься медицина, биология развития, эволюционная психология, этология человека и т.д. Кроме того, нужно учитывать, что именно

¹⁷ Оукин С.М., Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье // в кн. МЛ.Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.

¹⁸ Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М, 1983. Т. 4., — кн. 1

¹⁹ Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М, 1983. Т. 4., — кн. 4

эти, цитируемые здесь, труды Аристотеля и послужили основой для построения методологии научного описания в будущем. То есть у самого Аристотеля ещё не было возможности воспользоваться ни достаточно разработанной научной методологией, ни терминологией.

По поводу «домашних обязанностей» и связанных с этим «ограничений»: на самом деле Аристотель рассуждает о дружбе, согласии и взаимопомощи в семье, а вовсе не о запрете вмешиваться в чужие обязанности. Формулировки автора исключительно корректны и очевидно доброжелательны: *«...люди живут вместе не только ради рождения детей, но и ради других [надобностей] жизни. Действительно, дела с самого начала распределены [между супругами] так, что у мужа одни дела, а у жены другие; таким образом муж и жена поддерживают друг друга, внося свою [долю участия] в общее [дело]. Этим объясняется, видимо, то, что в данной дружбе присутствует как польза, так и удовольствие»*²⁰.

Таким образом, рассуждая о проблемах управления обществом, Аристотель рассматривает «семью, как модель естественной аристократии, понимая под этим сообщество, в котором мужчина управляет соответственно своим достоинствам»²¹ *«в том, в чем следует, а что подобает жене, он ей и предоставляет»*²². Таким образом, стремясь дать описание «естественного порядка вещей», Аристотель рассматривает иерархию, действительно существующую в устройстве семьи, как часть такого порядка.

По всей видимости, отсюда можно сделать вывод, что «...в сочинениях Аристотеля нет ненависти к женщинам; в них, скорее, есть попытка понять, с точки зрения мужчины, происхождение женщины и ее роль в мужском

²⁰ Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4., — кн. 1

²¹ Саксонхаус А. Аристотель о семье и женщине в государстве // в кн. М.Л. Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии — М.: РОССПЭН, 2005.

²² Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4., — кн. 1

городе...»²³. Распространенное мнение, согласно которому Аристотель – убежденный мизогин, по-видимому, можно считать мифом, сложившимся в результате совместных усилий переводчиков и интерпретаторов. Во всяком случае, попытки идеологического «обоснования» дискриминации по половому признаку не стоит возводить к трудам именно Аристотеля.

В противоположность Аристотелю Платона принято считать теоретиком равноправия полов и чуть ли не к провозвестникам феминизма. Поскольку в идеальном городе-государстве Платона не должно быть ни частной собственности, ни отдельных домашних хозяйств, ни семей, то освободившиеся от хозяйственных и семейных забот женщины получили бы возможность наравне с мужчинами принимать участие в государственных делах. И хотя тем самым Платон фактически высказал идею равноправия полов, из его диалогов следует принципиальная убежденность в неравенстве полов: «души трусливых и бесчестных мужчин после смерти переходят в женщин» («Тимей»). Несмотря на то, что Платоном было предложено последовательное объяснение любви (предполагавшее не только стремление к целостности, но и к благу, и к прекрасному), это не мешало философу считать любовь к женщине — животным чувством, продиктованным необходимостью размножаться²⁴. Таким образом, взгляды, высказываемые Платоном в его «Диалогах», производят противоречивое впечатление: как совместить утверждение, что женщины уже по своей природе хуже мужчин, с революционной идеей, что женщины могли бы входить в правящую элиту - «правителей-философов»²⁵?

Противоречие вполне объяснимо, если учесть, что женщины рассматриваются Платоном, как один из видов собственности, поскольку

²³ Саксонхаус А. Аристотель о семье и женщине в государстве // в кн. М.Л. Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии — М.: РОССПЭН, 2005.

²⁴ Левова И.Ю. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический / И.Ю. Левова, Л.А. Пашнина — [Электронный ресурс]

²⁵ Оукин С.М., Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье // в кн. МЛ.Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.

именно такой подход был распространен в древнегреческой культуре. Необходимость совместного владения женщинами и детьми (т.е. ликвидация семьи, как общественного института) в идеальном городе Платона вытекает из необходимости совместного владения неживым имуществом и всякой собственностью, что должно служить укреплению единства города. «Даже поверхностное знание «Пира» с его неодобрением тех, кто обращает свою любовь на женщин и создает семьи, и одобрением тех, чья высокая, духовная любовь обращена к мужчинам и философии, показывает, что Платон и его слушатели никогда не рассматривали упразднение семьи как жесткое ограничение интимной жизни»²⁶ - в отличие от «...ограничения своего гомосексуального поведения со стороны идеального государства»²⁷.

Таким образом, можно констатировать, что противоречия в современной интерпретации древних текстов не могут быть разрешены вне рассмотрения культурно-исторического контекста соответствующей эпохи, а «...проблема не столько в герменевтической субъективности, сколько в том, что мы изначально не осознаем историческую предзаданность нашего мышления, наших оценок и пр.»²⁸

Хотя считается, что неравенство социальных групп (рабов и свободных, женщин и мужчин, и т.п.) было характерным для всего античного общества, такое утверждение достаточно противоречиво. Если Фалес из Милета возносил хвалу богам за то, что «родился человеком, а не животным, эллином, а не варваром, мужчиной, а не женщиной»²⁹, то Пифагор и его ученики, напротив, были известны своим уважением к женщинам и осознанием их значения в жизни общества. Свободное положение, например, спартанских женщин было

²⁶ Оукин С.М., Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье // в кн. МЛ.Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.

²⁷ Ibid.

²⁸ Аксенова А. А. К вопросу аппликативности понимания: полемика между Э. Бэтти и Г.-Г. Гадамером // Вестник КГУ. — 2017. № 2. — С. 61 – 64..

²⁹ Шибаршина О.Ю. Эволюция представлений о сущности мужчины и женщины в античной философии // Научный вестник МГТУ ГА. — 2015. — № 215: — с. 94 – 98.

общеизвестно, в то же время тот факт, что спартанцы принадлежали к дорийцам, носителям наиболее древней из всех греческих племен культуры и обычаев, позволяет предположить, что именно такое положение женщин и было изначально присущим предкам греков. Тем не менее, традиции, согласно которым неравноценность мужчин и женщин мотивировалось их «различной природой»³⁰ - исторический факт, для объяснения которого, по-видимому, следует более внимательно присмотреться к особенностям античных традиций.

В своем знаменитом эссе Г. Честертон дал весьма показательную оценку традициям культа сексуальности в античности: «Мудрейшие люди в мире пожелали жить согласно природе и почти сразу занялись на редкость противоестественным делом..... Рим еще жил и рос, когда греческие его наставники уже гнили на корню ...но, в конце концов, и он погиб от того недуга, порожденного прежде всего языческим культом природы. ...Современные разговоры о половой свободе, о теле, прекрасном, как растение... - просто плохая психология, от которой мир устал две тысячи лет тому назад. ... Если вы хоть немного знаете латинскую поэзию, вспомните, что стояло в их садах вместо солнечных часов, или фонтана, нагло и весомо... каков был бог их садов. Поистине от этого наваждения могла избавить только неземная религия»³¹.

В чем же видит Г. Честертон причину морального кризиса античной цивилизации? Хотя он, казалось бы, недвусмысленно указывает, что корень зла – в поклонении «природе» (в «культе природы»), термин «природа» в его рассуждении – не более, чем эвфемизм. Уже из факта замещения термином «природный» терминов «фаллический» («приапический» etc.) или «гомосексуальный» следует довольно много вопросов. Во-первых, почему во времена Честертон в английской (или европейской?) культуре были табуировано употребление тех или иных терминов? Во-вторых, почему

³⁰ Костикова И. В. Введение в гендерные исследования / И. В. Костикова [и др.] // М.: Аспект Пресс, — 2005.

³¹ Честертон Г.К. Франциск Ассизский // Вопросы философии — 1989 — №1. — стр 88.

«согласно природе» - это обязательно «противоестественный»? И наконец, вопрос, оживленное обсуждение которого велось чуть ли не до последнего времени: «естественен» ли гомосексуализм? Имеет ли он природное, «биологическое обоснование» или должен считаться «явлением культуры»? Во времена Честертона уровень развития биологии не позволял дать хоть сколько-нибудь обоснованный ответ на эти вопросы.

Порицание «поклонения природе» не избавляет от необходимости понять, что именно является объектом поклонения. Нужно отметить, что со временем, отделяющим Грецию эпохи Платона от буржуазной Англии Честертона, смысл понятия «природа» существенно изменился. Классический вариант противопоставления φύσις – νόμος, подразумевавший оппозицию вечной природы и преходящих деяний человеческих, известен со времен софистов (Антифон). Если в античности «природа» («φύσις» у Аристотеля) означала сущность (вещи или существа), то в Новое время появились значения «природа», как как «совокупность всего сущего», и одновременно (согласно картезианскому определению) как «противостоящий человеку (субъекту) объективно существующий и независимый от него мир... В классическом виде оппозицию φύσις – νόμος сформулировал софист Антифон: необходимости природы он противопоставлял произвол человеческих установлений»³². Кардинальные перемены в понимании «естественного», характерные для эпохи картезианства, нашли свое выражение в переносе части метахарактеристик, составлявших семантическое поле понятия «естественный» («данный от природы», т.е. «истинный»), на понятие «искусственный». Произшедшая в результате смена аксиологических установок привела европейскую мысль (с учетом культивируемого в христианстве понятия греховности) к развитию

³² Месяц С.В. Природа // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс].

представлений о низменности «природного», т.е. «животного», и, в конечном счете, принижению женственного, как олицетворения природного.

Таким образом, возможно, Г. Честертон выразил бы свою мысль яснее (для нас) если бы говорил не о поклонении «природе» вообще, а о персонификации неких сил природы, о которых он избегал говорить напрямую. Прделанный им анализ причин деградации античной культуры безжалостно точен, но выбор терминов для описания этих причин не менее красноречив, поскольку, с одной стороны, отражает моральные ограничения эпохи, в рамках которых находился автор. С другой стороны, позиция, с которой «природа» рассматривается чуть ли не как «источник зла», демонстрирует установку, на протяжении веков культивировавшуюся в рамках идеологии христианства (в первую очередь Западного), противопоставлявшую «природное», равно как «животное» и «телесное», «духовному», «неземному» и «возвышенному». В итоге «природное» получало значение, синонимичное «недостойному».

Принято считать, что христианство, хотя и принесло новое понимание любви, но противопоставило любовь к богу низменной телесной любви³³, в результате чего «телесное» («природное») окончательно стало низменным - тем, что нужно преодолевать. На самом деле именно по этому вопросу Западная и Восточная ветви христианства (греческая византийская традиция и римская латинская) занимали полярно противоположные позиции задолго до Разделения церквей – со времен поздней античности. О противопоставлении возвышенной любви к Господу» (небесной любви) и земной любви, причем именно как греховной и низменной, корректно говорить лишь применительно к западному, т.е. латинскому, христианству. Восточное христианство, утверждая преимущество духовного над вещественным, тем не менее, не рассматривало телесное, как что-то недостойное – в отличие от средневековой западной

³³ Орлова Н.Х., Антропология пола и брака в христианстве / Н.Х. Орлова — СПб.: Издательский дом MiPЪ, 2006.

культуры, которая «в представлениях о грехе и греховности построена на установках, сформулированных Августином»³⁴. «Греховность человека изначально и неизбывна» – отстаивая это положение, Августин «сформулировал своё особое учение о первородном грехе, исходя из библейской экзегезы, основанной на Вульгате... (греческие тексты, как признано, Августин или знал очень плохо, или не знал вообще)...»³⁵.

Разумеется, «эта антитеза сказалась на дальнейшем развитии европейской культуры, задав попытки ее преодоления в качестве доминанты эволюции европейского искусства, европейской морали и философии»³⁶. В дальнейшем противопоставление небесного – земному, души – телу (и, следовательно, культуры - природе) ставится во главу угла новой идеологии, сыгравшей принципиально важную роль в становлении западноевропейского индивидуалистического антропоцентризма. «...Христианская мысль оказалась в трудной ситуации, когда, с одной стороны, женский пол через материнство наделяется почти мистической славой Богородицы... С другой ...принижение женщины, превознесение аскетизма с неизбежностью вошло психологическим конфликтом в сферу отношений между полами, брака, семьи. История христианства воспроизводила этот конфликт в самых уродливых и жестоких формах...»³⁷.

В эпоху Возрождения специфика понимания пола была связана с постепенным освобождением идеологии от контроля церкви, постепенным усилением общего интереса ко всему земному и человеческому. «Возрожденческий эрос говорит о гармоничном единстве природного и

³⁴ Дмитриев М.В., Хижая Т.И., Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс]

³⁵ Ibid.

³⁶ Левова И.Ю. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический / И.Ю. Левова, Л.А. Пашнина — [Электронный ресурс]

³⁷ Орлова Н.Х., Антропология пола и брака в христианстве / Н.Х. Орлова — СПб.: Издательский дом МПРЪ, 2006

божественного... Так как природа и Бог неразрывны, то нет ничего предосудительного в культе красоты и вожделения»³⁸.

Эпоха Просвещения принесла иные концепции, в первую очередь, настоящий культ рационализма, нашедший яркое выражение в геометризме (служившем наиболее наглядным воплощением идеологии исправления «несовершенства» природы). Поскольку протяженность признается единственной характеристикой природы, то на передний план в ее научном осмыслении выходит геометрия, из чего следует механистическое объяснение Декартом явлений природы. «Даже животные и растения суть, по его мнению, автоматы, хотя и лучше устроенные, чем любая из машин, изобретенных людьми. Образ мира-машины становится особенно популярным»³⁹ (заметим, что даже наиболее выдающимся умам XVII в. живая природа представлялась состоящей не более, чем из животных и растений – не было еще даже приблизительного представления о ее многоуровневой сложности, но все это вряд ли может служить упреком авторам, которым приходилось прятать свои работы от инквизиции).

Характерно, что восхищение современников Декарта успехами тогдашней механики, создававшей первые машины, выразилось еще и в том, что идеального человека тогда представляли, как «совершенную машину, неподотчетную его переживаниям»⁴⁰. «Наука в эпоху Просвещения все более и более осмысляется ...как средство овладения природой... Научный дискурс оборачивается дискурсом власти над природой, над человеком, над обществом»⁴¹. «Свое наглядное выражение идеология эпохи Просвещения

³⁸ Левова И.Ю. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический / И.Ю. Левова, Л.А. Пашнина — [Электронный ресурс]

³⁹ Мезяц С.В. Природа //Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс].

⁴⁰ Свасьян К. Судьбы математики в истории познания Нового времени // Вопросы философии — 1989.— № 12 — с. 41 – 54..

⁴¹ Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения / А.П. Огурцов — М.: ИФРАН, — 1993

нашла в искусстве – ...малейший признак естественности шокировал вкусы»⁴² - что можно проиллюстрировать на примере регулярных парков с их подчеркнuto не-естественным геометризмом.

Отметим, что представления о «низменности» природного и, следовательно, «несовершенства» природы с последующим выводом о необходимости ее «исправления» были связаны с непониманием природы, в первую очередь с непониманием живой природы (во всей огромной сложности ее взаимосвязей), и вытекающим из этого подсознательным страхом перед ее проявлениями. Сформировавшееся в раннем христианстве противопоставление души и тела получило развитие в противопоставлении культуры природе, а также мужского – женскому (как более «природному»). В русле этой идеологии в конечном счете была выведена формула, совершенная в своей лаконичности (принадлежащая А. Шопенгауэру), гласящая: *«...женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение»*⁴³. Впрочем, когда бы подобные суждения ни высказывались – со времен античности и чуть ли не по сей день, они содержат категориальную ошибку, состоящую в смешении совершенно разных уровней описания предмета – природного (биологического) и социокультурного.

Ошибка заключается в смешении уровней, на которых производится сопоставление: *природная* (биологическая) роль женского пола противопоставляется той социокультурной (!) роли, выполнение которой возлагается на мужской пол. Этой ошибки можно избежать, если сопоставлять роль женщин и роль мужчин на каком-то одном уровне – либо природном (биологическом), либо социокультурном. Принимая предельно упрощенный взгляд на проблему пола, согласно которому «единственный смысл разделения

⁴² Свасьян К. Судьбы математики в истории познания Нового времени // Вопросы философии — 1989.— № 12 — с. 41 – 54...

⁴³ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр — Спб.: Азбука, — 2011 г.

полов заключается в рождении детей, а единственное назначение женщины — в вынашивании потомства»⁴⁴, мы должны принять и то, что единственное назначение мужчины - передать свои гены последующим поколениям. В этом случае роли оказываются эквивалентными и взаимодополняющими, причем именно такой подход является вполне научным с позиций, например, современной эволюционной биологии, объектом применения методологического аппарата которой в первую очередь являются биологические популяции, а не отдельные особи (мужские или женские) биологического вида *Homo sapiens*.

Эту ошибку было трудно увидеть, во-первых, до «разделения» Декартом природы и человека, во-вторых, до появления современной эволюционной биологии, с точки зрения которой задача популяции и состоит в обеспечении «передачи» генов следующим поколениям. Человеческая культура при таком подходе играет вспомогательную роль относительно задачи выживания популяции. В таком контексте культура рассматривается, как «передача навыков и особенностей поведения из поколения в поколение»⁴⁵, как адаптивная стратегия биологического вида *Homo sapiens*, которая может быть представлена, как совокупность средств, способствующих самосохранению этнопопуляции⁴⁶.

Оппозиция «мужское – женское» в европейской философии достигла крайней полярности своего выражения в творчестве А. Шопенгауэра. Его пронизательность в определении движущих сил взаимоотношений мужского и женского полов предвосхитила анализ этой темы, позже проделанный эволюционной биологией. Как охарактеризовал шопенгауэровскую философию Т. Манн, «это эротическая концепция мира, настойчиво объявляющая пол

⁴⁴ Гапова Е. Классы наций. Феминистская критика нациостроительства / Елена Гапова — Новое литературное обозрение, 2016. — 368 с..

⁴⁵ Де Вааль Ф. Культура приматов. Как шимпанзе стали людьми // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴⁶ Левченко В.Ф. Биосфера: этапы жизни / В.Ф. Левченко — СПб.: «Свое издательство» — 2012.

средоточием воли». Выдвинутое Шопенгауэром, как важнейшее, понятие «воля к жизни» в конечном счете может быть понято, как половое влечение⁴⁷. Шопенгауэром точно подмечены особенности женского и мужского поведения, объяснить которые в то время с научных позиций было еще невозможно по очень простой причине фактического отсутствия биологической науки в ее современном понимании.

Как заметил М. Рьюз, «...философы возводят замки своих рассуждений на неких не существующих для современной науки основах, а биологи оказываются обреченными ломать копыя по вопросам, по которым философы вели споры двадцать лет назад»⁴⁸, с тем уточнением, что Шопенгауэр опередил современное научное понимание проблемы на полтора века. А. Шопенгауэр пытался описывать явления, для адекватного описания которых много позже будет создан понятийный и методологический аппарат нейроэндокринологии и популяционной генетики, этологии человека и эволюционной психологии, а также множества других дисциплин. Те самые явления, которые Шопенгауэр описывал с помощью термина «гений рода», десятилетия спустя будут описываться с помощью терминов «половой отбор» («родовой отбор» и пр.).

Вот как современная биология описывает стратегии выбора полового партнера: *«самкам выгодно выбирать самцов с "хорошими генами" (чтобы потомство получилось более жизнеспособным), поэтому любой признак, свидетельствующий о хорошем здоровье, силе или высоком социальном статусе, может быть подхвачен и усилен половым отбором»*⁴⁹.

В формулировках А.Шопенгауэра примерно то же самое звучит так: *«здесь чрезвычайно соответствуют друг другу не только телосложение, но и воля мужчины и интеллект женщины, вследствие чего только они одни могут*

⁴⁷ Цвейг С. Зигмунд Фрейд (1926) / Стефан Цвейг. [Электронный ресурс].

⁴⁸ Рьюз М., Философия биологии / М. Рьюз — М, Прогресс — 1977.

⁴⁹ Марков А. В. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены / А.В. Марков — М., АСТ: Corpus, — 2011.

произвести на свет некоего определенного индивида, существование которого входит в намерения гения рода, по причинам, заложенным в сущности вещи в себе, а потому для нас непостижимым»⁵⁰.

Нетрудно видеть, что и современный биолог, и А.Шопенгауэр сходным образом описывают один и тот же процесс, существенная разница заключается в обозначении того, что управляет этим процессом. Т.е. там, где современный биолог может обозначить такую «управляющую структуру» термином «половой отбор», Шопенгауэр вынужден для такого же обозначения использовать термин «гений рода».

Современное биологическое объяснение феномена любви выглядит несколько утилитаристским: «Если... любовь возникла, значит, она была необходима для успешного размножения наших предков»⁵¹. «Любовь - внерассудочный феномен, наблюдаемый отнюдь не только у человека, и заключающийся в полоспецифической фиксации интереса на одном из нескольких возможных партнёров»⁵². Механизмы отбора с позиций современной биологии выглядят следующим образом: «при выборе партнера женская особь ориентируется на ранг претендента в мужской иерархии («ищет своего принца»), а мужская стремится к обладанию всеми самками. Соответственно, наиболее частым вариантом устойчивой семейной группы в природе служит гарем»⁵³.

Считается, что Шопенгауэр *«представил любовь как обман, с помощью которого природа заставляет человека заниматься продолжением рода, тем самым продолжая свою эволюцию»⁵⁴*. Но «обман природы» здесь не более, чем

⁵⁰ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр — СПб.: Азбука, — 2011.

⁵¹ Марков А. В. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены / А.В. Марков — М., АСТ: Corpus, — 2011.

⁵² Протопопов А.И. Разве у людей есть инстинкты? // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

⁵³ Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

⁵⁴ Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. — М.: Республика; ГЕРРА-Книжный клуб, 1999.

литературная метафора, заменяющая еще на тот момент не изобретенное выражение «биологический смысл». Поскольку до изобретения компактных биологических терминов («алгоритмы выбора партнера» и пр.) оставалось еще больше века, А. Шопенгауэру пришлось говорить о «гении рода», «вождедении воли-в-себе»⁵⁵ или просто о «самой Природе»: «*Это метафизическое вождедение воли-в-себе не имеет вначале в ряду существ иной сферы действия, кроме сердец будущих родителей*»⁵⁶, ...«*любовники по самой Природе предназначены друг другу*»⁵⁷

Современная биология передает тот же смысл другими словами: «самка оценивает не только "качество генов" претендента, но и его возможность и желание обеспечить ее и потомство необходимыми ресурсами... Самец оценивает репродуктивный потенциал этой самки, зависящий от ее возраста и "качества генов", показателем которых у людей являются привлекательные черты лица...»⁵⁸.

А. Шопенгауэр шокировал современников, в разгар эпохи романтизма «не оставив камня на камне от культа романтической любви, которая под его скептическим взглядом оказалась всего лишь замаскированной формой проявления полового инстинкта»⁵⁹. Шопенгауэру ставили в вину «сведение» любви к простому физиологическому инстинкту, в «биологизаторстве». Идеи А. Шопенгауэра были подхвачены и Ф. Ницше, продолжившем развивать критическое видение романтической любви. "Есть ли уши для моего определения любви? - спрашивает Ницше в сочинении "Esse Homo", - оно является единственно достойным философа. Любовь в своих средствах - война;

⁵⁵ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр — СПб.: Азбука, — 2011 г.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Моррис Д. Голая обезьяна / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009

⁵⁹ Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. — М.: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб, 1999..

в своей основе - смертельная ненависть полов"⁶⁰. Ницше развивал идеологическое течение, которое позднее было охарактеризовано, как постромантизм, значение которого состояло также и в том, что в обществе постепенно росло понимание природной обусловленности различий в женском и мужском.

Одним из наиболее известных критиков «Метафизики половой любви» стал О. Вейнингер, по мнению которого А. Шопенгауэром «...проводится очень односторонний взгляд, что бессознательной конечной целью всякой любви является «производство следующих поколений»»⁶¹. В своем труде О. Вейнингер собирался продемонстрировать ложность воззрений Шопенгауэра. Но современное понимание проблемы позволяет дать следующий комментарий: взгляды Шопенгауэра нельзя назвать ложными, они просто «биологичны», вполне адекватны даже современным научным взглядам, но вот его современники не смогли этого оценить в силу недостаточной развитости соответствующих естественнонаучных представлений и отсутствия понятийного аппарата.

Увы, О. Вейнингер в своей критике допускает ту же самую категориальную ошибку, что и многие его предшественники, смешивая «величины разной модальности» - биологический уровень описания человека с социокультурным. По замечанию А. Белого, в работе Вейнингера «столкнулись несоединимые методы отношения к полу; в ней отразилось столкновение многих мирозерцаний, не сведенных к единству: позитивист, неокантианец, ницшеанец и мистик спорят здесь...»⁶².

⁶⁰ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т 2 / Ф. Ницше — М., Мысль, 1990

⁶¹ Вейнингер О. Пол и характер / О. Вейнингер— М.: Терра. —1992

⁶² Белый А. Вейнингер о поле и характере // в кн. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей (сборник) — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012.

Труд О. Вейнингера «Пол и характер», «ещё один блестящий пример мизогинии и гинофобии»⁶³, был во многом был вдохновлен работами Шопенгауэра. Вейнингер был одним из тех, чьи попытки описывать и анализировать человеческое поведение опередили развитие науки: «к началу XX в. «психология как научная дисциплина не сложилась еще и только делала свои первые шаги усилиями практикующих психиатров (в том числе Фрейда). Не было ни аппарата, ни терминологии, ни даже классификации неврозов и сумасшествий»⁶⁴. Эндокринология в то время только еще зарождалась и до понимания роли половых гормонов человеческом организме (не только в формировании половых признаков, но и в формировании обусловленных полом поведенческих паттернов) оставались долгие десятилетия развития науки. По большому счету О. Вейнингер являлся «дилетантом с поразительной интуицией», а «вся его книга – это развернутая гипотеза с не очень убедительной аргументацией», в которой, кроме интересных и метких наблюдений, «есть множество совершенно произвольных вещей»⁶⁵, наивных, позднее опровергнутых или устаревших. Сама работа «Пол и характер» (если считать главной ее идеей феномен одновременного присутствия женственности и мужественности, как отдельных качеств, в характере каждого человека⁶⁶) во многом вторична по отношению к работам Шопенгауэра, который высказывался по данному поводу: *«Физиологам известно, что мужественность и женственность допускают бесчисленное разнообразие степеней»*⁶⁷.

До создания работы «Пол и характер» Вейнингер защитил диссертацию о бисексуальной природе человека как биологического вида. Вполне возможно,

⁶³ Хитрук Е.Б. Власть женщин: культурные концепты «мизогинии» и «гинофобии» в классическом философском дискурсе // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2015. — № 393. — С. 92-98.

⁶⁴ Клех И. Ю. Пол – судьба или выбор? О душе мира, гермафродитах и философе Отто Вейнингере // [Электронный ресурс]

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2009

⁶⁷ Шопенгауэр А. Избранные произведения / перев., составл. И.С. Нарского. — М., Просвещение, — 1992.

что сама идея бисексуальности была заимствована им у З. Фрейда, который, в свою очередь, почерпнул ее из общения с В. Флиссом, своим другом и коллегой, автором термина «бисексуальность»⁶⁸. Обобщая половые различия в поведении людей, Вейнингер предложил рассматривать не мужчин и женщин, а мужественность и женственность в человеке. «Мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, распределенными в самых разнообразных смешениях в живых индивидуумах... Можно даже сказать, что в области опыта нет ни мужчины, ни женщины. Существует только мужественное и женственное...»⁶⁹. Подобный подход в определенном смысле соответствует взглядам современной нейроэндокринологии, показавшей зависимость поведенческих паттернов человека от взаимного соотношения вырабатываемых в каждом организме как женских, так и мужских половых гормонов.

Выводы О. Вейнингер делал по сути природоборческие: «Правда настанет только тогда, когда из двух станет одно, из мужчины и женщины — третье, самосущее, т.е. ни мужчина, ни женщина»⁷⁰. Хотя считается, что «Вейнингер пропагандировал идущую от Платона идею андрогинизма, полагая, что в характере каждого человека присутствуют женское и мужское начало»⁷¹, можно предположить, что он опирался на платоновский миф вынужденно, не имея возможности опереться на естественнонаучную терминологию и понимание проблематики (несколько десятилетий спустя развитие эндокринологии подтвердит многие его догадки).

Учение А. Шопенгауэра придало понятию о бессознательном в психике новый смысл. Он утверждал, что внешние тела, равно как и представления о них, суть объективации воли. Здоровый слепец, несущий на плечах немощного

⁶⁸ Феррис П. Зигмунд Фрейд / П. Феррис — Минск: Попурри, 2001

⁶⁹ Вейнингер О. Пол и характер / О. Вейнингер — М.: Терра. — 1992.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. — М.: Республика; ГЕРРА-Книжный клуб, 1999.

зрячего, - так описывалось отношение воли к познанию в главном сочинении Шопенгауэра⁷²... Вопрос о связи появления психоанализа с философией Шопенгауэра неоднозначен: «в некоторых работах Фрейд ...подчеркивал, что Шопенгауэр давно указал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова»⁷³. Интерес к теме философских предпосылок психоанализа понятен в свете радикального влияния фрейдизма на философию.

Если связь учения Фрейда с концепцией Шопенгауэра вполне ощутима, что проявляется прежде всего в идее об иррациональности сексуальности, то соотнесение теорий любви Фрейда и Платона представляется достаточно спорным. У Фрейда совершенно отсутствует принципиальная для Платона идея эротического восхождения к «высшему» (благу или бессмертию). Напротив, теория сублимации Фрейда является низведением любви к первоначальным формам сексуальности, что дает основания говорить об антагонизме представлений Фрейда и Платона по крайней мере в том, что касается любви⁷⁴. С другой стороны, некоторые авторы отмечают внутреннее единство подходов обоих мыслителей⁷⁵.

Фрейд совершил переворот в понимании роли бессознательного в человеческой психике. Если «до Фрейда бессознательное мыслилось... как остаток сознания... то для Фрейда бессознательное ...присутствует в субъекте независимо от его осознания и без его ведома. Это и есть главная интервенция Фрейда в философские поля»⁷⁶. Это переворот коперниканских масштабов: человек «может быть принужден думать и делать то, чего ему не хотелось бы,

⁷² Ярошевский М.Г. История психологии / М.Г. Ярошевский — Москва: Мысль, 1976.

⁷³ Замалиева С.А., Психоаналитическое учение З. Фрейда: историко-философский анализ // Современные проблемы науки и образования, — №2, — 2012.

⁷⁴ Santas G. Plato and Freud Two The ones of Love / G. Santas — 1988 — Oxford, New York.

⁷⁵ Капышева О.А., Соколова А.А., Платон и Фрейд – две теории любви // Вестник СПбГУ. — Сер. 6 — 1994, — вып. 3 (№ 20).

⁷⁶ Автономова Н.С. Бессознательное // Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс]

это – радикальная децентрация человеческого мира по отношению к самому себе»⁷⁷.

Дело своего учителя по кардинальной трансформации представлений о роли бессознательного в человеческой психике блестяще продолжил ученик З. Фрейда Отто Ранк. Публикация им в начале XX века материалов о проблематике родовой травмы, из которых следовало, что психика человека начинает формироваться еще до момента рождения, вызвало категорическое неприятие его коллег психиатров и, в конечном счете, табуирование публикаций на подобные темы на несколько десятилетий. Развитие биологических наук за этот период, и в первую очередь эндокринологии, позволило (уже во второй половине XX века), переосмыслить работы О. Ранка, которые послужили отправной точкой появления ряда научных направлений, разрабатывающих пренатальную (перинатальную) проблематику с позиций психологии, нейробиологии и т.д. Было показано, что дородовая гормональная регуляция, осуществляемая материнским организмом, оказывая воздействие на развитие головного мозга плода во время беременности, закладывает основные характеристики поведения ребенка в будущем. Выяснилось, что «пренатальная схема развития мозга определяет многие аспекты женского и мужского поведения, в том числе сексуальную ориентацию»⁷⁸. Стресс, перенесенный будущей матерью на определенных этапах беременности («проблема пренатального стресса») оказывает разрушительное воздействие в первую очередь именно на механизмы формирования пола в развивающемся организме будущего ребенка⁷⁹. Исследования в этом направлении в настоящее время находятся на переднем крае развития медицины и биологии, вызывая неутраченные споры. Результатом подобных исследований на современном

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Палмер Д, Палмер Л. Эволюционная психология // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

⁷⁹ Ордян Н.Э., Пивина С.Г., Казакова И.К. Пренатальный стресс и половая дифференцировка поведения // Эндокринная регуляция физиологических функций в норме и патологии: — Новосибирск, — 2002. — С.109.

этапе стали представления о пренатальном развитии мозга⁸⁰, об эмоциональном восприятии⁸¹ и активно функционирующей памяти пренейта (плода)⁸² и пр.

Хотя учение Фрейда и его последователей оказало серьезнейшее влияние на всю мировую и в особенности западную культуру, «спор между теми, кто искал в психоанализе естественнонаучные факты и процедуры, и теми, кто считал психоанализ дисциплиной, которая может претендовать на научность лишь по инерции или недоразумению»⁸³, длился на протяжении многих лет. Развитие экспериментальной психологии, антропологии, социологии и других наук в конечном счете не позволило получить подтверждения целого ряда фрейдовских концепций и выявило их противоречивость. Некоторые исследователи указывают на отсутствие научных данных, которые бы подтвердили истинность психоаналитических интерпретаций человеческого поведения, например, «утверждение о зависти к наличию пениса сейчас звучит несколько примитивно и смешно»⁸⁴. В результате «универсализации патологического феномена фрейдовская интерпретация истории выглядит как прогрессирующий невроз всего человечества»⁸⁵. Фрейд не видел никакой возможности культурологического изучения любви потому, что представлял культуру, как инструмент репрессивного подавления жизненных инстинктов. Фрейд противопоставлял эрос культуре⁸⁶. Э. Фромм критиковал фрейдистский подход за иррационализм в объяснении феномена любви, за отсутствие

⁸⁰ Брехман Г.И. Эмоциональная жизнь плода: от смутных догадок к научным исследованиям / Лекция, прочитанная в Винницком НМУ 17 мая 2010 года // «Жіночий Лікар». — 2011. — №2. — С.10-15.

⁸¹ Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф — М.: Институт Трансперсональной психологии, 1993.

⁸² Захарова Л. А. Перинатальный стресс в программировании мозга и патогенезе психоневрологических заболеваний // Известия РАН. Серия биологическая. — 2015. — № 1. — С. 17-26.

⁸³ Фромм Э. Ситуация человека. Ключ к гуманистическому психоанализу — М., 1988

⁸⁴ Westen D. The Scientific Legacy of Sigmund Freud Toward a Psychodynamically Informed Psychological Science // Psychological Bulletin by the American Psychological Association — Nov 1998 — Vol. 124, No. 3. — pp. 333-371.

⁸⁵ Добренков В. И. Неофрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма) — М.: 1974. — с. 9-19.

⁸⁶ Феррис П. Зигмунд Фрейд / П. Феррис — Минск: Попурри, 2001

различий между иррациональной любовью и любовью как проявлением зрелой личности.

Наличие противоречий привело к появлению неопрейдизма, для которого характерен «переход от биопсихологизма в трактовке человеческого поведения к своеобразному социологизму и антропологическому психологизму»⁸⁷. Критически переоценивая универсализацию биологической природы человека - отметим, что становление неопрейдизма пришлось на эпоху, когда социал-дарвинистские идеи в биологии были на пике популярности - неопрейдизм пытается объяснить сущность человеческого поведения, исходя из «анализа социальных факторов и их влияния на процесс становления личности. Наиболее значимым представителем неопрейдистской школы может считаться Эрих Фромм, первым указавший на неспособность ортодоксального фрейдизма решить проблему взаимодействия личности и общества»⁸⁸.

По всей вероятности, попытка отхода от «биологизма» к «социологизму» обусловила некоторую двойственность позиции Э. Фромма в интерпретации понятия «природа» в контексте проблематики пола и в отношении к природе вообще. В той степени, в какой люди являются детьми природы и детьми матерей, они все равны, и это определяет единственную ценность - жизнь. Но мужчина отстоит от «природы дальше, чем женщина, поэтому вынужден развивать свой разум и создавать мир культуры. О. Вейнингер и Э. Фромм, по-разному оценивая женскую природу, как (для Вейнингера женский тип - низший, для Фромма – просто другой), основываются на общем убеждении: дихотомия "мужчина - культура, женщина - природа" лежит в самом основании жизни пола. При этом они, отрицая способность женщины к культурному творчеству, признают ее роль главной вдохновительницы становления мировой

⁸⁷ Фромм Э. Ситуация человека. Ключ к гуманистическому психоанализу— М., 1988

⁸⁸ Добренков В. И. Неопрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма). — М.: 1974. — с. 9-19.

культуры»⁸⁹. Таким образом, «природа» и «женщина» у Э. Фромма – связанные понятия.

Анализируя человеческую природу, Э. Фромм находит экзистенциальные противоречия: «человек – часть природы, подчиненная ее физическим законам и неспособная их изменить. Одновременно он как бы **противостоит** природе... Он связан кровными узами и в то же время чувствует себя безродным. Заброшенный в этот мир случайно, человек вынужден жить по воле случая и против собственной воли должен покинуть этот мир... Человек – единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, ведь он чувствует себя изгнанным из рая. И это единственное живое существо, для которого собственное существование является проблемой»⁹⁰. Недвусмысленно выраженный безысходный пессимизм автора, безусловно, отражает его личный опыт и требует объяснений. Сам автор, так или иначе развивающий фрейдовскую идеологию, склонен объяснять свое ощущение безысходности ситуации психоаналитической метафорой «изгнанности из рая», интерпретируемой как «конфликт внутри человека между глубинным желанием остаться в утробе матери и его возросшей личностной частью».

В эпоху «после Фрейда» обращение (в рамках какой угодно темы) к психоаналитической символике неудивительно, но у Э. Фромма, как профессионального психоаналитика, символический образ «материнского лона», «утробы матери» является одним из наиболее важных. «Мы никогда не свободны от двух противоборствующих тенденций: с одной стороны, выбраться из лона матери, из животной формы бытия в человеческую, из рабства на свободу, а, с другой, - возвратиться в лоно матери, в природу»⁹¹. Таким образом

⁸⁹ Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (Концепции феминизма) // *Общественные науки и современность*— 1998. — №2. — с. 167 - 180..

⁹⁰ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Эрих Фромм — М.: Республика, 1994.

⁹¹ Фромм Э. *Ситуация человека. Ключ к гуманистическому психоанализу* // *Проблема человека в западной философии.* — М., 1988.

вольно или невольно автор выстраивает ассоциативную связь – «животная форма бытия» - «рабство» («природное» - «животное» - «рабство»). Такая связь снова возвращает нас к негативной психологической установке в отношении природы, при этом выявляя двойственность авторского отношения к женскому как природному.

Подобный подход к природе никогда не был общепринятым, на эту тему, например, писал еще М.А. Бакунин: «Самые разумные, самые отвлеченные ... его [человека] мысли и его действия суть не что иное, как ее [природы]... проявления. Значит, с этой мировой природой у человека не может быть никакого внешнего отношения, **ни рабства**, ни борьбы, так как он носит эту природу в самом себе и ничего собой не представляет вне ее»⁹². На ту же тему высказывался и старший современник Бакунина – Л. Фейербах, который «исходил из того, что человек и его произвольная деятельность, хотя они и — высшее, предполагают существование природы и ее законов»⁹³. В еще более ранний период об этом же высказывался Гёте:

И неестественное - тоже природа.
Кто не видит ее во всем,
тот нигде
не видит ее, как должно⁹⁴...

На вопрос о возможности разграничения культуры и природы ответил Г. Риккерт, предложив критерии такого различия⁹⁵. Казалось бы, и Гете, и Фейербах, и Бакунин, и Фромм говорят об одном: «человек - часть природы». Но Фромм подчеркивает вынужденность такого положения, его взгляд выражает пессимизмом, чего нет ни у Бакунина, ни у Фейербаха: положение

⁹² Бакунин А.М., Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке / А.М. Бакунин // Избранные философские сочинения и письма – М.: «Мысль», 1987.

⁹³ Элез Й. Проблема бытия и мышления в философии Людвига Фейербаха / Й. Элез — М.: Наука, 1971.

⁹⁴ Цвейг С. Зигмунд Фрейд (1926) / Стефан Цвейг. [Электронный ресурс]

⁹⁵ Риккерт, Г., Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. — М.: Республика, 1998.

человека «внутри» природы вызывает у них скорее энтузиазм, но никак не пессимизм. Безусловно отражающая личный опыт Э. Фромма, его позиция может быть объяснена без привлечения психоаналитических метафор. Негативное отношение, по-видимому, отражает вытесненный страх жителя электрифицированных городов «со всеми удобствами» перед непривычным, и переставшим быть понятным образом жизни, традиционным укладом доиндустриальной эпохи. Молодость М.А. Бакунина и Л.Фейербаха пришлись на первую половину XIX века, эпоху, не знавшую ни центрального отопления, ни электрического освещения, ни канализации в привычном нам понимании этого термина. Их поколение оправданно возлагало надежды на помощь научно-технического прогресса в решении насущных бытовых проблем, но сам уклад их повседневности еще не слишком изменился по сравнению с традиционным. Жизненные навыки их американского современника Генри Торо, горожанина, позволили ему без какой-либо переподготовки прожить два года в соответствии с его представлениями о жизни «в гармоническом единстве с природой».⁹⁶ Отметим, что ему еще было, куда сбежать от «наступающей цивилизации» – хотя он жил в достаточно уютном и обустроенном доме, судя по его наблюдениям за лесными животными, «город» и «природа» тогда еще уживались по соседству.⁹⁷ Привычный европейцам и американцам в XIX веке образ жизни гораздо меньше отличался от прежнего традиционного уклада, чем образ жизни жителя наиболее урбанизированного мегаполиса планеты в середине XX века (Нью-Йорк), куда переехал Э. Фромм. И если Г. Торо еще приходилось тратить часть своего времени на сельскохозяйственные работы или «собирачество» даров природы, то, начиная со второй половины XX века, гражданам «первого мира» («first world citizens») свое пропитание не

⁹⁶ Старцев А.И. Генри Торо и его Уолден // [Электронный ресурс]

⁹⁷ Торо Г.Д. Уолден, или жизнь в лесу / Г.Д. Торо — М., Наука , 1980.

приходится находить нигде, кроме супермаркетов⁹⁸. «Водораздел», отделяющий М.А. Бакунина, Л. Фейербаха и Г. Торо от Э. Фромма - это «победа» урбанизированных мегаполисов над «доурбанистическими формами социальной жизни»⁹⁹, окончательная победа Мирового города над Мировой деревней¹⁰⁰ во второй половине XX века. Эта победа радикально трансформировала взаимоотношения человека, «жителя большого города» (в терминологии Г. Зиммеля¹⁰¹), и окружающей его среды обитания.

Эту ситуацию иронично описал З. Фрейд: «Мы никогда не добьемся полноты власти над природой; наш организм, сам часть природы, всегда останется бранным... люди достигли изумительного прогресса в естествознании и его технических применениях... Но подчинение сил природы не сделало их счастливее. Из этого следовало бы удовлетвориться выводом, что власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, а не выводиться отсюда бесполезность технического прогресса для экономии счастья»¹⁰².

Возможно, наиболее известным и обсуждаемым мыслителем, чьи рефлексии проблематики пола в философском, антропологическом и т.д. контекстах получили широчайший резонанс, стал Мишель Фуко с его многотомной «Историей сексуальности», в которой он возвращается к теме природы власти, начатой им в предыдущем труде «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Как объясняет выбор темы сам М. Фуко, «все люди моего поколения пытались, в конечном счете, постичь ... феномен власти, и я был только одним из них». Власть как феномен в интерпретации М. Фуко

⁹⁸ Diamond J. Evolution, consequences and future of plant and animal domestication // Nature — August 2002. — vol.418/8 — pp. 700 – 707.

⁹⁹ Кабисов А.Г. Теория урбанизма и практика модернизма: эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь». // Известия Саратовского университета, т.9, — с. 66-69. — вып.2, — 2009.

¹⁰⁰ Васильев Л.С. Мировая деревня и мировой город // Общественные науки и современность — 2011.— № 4. — с. 63-73.

¹⁰¹ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс].

¹⁰² .Фрейд З. Недовольство культурой. [Электронный ресурс].

приобретает новое измерение, поскольку может рассматриваться только в неразрывной связи с сексуальностью человека. Сексуальность таким образом уже предстает не как неосознаваемая подоплека поведения человека, в том числе проявлений его власти, а как неразрывное целое с властью вообще, реализуемое, в частности, путем биополитики – еще одного понятия, ставшего в фукианской философии одним из основных.

Термин «биополитика» появился в самом начале XX в. и в настоящее время не имеет однозначной трактовки¹⁰³. Согласно интерпретации М. Фуко, «биополитика» (наряду с «анатомополитикой») – суть две составляющие новой технологии власти, т. наз. «биовласти». Интерпретация этих терминов предполагает сведение феномена человека к рассмотрению набора отдельных (физиологических и пр.) функций в их взаимодействии с механизмами современной культуры (сексуальность в рекламе, телесность в социальной медицине и пр.). Технологию отправления власти, реализуемой в отношении населения, М. Фуко и называет «биовластью», внутри которой «выделяется «анатомо-политика», базирующаяся на контроле жизни человеческого тела... и «биополитика», регулирующая жизнь населения в целом»¹⁰⁴, например «соотношение рождаемости к смертности, ...прирост населения, и т. д.»¹⁰⁵.

Надо отметить, что обращение к французскому оригиналу термина (Biorouvoir (-фр.) - «биовласть») позволяет выявить множественные коннотации, «выпадающие» из русского перевода. Термин очевидно скомпонован из двух частей, последняя из которых, Le rouvoir (собственно «власть» по-русски), во французском языке имеет много других значений («сила», «энергетический потенциал», «разрешающая способность» и пр.), образующих семантическое поле, которое не «прочитывается» в русском

¹⁰³ Олескин А.В. Биополитика: философский фундамент, эволюционно-биологический подход к политическим системам и политической деятельности... / А.В. Олескин — М.: Науч. мир, 2007.

¹⁰⁴ Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе — 2009.

¹⁰⁵ Рыклин М. Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко. [Электронный ресурс].

переводе. При этом термин настолько важен для интеллектуальных построений М. Фуко, что разъяснениям по поводу понимания власти он специально уделил внимание в отдельной статье на английском языке («Why Study Power?», 1982).

Но особенного внимания заслуживают смысловые оттенки первой части термина: «bio-» - т.е. «биологического» - которые проясняются в контексте словоупотребления. «Биовласть» - в понимании М. Фуко - в своих крайних проявлениях означает установление «отношений *биологического* типа в обществе», а именно: евгенику, расовую политику, массовый геноцид¹⁰⁶ и т.д. Таким образом, здесь «биологическое» эквивалентно «жестокому», «бездушному» и «внеморальному». В наше время «...такое понимание научности может вызвать у биолога некоторое замешательство»¹⁰⁷, но в первой половине прошлого века, когда достаточно широко распространенные социал-дарвинистские воззрения и ужасающие евгенические практики (например, принудительной стерилизации) оправдывались их якобы «научностью», именно такое отношение к «биологическому» было если и не вполне адекватным, то, во всяком случае, вполне объяснимым. В связи с этим особенный интерес представляет не только то, «*что из себя представляла*» биология того времени, но и то, «*какой она представлялась*» Мишелю Фуко и его современникам?

Кто бы из них (например, Х. Арндт, «Human condition», 1958) ни рассуждал о «естественном состоянии» общества, он имел в виду «*войну всех против всех*» - метафору, восходящую к Т. Гоббсу. Сам М. Фуко в «Словах и вещах», рассуждая о становлении восприятия живой природы, упоминает, например, о «неискоренимой чуждости зверя»¹⁰⁸ или о том, что «... жизнь неотделима от убийства, природа - от зла»¹⁰⁹. В данном случае отрицательное

¹⁰⁶ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.

¹⁰⁷ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

¹⁰⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб., 1994. .Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой Вступительная статья Н. С. Автономовой, СПб., А-сэд, 1994

¹⁰⁹ Ibid.

восприятие «биологического» или «природного» - наследие парадигматики «жестокости природы, в которой царит безжалостная борьба за существование». Такая интерпретация «естественности» имеет недвусмысленно религиозные корни (вторая часть парадигмы подразумевает непримиримое противостояние человеческого разума и культуры низменной и непременно порочной телесной природе самого человека). Достаточно широкую популярность и ореол «научности» подобные взгляды в свое время получили благодаря усилиям Т. Гексли. Противоположную точку зрения отстаивал П.А. Кропоткин в своем труде «Взаимопомощь, как фактор эволюции» (1902 г.). Спор Кропоткина и Гексли – это не спор двух ученых, отстаивающих разные научные взгляды, это спор ученого с религиозным фанатиком, причем настоящим ученым-натуралистом из них был именно Кропоткин¹¹⁰. Современная биология к концу XX века доказала не только существование именно социального поведения у животных и чрезвычайную сложность его форм, но и эволюционную обусловленность любых форм человеческого поведения, в том числе социального.

Таким образом, вторая часть термина «биовласть» отражает не только авторский смысл оригинального термина «*biopouvoir*», но еще и проблему адекватности перевода. Что же касается первой части этого термина – «био» - то, с позиций науки сегодняшнего дня, об адекватности представлений о биологии того поколения исследователей, к которому принадлежал сам М. Фуко и, тем более, его учителя, не может быть и речи. Биология с тех пор изменилась радикально и необратимо, именно этот нюанс чрезвычайно затрудняет в наши дни восприятие терминов «биовласть» и «биополитика» в том смысле, который вкладывал в них М. Фуко.

¹¹⁰ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов/ Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014. — 363 с.

В тот период, когда он развивал свои представления о механизмах биовласти («Нужно защищать общество», 1975-76 гг), в биологии набирали силу те перемены, которые вскоре привели к радикальной смене биологической парадигматики. Эти перемены на данный момент не имеют общепринятой периодизации, тем не менее, их значение, как революционное, оценивают чуть ли не единодушно: «Революция в биологии»¹¹¹, когда ученые наконец сумели понять материальную природу наследственности»; «ДНК-революция»¹¹²; «neo-Darwinian synthesis»¹¹³, «the neo-Darwinian revolution of the 1970s»¹¹⁴...

Открытие структуры ДНК сделало возможным следующий этап биологической «революции», ознаменовавшийся вручением Нобелевской премии в 1973 г этологам Н. Тинбергену, К.Лоренцу и М. фон Фришу. Этологи смогли показать, что поведенческие характеристики животных так же эволюционируют, как и характеристики анатомические или физиологические¹¹⁵. «С точки зрения биолога социология - это примерно то же самое, что и изучение поведения животных, но только сосредоточенное на одном биологическом виде: нашем, *Homo sapiens*»¹¹⁶. Последовательное развитие идеи дало возможность привести к единому теоретическому основанию эволюцию социального поведения всех видов животных, включая и человека, что поначалу встретило буквально стену непонимания. Идея поставить социальное поведение человека в единый ряд с таковым у животных казалась почти святотатством, и вызвала обвинения в «возврате к фашистской идеологии и социал-дарвинизму»¹¹⁷. Постепенно, по мере того, как предубеждения удавалось преодолевать, «в 1980-

¹¹¹ Марков А.В., Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы / А.В. Марков — Астрель Cognus, 2010.

¹¹² Хобсбаум Э. В защиту истории // Скепсис [Электронный ресурс].

¹¹³ Wilson D.S., Hayes S.C., Biglan A., Embry D. Evolving the Future: Toward a Science of Intentional Change // Behavioral and Brain Sciences — 2014, 37. — pp. 395-460.

¹¹⁴ de Waal F.B. The end of nature versus nurture // Scientific American — 1999 Dec — 281(6). — 94-9.

¹¹⁵ Wilson D.S., Hayes S.C., Biglan A., Embry D. Evolving the Future: Toward a Science of Intentional Change // Behavioral and Brain Sciences — 2014, 37. — pp. 395-460.

¹¹⁶ de Waal F.B. The end of nature versus nurture // Scientific American — 1999 Dec — 281(6). — 94-9.

¹¹⁷ Ibid.

х годах начали использоваться такие термины, как «эволюционная психология», «эволюционная антропология», «эволюционная экономика»...»¹¹⁸. Как безусловные достижения «неодарвинистского синтеза» конца XX века следует рассматривать принципиальные перемены в мировоззрении: утилитаристские установки, диктующие стремление к «обретению власти человека над природой»¹¹⁹, безапелляционному использованию ее «неисчерпаемых богатств», постепенно меняются осознанием необходимости сохранения природы.

Парадигматика, противопоставляющая человеческую этику и культуру «бездушию и жестокости дикой природы», включала в себя представления и о том, что наша мораль — не что иное, как притворство, «тонкий налет поверх кипящих в человеке отвратительных склонностей»¹²⁰, а «доктрины первородного греха, врожденной порочности человека... куда ближе к истине, чем либеральные иллюзии о том, что все дети рождаются хорошими...»¹²¹. Эти природоборческие и даже человеконенавистнические по своей сути построения доказательно опровергаются работами этологов, рассматривающих поведение человека в общем эволюционном ряду с поведением животных и доказывающих, что эмоции, чувства, альтруизм и мораль (понимаемая, как набор правил, способствующих выживанию внутри сообщества животных) имеют эволюционное происхождение.

В контексте представлений З. Фрейда об инцестуозном характере первых проявлений полового влечения в юношеском возрасте «табу на инцест рассматривалось как окончательная **победа культуры над природой**»¹²². Для

¹¹⁸ Wilson D.S., Hayes S.C., Biglan A., Embry D. Evolving the Future: Toward a Science of Intentional Change // Behavioral and Brain Sciences — 2014, 37. — pp. 395–460.

¹¹⁹ Дьюи Д. О статье «Их мораль и наша» / изд. New International, 1938. [Электронный ресурс]

¹²⁰ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов/ Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014. — 363 с.

¹²¹ Ibid.

¹²² de Waal F.B. The end of nature versus nurture // Scientific American — 1999 Dec — 281(6). — pp. 94-9.

М. Фуко положение об «изначальной инцестуозности буржуазной семьи»¹²³ аксиоматично. Как выяснилось, все это годами выстраивавшееся громоздкое «здание» рассуждений подлежит деконструкции, поскольку «запрет инцеста» оказался явлением в первую очередь природы, а не только лишь культуры. Феномен избегания близкородственных половых связей было описан психологом Э. Вестермарком, современником Ф. Энгельса и З. Фрейда. К настоящему времени эта гипотеза подкреплена не только этологическими наблюдениями, но и объективными данными иммуногенетики и биохимии¹²⁴. Непонимание природы человеческого поведения (в том числе полового), рассмотрение его лишь как феномена культуры, логично приводило к выводу о «надуманности», «искусственности» сексуальности. М. Фуко потому и рассуждает о «производстве сексуальности», поскольку «сексуальность, не следует понимать ни как нечто данное от природы...»¹²⁵, ведь это лишь «имя, которое можно дать некоторому историческому диспозитиву»¹²⁶

Отличия «биополитического» способа управления обществом от прежних способов реализации политической власти Фуко иллюстрирует на примере становления медицинского здравоохранения в Европе, где с конца XVIII века разработка вакцин, лекарств и внедрение правил общественной гигиены позволило уменьшить смертность населения. Но таким образом М. Фуко, по сути, «размывает» первоначальный смысл термина «власть». Если во всяком «сохранении жизни» видеть проявления «биовласти», то таким проявлениям можно относить и рождение матерями детей, и облучение Солнцем земной поверхности, запускающее реакции фотосинтеза в масштабах биосферы, тем самым «дарующее жизнь» на Земле. Так понимаемая «биовласть» теряет

¹²³ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.

¹²⁶ Ibid.

социально-политические акценты, распроостраняясь до масштабов любых природных взаимодействий – все есть власть в том смысле, что все есть взаимное превращение видов энергии – это, впрочем, и подразумевают коннотации французского слова «pouvoir».

Именно в подобном ключе Фуко рассуждает о «техниках интерпретации языка», его невербализуемых формах и возможностях передачи семантики: «...Возможно, что говорят природа, море, шум деревьев, животные, лица, маски; может быть, есть язык, артикулированный иным, не словесным способом. Это можно очень приблизительно передать греческим термином *semainon*»¹²⁷. Впрочем, именно такой подход можно рассматривать, как согласующийся с современными представлениями об информационном обмене (который вовсе не является прерогативой ни человека, ни даже живой природы), переводя дальнейшее развитие темы в пространство представлений семиотики.

Задаваемое М. Фуко видение устройства общества так или иначе связано с его более ранними работами, где он предпринимает деконструкцию базовых представлений о жизни и окружающем мире, включая научную методологию и сам язык. «Однако его политические убеждения (*commitments*) столь напористы, и его антагонизм иллюзиям философского обоснования столь последователен, что возникает диссонанс между практической позицией Фуко и его философским скептицизмом»¹²⁸. Тем не менее, следует подчеркнуть, что «в 1990-х популярность идей Фуко... позволила во многом преодолеть заостреннейшие культурные иерархии»¹²⁹. И все же при этом «дискурс Фуко — зеркало тех стратегий власти, которые он описывает»¹³⁰, и дискурс этот, по мнению Ж. Бодрийера, «...обладает не большей истиной, чем любой другой»¹³¹

¹²⁷ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / Пер. по: "Cahiers de Royaumont", 1967, Philosophie # VI. / Перев. Е. Городецкий. [Электронный ресурс].

¹²⁸ Скирбекк Г. История философии / Г. Скирбекк, Н. Гилье — М.: Владос, 2000.

¹²⁹ Ушакин С. О пользе фиктивного родства: заметки о пропущенных именах // Новое литературное обозрение— 2008. — №89. — [Электронный ресурс]

¹³⁰ Бодрийер Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийер — СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000

¹³¹ Ibid.

Как бы то ни было, упорное нежелание принять основные представления об окружающем мире и о живой природе ведет к разрушению какого бы то ни было мировоззрения, а практические действия, следующие из подобной квазиидеологии, грозят тотальным разрушением по причине игнорирования биологических законов природы, законов психологического развития и т.п.

Основные работы Фуко написаны им в 60-е годы XX века, время бурной трансформации культуры стран Запада. Тексты Фуко вполне в духе времени содержат «очевидный эпатаж и иронию»¹³², таким образом, его творчество находится в русле традиций эпатажа авангардистских течений западной культуры модерна. «Нельзя не видеть, что «современные “пощечины общественному вкусу” имеют немало общего с эстетикой эпатажа первых десятилетий XX века»¹³³, когда манифесты теоретиков нового искусства призывали к свержению всего и вся («...мы пришли, чтобы очистить личность от академической утвари, выжечь в мозгу плесень прошлого»¹³⁴). Возможно, работы М. Фуко еще ждут своей более спокойной переоценки.

. За полвека до издания «Надзирать и наказывать», предвосхищая философское осмысление пенитенциарной проблематики, Казимир Малевич писал: «на продолжении всего человеческого развития и его культуры тот же человек без остановки идет под конвоем... иногда посажен в железную клетку. Без винтовки, как без Бога, не может пройти шагу... /Человек/ это то психическое явление, которое находится в состоянии двоения: он же себе устраивает и тюрьму и стражу...»¹³⁵. Развиваемый М. Фуко подход к описанию социума представляет собой вполне очевидную альтернативу марксистскому подходу: центральная идея «Истории сексуальности» состоит в отказе от

¹³² Ильин И.П. Мишель Фуко — историк безумия, сексуальности и власти / И. П. Ильин // Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — С. 51-91

¹³³ Ушакин С. О пользе фиктивного родства: заметки о пропущенных именах // Новое литературное обозрение— 2008. — №89. — [Электронный ресурс]

¹³⁴ Малевич К. Ось цвета и объема / Казимир Малевич // Черный квадрат — СПб.: Азбука, 2015. — с. 43 – 49.

¹³⁵ Малевич К. «Человек самое опасное в природе явление...» / Казимир Малевич // Черный квадрат — СПб.:Азбука, 2015. — с. 219 – 234..

различения объектов на власть имущих и угнетаемых¹³⁶. Согласно оценке французского постмарксистского философа Э. Балибара, «настоящее сражение с Марксом разворачивается на всём протяжении творческого пути Фуко и является одним из основных источников его производительности. Нельзя забывать, что речь идёт о высказываниях Маркса, которые Фуко, открыто не цитируя, часто имел в виду»¹³⁷.

Ценность плюралистического разнообразия подходов и точек зрения заключается в их взаимообогащении и взаимодополнении – но деконструкция предыдущих версий последовательно ведет к уклонению от их рассмотрения. В конечном счете это заставляет предполагать «...изначальную социальную ангажированность научных поворотов, все больше сближающуюся с соображениями экономической выгоды и в итоге оказывающейся на службе у власти, реализующей свою гегемонию»¹³⁸ - так американский этнолог М. Салинз в своей работе «В ожидании Фуко и поныне» иронизирует по поводу ажиотажа вокруг постоянных ожиданий все новых «поворотов в науках о культуре и обществе»¹³⁹, соотнося теорию смены парадигм Куна с чередованием все новых «поворотов» в гуманитарных науках, инфляцией очередных парадигм, теорий и пр.

Ретроспектива опыта метафизической рецепции и научного познания концептов пола и гендера убеждает в необходимости их изучения в контексте анализа онтолого-эпистемических аспектов двух отчетливо различающихся традиций в европейской философии. Рассматривая Запад, как реляционный концепт¹⁴⁰ (подразумевающий историческое развитие европейской мысли в

¹³⁶ Рогозин Д. 5 книг Мишеля Фуко // Постнаука.ру. [Электронный ресурс].

¹³⁷ Гашков С.А., Русаков С.С. — Понятийно-предметный анализ Фуко и Маркса в работах Э. Балибара // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 72 - 79.

¹³⁸ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре/ Д. Бахманн-Медик — М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России // в сб. Труды по россиеведению, изд-во ИНИОН РАН (М.), т 6, 2016. стр. 353-385.

русле именно западно-христианской традиции), можно видеть, что «модерность» общества – «если посмотреть на эту проблему с перспективы секуляризации... как процесса, преодолевающего христианство, но и «кровно» связанного с ним - непосредственным образом коренится и в христианской антропологии, в том числе, как ни неожиданно, в теме греха, греховности, спасения, оправдания и т.п.»¹⁴¹.

Несовместимость позиций западного и восточного христианства по фундаментальным вопросам онтологии, теории познания, антропологии и др. еще и сейчас во многом определяет различия в подходах к проблеме пола. Эта несовместимость была и остается одним из важнейших источников размежевания отечественной и западной философских традиций, затрагивающих фундаментальные аспекты понимания взаимоотношений человека и природы, душевно-духовного и телесного, биологического и социального в человеке и др.

Характерной чертой западного христианства явилось «пастырство страха»¹⁴², которое «культивировалось в эпоху Католической Реформы, ломая традиционную культуру, став, в конечном счете, базисом для современного общества»¹⁴³. Разделение двух христианских традиций в конечном счете обусловило те «философские и культурные различия»¹⁴⁴ России и Запада, по поводу которых было сломано столько копий, начиная хотя бы с XIX века, и «которые проявлялись как на сознательном уровне, так уровне бессознательных исторических инстинктов»¹⁴⁵. Одним из ярких проявлений таких различий является противостояние по фундаментальному вопросу движущих сил

¹⁴¹ Дмитриев М.В. Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс].

¹⁴² Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII века). Екатеринбург, 2003.

¹⁴³ Дмитриев М.В. Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс].

¹⁴⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский — Алгоритм, 2018.

¹⁴⁵ Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Д. «Кооперация versus конкуренция» в трудах российских эволюционистов // Журнал институциональных исследований — Том 9, № 1. — 2017. [Электронный ресурс]

биологической эволюции: П.А. Кропоткин сформулировал «закон взаимопомощи»¹⁴⁶ в природе, как альтернативу абсолютизации закона «борьбы за существование» Т. Гексли в качестве единственной движущей силы естественного отбора¹⁴⁷.

Смысл этого противостояния выходит далеко за рамки собственно биологического дискурса – с учетом того универсального значения, который идея эволюционного развития приобрела вне привязки к какой-либо определенной дисциплинарности – и в лингвистике, и в геологии, и в социальных науках и т.д. Спор Кропоткина и Гексли – «взаимопомощь» или «конкуренция» - это, по сути, спор о том, можно ли рассматривать взаимопомощь (или альтруизм и, в конечном счете, любовь) свойством природы живых существ или природа (и все живое) – жестока и бездушна, а доброту может принести лишь культура, причем (в варианте Гексли) только через насилие над природой, через безжалостную победу над ней? Этологическое понимание эволюционных основ поведения человека с позиций современного эволюционного Синтеза (который носит выражено междисциплинарный характер, что делает его убедительно разносторонним) подводит черту под этим старым спором, решая его не в пользу Т. Гексли.

Вопрос об исторических корнях вполне очевидных различий отечественной и западной интеллектуальных традиций исследован достаточно полно. «Для византийского богословия было характерно иное по сравнению с Западом представление о природе человека»¹⁴⁸... Если западная «традиция рассматривала человека в оппозиции благодати и природы, то восточнохристианское богословие говорило об укорененности благодати в

¹⁴⁶ Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / Редакция журнала «Самообразование». – М.: Самообразование — 2007.

¹⁴⁷ Розенберг Г.С. Конкуренция и взаимопомощь – две стороны «медали» взаимодействия популяций // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. — 2018. – Т. 28. — № 3. – С. 262-269

¹⁴⁸ Дмитриев М.В., Хижая Т.И., Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс].

природе человека... Хотя восточное христианство всегда учило о преимуществе духовного, вечного, нетленного над вещественным, тленным и смертным, тем не менее, утверждение этого иерархического принципа никогда не выливалось в отождествление телесности с чем-то злым и недостойным человека. ... "Я исповедую, что материя есть творение Божие, и она прекрасна..."¹⁴⁹.

Одним из наиболее показательных различий между восточным и западным христианством стала проблема целибата: «Восток и Запад четко определили различное решение альтернативы брачного или целибатного священства... Со временем различия в практике ранней Церкви установились в двух канонических нормах, составляющих до Нового времени различие между Востоком и Западом»¹⁵⁰. Если теократический идеал западного христианства связывался с безбрачием духовенства, то в восточном утвердился принцип женатого (единобрачного) священства. Хотя эти различия определились уже к концу VII в., то есть задолго до Великого раскола, разделение церквей способствовало официальному закреплению на Западе аскетического идеала в виде принудительного требования.

Заботами целого ряда римско-католических первосвященников безбрачие постепенно превратилось в узаконенную норму для всех клириков западной Церкви», возникшая таким образом ситуация была достаточно противоестественной, поскольку тот идеал, который должен был бы реализовываться силой свободного духовного подвига, на деле реализовывался посредством власти, силы права и политики. Одной из наиболее важных причин такого подхода на Западе был «взгляд на половую жизнь как на проявление морально принижающей животности»¹⁵¹. Такая мотивировка нашла сильную поддержку в строгих взглядах блаженного Августина на

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Мейендорф И., История Церкви и восточно-христианская мистика / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. — М.: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт — 2003.

¹⁵¹ Мейендорф И., История Церкви и восточно-христианская мистика / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. — М.: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт — 2003.

"похоть" как путь распространения греха. Тем не менее, в конечном счете история западной Церкви показывает, что, несмотря на всю борьбу за чистоту священнослужителей, обычай держать субинтродукт («духовных сестер») постепенно трансформировался в простой конкубинат (сожительство)¹⁵².

Проблема celibата вызывала ожесточенную полемику на протяжении многих веков и это несмотря на то, что пятое Апостольское правило напрямую запрещает священнику отказываться от брака, от своей жены «под предлогом благочестия», в противном случае угрожая отлучением. Предостережение Пафнутия, епископа Фиваидского: «как бы от избытка строгости не произошло вреда для церкви»¹⁵³ прозвучало еще в IV веке на Первом Вселенском соборе. Как можно видеть, в конечном счете этот призыв встретил куда больший отклик в Восточной церкви, где было введено правило обязательного вступления в брак до вступления в духовный сан. Тем не менее, найденное таким образом решение было достаточно противоречивым, поскольку «священнику и дьякону брак разрешен, чтобы не «оскорбить Бога», а епископам практически по той же причине брак запрещался»¹⁵⁴.

Значительную терпимость отечественного православия к человеческим «слабостям» своей паствы можно продемонстрировать на примере дошедшего до нас из XII века труда «Вопрошание Кириково»¹⁵⁵, представляющего из себя запись ответов епископа Нифонта на вопросы диакона Кирика Новгородца. Особенный интерес «Вопрошание...» представляет в связи с тем, что, поскольку Нифонт относился к числу высших иерархов Церкви на территории Древней Руси, это дает основания рассматривать проводимую им политику,

¹⁵² Орлова Н.Х., Антропология пола и брака в христианстве / Н.Х. Орлова — СПб.: МiPЪ, 2006.

¹⁵³ Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. От времен апостольских до X века / А.П. Лебедев — СПб.: Алетейя, — 1997 — стр 133.

¹⁵⁴ Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. От времен апостольских до X века / А.П. Лебедев — СПб.: Алетейя, — 1997 — стр 133.

¹⁵⁵ Щеглов А. П. Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту [Электронный ресурс].

как отражение общей политики православной Церкви того времени в рассматриваемом нами аспекте.

Значительную часть текста произведения занимает достаточно откровенное обсуждение темы прегрешений, связанных именно с половой жизнью паствы, и связанных с этим народных обычаев (быть может, пережитков язычества) с позиций христианской морали. Затрагиваемые в ходе беседы вопросы касались соотнесения религиозного идеала с реалиями обыденной жизни, обсуждение степени греховности тех или иных поступков и соответствующих духовно-исправительных мер. Обращает на себя внимание, что церковный иерарх (Нифонт, епископ Новгородский) оказывает недвусмысленно охлаждающее, сдерживающее влияние на служебное рвение стоящего ниже рангом и более молодого священника (Кирика Новгородца): *«Спрашивал, можно ли дать причастие тому, кто в Великий Пост совокуплялся со своей женой. Нифонт разгневался: учите ли вы, сказал, в пост воздерживаться от жен?!»*¹⁵⁶.

По вопросу воздержания молодоженов Нифонт демонстрирует снисходительность и доброжелательность в тех случаях, когда требования воздержания в контексте соблюдения церковной обрядности не вступают в прямое противоречие с «требованиями человеческой природы», Нифонт демонстрирует по возможности бережное отношение к природе: *«... А если будут молоды и не смогут [воздержаться], то нет беды – в своей жене нет греха»*¹⁵⁷. Даже если речь идет о воздержании священнослужителей, Нифонт выступает последовательным противником репрессивных мер.

Также беседа двух пастырей затрагивала вопросы проявлений гомосексуальности (как мужской, так и женской): *«Спрашивал и об этом: если девица лезет на девицу...»* и пр., а также проявлений эротизма у несовершеннолетних: *«Я [Кирик] сказал ему, а если дети лезут друг на друга,*

¹⁵⁶ Щеглов А. П. Вопросание Кириково архиепископу Нифонту [Электронный ресурс].

¹⁵⁷ Ibid.

не понимая? В этом, сказал он [Нифонт], мужскому полу до 10 лет нет греха, а о девицах не пытай, могут и раньше испортить себя. Таковы у нас юнцы»¹⁵⁸.

Эти вопросы вызывают однозначно осуждающую реакцию обоих священнослужителей, но в целом «повестка» этой дискуссии, состоявшейся девять веков назад, позволяет провести слишком очевидные параллели с проблемами современности. Такое сходство подчеркивает актуальность вывода, сделанного в середине XX века известным этологом Д. Моррисом, исследовавшим эволюционные основы особенностей поведения человека: «Можно сказать, что не столько развитие цивилизации изменило наше современное сексуальное поведение, сколько сексуальное поведение определило формы, которые приняла цивилизация»¹⁵⁹.

Исторический путь, пройденный отечественной богословской, философской и научной мыслью за многие века ее исторического развития, был и крайне сложным, и даже противоречивым, ни в коем случае не последовательным и при этом подверженным многим весьма разнородным влияниям. По-видимому, все это в целом объясняет сосуществование в отечественной философской мысли прямо противоположных подходов к вопросам пола и природы, что нашло свое выражение «на переломе» XIX и XX веков во взглядах В.С. Соловьева и В.В. Розанова. «Один видит в половом акте постыдность, нравственное зло... («Оправдание добра»). Для другого coitus имеет священный смысл, который вложен в него Богом («Опавшие листья»))»¹⁶⁰.

Можно дискутировать, объясняется ли специфика взглядов В.С. Соловьева влиянием изучения гностического аскетизма¹⁶¹ или предполагать, не почерпнута ли излагаемая В.С. Соловьевым идея «человека-андрогина» из

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ Моррис Д. Голая обезьяна / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009

¹⁶⁰ Орлова Н.Х., Антропология пола и брака в христианстве / Н.Х. Орлова — СПб.: МiPЪ, 2006.

¹⁶¹ Козырев А. П. Смысл любви в философии Владимира Соловьева и гностические параллели // Вопросы философии.— 1995.— №7.— С. 59—78.

трудов Григория Нисского, но бесспорно, что понимание В.С. Соловьевым греховности созвучно таковому у бл. Августина. «Убеждение, что девство выше брака, являлось для Августина доказательством того, что физическая близость никогда не может быть свободной от похоти и сладострастия»¹⁶², а греховность неразрывна с размножением. Это весьма выразительный штрих для понимания своеобразия взглядов В.С. Соловьева – с учетом того формирующего влияния, которое имели взгляды бл. Августина для латинского богословия: «средневековая западная культура в представлениях о грехе и греховности построена на установках, сформулированных Августином»¹⁶³. Неудивительны в таком случае и взгляды В.С. Соловьева на необходимость для человека достигнуть состояния «истинного андрогинизма», ведь «настоящая любовь» должна быть половой, но бесплотной (т.е. исключающей плотское соитие). Поскольку полового акта, по мнению автора «Оправдания добра», стыдится даже самый дикий и неразвитый человек, подлинная любовь никак не должна быть связана с продолжением рода и деторождением¹⁶⁴.

В работе «Смысл любви» В.С. Соловьев клеймит, как возмутительную и ошибочную, точку зрения, согласно которой любовь рассматривается только как средство продолжения рода. Несомненно, что В.С. Соловьев здесь спорит в первую очередь с формулировками А. Шопенгауэра, и, доказывая, что смысл любви совершенно «в другом», пытается аргументировать свою позицию «на основании естественноисторических фактов»¹⁶⁵.

Увы, его «естественноисторические» представления даже для своего времени весьма поверхностны, а аргументация чрезвычайно наивна. Пытаясь выстраивать систему доказательств, он смешивает воедино известные ему

¹⁶² Дмитриев М.В. Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс].

¹⁶³ Ibid.

¹⁶⁴ Кожурин А. Я. Розанов / А.Я. Кожурин — Издательские решения, 2017.

¹⁶⁵ Соловьев В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев // Русский Эрос, или Философия любви в России. — М., 1991. — С. 41.

факты или явления, не обращая внимания на их разнородность, и все это, по крайней мере с позиций сегодняшнего дня, производит впечатление редкостного дилетантизма. Например, его утверждение, что «смысл половой дифференциации (и половой любви) следует искать никак не в идее родовой жизни и ее размножении, а лишь в идее высшего организма»¹⁶⁶, полностью противоречит подходам современной популяционной биологии, смысл половой дифференциации проявляется именно на уровне популяции, т.е. той самой «родовой жизни», которую не понимает В.С. Соловьев. Следующий пассаж: «...у людей самая великая любовь обычно не дает не только великого, но и вообще никакого потомства, а подчас приводит человека и к самоубийству»¹⁶⁷ можно рекомендовать для изучения психологии невротизма.

Поражает своим простодушием следующее умозаключение: «На двух концах животной жизни мы находим... размножение без всякой половой любви, а с другой стороны, половую любовь без всякого размножения, — значит, эти явления не подчинены друг другу и имеют самостоятельное значение»¹⁶⁸? Отсюда автор выводит достойную учебника физики формулу: «половая любовь и размножение рода находятся между собою **в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другая**»¹⁶⁹. Подытоживая размышления В.С. Соловьева на тему природы «половой любви», можно охарактеризовать их, как доморощенную натурфилософию ужасающе невысокого уровня.

Обращает на себя внимание такая декларация В.С. Соловьева: «полное осуществление любви между мужчиной и женщиной ещё не имело место в истории»¹⁷⁰. Тем самым автор декларации достаточно безапелляционно

¹⁶⁶ Соловьев В.С. Сочинения / В.С. Соловьев — М.: Мысль, 1988. — Т.2.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ Демидов А.Б., Феномены человеческого бытия / А.Б. Демидов — Минск: ЗАО Издательский центр "Экономпресс" — 1999.

¹⁶⁹ Соловьев В.С. Сочинения / В.С. Соловьев — М.: Мысль, 1988. — Т.2.

¹⁷⁰ Соловьев В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев // Русский Эрос, или Философия любви в России. — М., 1991. — С. 41

утверждает, что все до сих пор бывшее на протяжении человеческой истории – это «не полная любовь», сиречь неполноценная. Здесь было бы уместно вспомнить реплику «Не указывайте Богу, что ему делать!» (сказанную Н. Бором А. Эйнштейну во время их знаменитого диспута). Ведь если все, бывшее до сих пор – недостаточно «полно», то где уж тут рассмотреть «укорененность благодати божией в природе человека» да и в природе вообще! Примечательно, что именно в русле подобного «непримиримого» подхода (как у В.С. Соловьева) к идеям А. Шопенгауэра и в советское время «учение Шопенгауэра» следовало причислять к «наиболее реакционным направлениям буржуазной философии». Разрушительное воздействие «доктрины Соловьева» на неокрепшую психику молодых людей иллюстрирует трагическая судьба Л.Д. Менделеевой, вышедшей замуж за А. Блока, входившего в круг родных и близких В.С. Соловьева и воспринимавшего взгляды великого философа на «низменность физической близости», как руководство к практическому применению в собственной семейной жизни.

В.В. Розанову подобные поиски были чужды, он исходил из того, что половые различия в принципе непреодолимы, да и не следует их преодолевать. При этом В.В. Розанов отвергает установки достижения человеком «андрогинного состояния», в своих работах он «развертывает грандиозную «натуральную теологию», которая идет не от абстрактной идеи Бога, трансцендентного миру, а от самого этого мира»¹⁷¹. «...«Видит», «слушает», «живет» в нас метафизика, - запутанная вся в *физику*... Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли которые не имели бы в себе «духовного начала»»¹⁷². Розанову принадлежит «наиболее фундаментальная в русской мысли «система» всеединства, причем не отвлеченно-логическая или

¹⁷¹ Кожурин А. Я. Розанов / А.Я. Кожурин — Издательские решения, 2017.

¹⁷² Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства / В.В. Розанов – М.: Дружба народов, 1990 (репринт 1911)

гностическая»¹⁷³, как в случае В.С. Соловьева и его последователей. При всей своей самобытности работы Розанова органично входят в русло развития мировой философской мысли. Разрабатывая тему полового влечения, А. Шопенгауэр стремился дополнить традицию классического идеализма, которая, на его взгляд, игнорировала проблему пола. В дальнейшем данная установка получила развитие в трудах Ницше, Фрейда и других представителей постклассической философии. Розанов, несомненно, является законным представителем данной традиции¹⁷⁴.

В большинстве античных этических учений природа интерпретировалась как эталон организации, жизнь в согласии с природой расценивалась, как благо. По Аристотелю – все, что является противоположностью природе, не может быть добрым (справедливым). Розанов продолжает эту линию. ...Вместо оппозиции «нравственное – безнравственное» Розанов исходит из оппозиции «естественное – искусственное»... «Мир в его данности и есть самый религиозный феномен. Для антропологии это имеет то важное значение, что человек оказывается окончательно уравненным со своими «братьями меньшими», животными и природным миром («разве роды коровы ниже чем-нибудь родов женщины?»)¹⁷⁵. Это следует рассматривать совершенно не как низведение человека до «животного» а-ля социал-дарвинизм, а, наоборот, «возвышающее» животных. Здесь просматривается параллель с мыслями старшего современника Розанова – Страхова Н.Н., который считал: «по своим физическим и душевным качествам человек подходит под понятие животного; в его природе нет ни одной черты, которая бы противоречила этому понятию, все черты животного сохраняются в нем вполне... На деле оказывается, что не только животность не противоречит духовности, но даже и для духа

¹⁷³ Кожурин А. Я. Розанов / А.Я. Кожурин — Издательские решения, 2017.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Кожурин А. Я. Розанов / А.Я. Кожурин — Издательские решения, 2017.

необходима самая высшая степень животности»¹⁷⁶. Тем самым возвышается природная сторона человеческого существования, происходит сакрализация мироздания.

Этой же линии неотделимости человека от природы придерживался М.А.Бакунин: «По своей... природе человек есть не что иное, как животное, которое благодаря сравнительно более совершенной организации своего мозга одарено только большей дозой разума, нежели животные других видов. ...не только он сам, рассматриваемый как индивид, но и его социальная среда, то человеческое общество, ближайшим продуктом которого он есть, в свою очередь есть продукт мировой и всемогущей природы в том же качестве и таким же образом, каким им выступают муравейники, ульи, общности бобров и всех других видов животных ассоциаций»¹⁷⁷. Можно отметить, что Бакунин на сотню лет предвосхитил оценки современных этологов и эволюционных психологов, говоря о том, что когнитивная деятельность как человека, так и животных, имеет количественные, но не качественные различия – можно говорить лишь о большей или меньшей «доле разума». Восхищает его понимание и того, что и «социальная среда» человека – так же «продукт природы», особенно в контексте перечисления прочих известных в то время видов социальных животных (бобры, пчелы etc.), образующих, по определению Бакунина, «животные ассоциации».

Противоположная установка восприятия «животного», как «низменного» (следовательно, и «природное» - так же «низменное») сказалась во взглядах таких известных отечественных философов, как С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев. По Булгакову, бог дает заповедь к размножению, поскольку «полнота человеческого рода войдет в жизнь рождением, какое свойственно животным,

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Бакунин А.М., Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке / А.М. Бакунин // Избранные философские сочинения и письма – М.: «Мысль», 1987..

...поскольку вообще для человечества такой способ рождения необходимым сделала наклонность нашей природы к униженному»¹⁷⁸.

Н.А. Бердяев считал, что «половое влечение поработает, тогда как любовь ведет человека к освобождению от рабства – природного, состоящего в следовании животным инстинктам, и социального, подчиняющего индивида обыденным безличным нормам социальной жизни»¹⁷⁹. Здесь нетрудно увидеть духовную взаимосвязь с В.С. Соловьевым, двигаясь в русле идей которого Н.А. Бердяев видел оппозицию любви и полового влечения, которое, с его точки зрения, навязывается индивиду "волей рода". С одной стороны, здесь также можно усмотреть влияние А. Шопенгауэра с его «гением рода», но, с другой стороны, в том, что этой «воле» изначально приписывается негативный смысл («подавление индивидуального») так же очевидно влияние В.С. Соловьева. Во всяком случае, своего рода «созвучие» соловьевским идеям, пропитанным гностической атмосферой искреннего презрения к низменной телесности.

«Любовь, напротив, индивидуальна, направлена на неповторимую и незаменимую личность. Личное и родовое начала находятся в антагонизме между собой: чем больше индивидом овладевает половое влечение, тем меньше в нем остается личного, и соответственно сильная любовь к другой личности может ослаблять родовые инстинкты»¹⁸⁰. Согласно Н.А.Бердяеву, "Без влюбленности в Вечную Женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира, не было бы мировой культуры. Мужчина всегда творил во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его на подвиг и соединяет с душой мира"¹⁸¹.

¹⁷⁸ Булгаков С. Н. Пол в человеке / Труды по социологии и теологии: в 2 т., Т 2 / С.Н. Булгаков — СПб, — 1997

¹⁷⁹ Философия любви: В 2 ч. Ч 2./ Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 2.

¹⁸⁰ Философия любви: В 2 ч. Ч 2./ Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 2.

¹⁸¹ Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви / Н.А. Бердяев — М.: БММ, 2014.

Весьма примечательна реакция, которую вызвало в России появление труда О. Вейнингера «Пол и характер»: книга пользовалась громким успехом. Н. Бердяев, считая, что книгу можно расценить, как продолжение традиции немецких идеалистов, говорил: "у Вейнингера есть чувство ужаса и жути перед тайной пола"¹⁸². «Зинаида Гиппиус сравнивала Вейнингера с Владимиром Соловьевым и считала, что оба они имели большое сходство и взаимно дополняли друг друга»¹⁸³.

Противоположную позицию занимал Андрей Белый, который, не считая "Пол и характер" сколько-нибудь состоятельной работой и в научном плане, и в философском, дал уничтожающий анализ доморощенной методологии Вейнингера: «Обосновывая свой взгляд на пол данными естествознания, он варварски распоряжается этими данными; предаётся необузданному резонерству (дурной метафизике); не преодолевает, а прошибает естествознание - и главное, чем прошибает? Он взывает к метафизическим сущностям... Данные биологии нужны ему - для чего? Обмануть наивных читателей, подсунуть им горькую метафизическую пилюлю в сладкой обертке из терминов биологии?»¹⁸⁴.

Еще менее лицеприятен отклик В. Розанова в "Опавших листьях": «Ну, что же: ты содомит. И на этом можно закрыть книгу. ...Женским глазом он уловил тысячи дотоле незаметных подробностей; даже заметил, что "кормление ребенка возбуждает женщину"...Он говорит о всех женщинах, как бы они были все его соперницами, - с этим же раздражением»¹⁸⁵.

Говоря об отклике, который нашел труд Вейнингера в отечественной философской традиции, нельзя обойти вниманием отзыв советского писателя Андрея Платонова, который переживал трагизм ситуации Вейнингера по-

¹⁸² Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви / Н.А. Бердяев — М.: Прометей, 1989.

¹⁸³ Гиппиус З.Н. О любви / З.Н. Гиппиус // Мечты и кошмар (1920-1925) — СПб.: ООО "Изд-во "Росток", 2002.

¹⁸⁴ Белый А. Вейнингер о поле и характере // в кн. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей (сборник) — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012.

¹⁸⁵ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый / В. В. Розанов // Уединенное — М., 1990.

своему, рассматривая женщину вслед за Н. Бердяевым, как «душу мира», писал: «Мыслитель Отто Вейнингер в своей главной книге «Пол и характер» проклял женщину... эта книга - вопль погибающего, ибо, вынув душу из мира – женщину, Вейнингер зашатался и исчез в вихре безумия (он убил себя юношей). Прощение честному». Юрий Нагибин вспоминая о своих встречах с А. Платоновым, приводит его реакцию во время обсуждения книги Вейнингера: «Помню его фразу «Бедный, бедный мальчик!», произносимую так тепло и сочувственно, будто юный и запутавшийся Вейнингер плакал в соседней комнате»¹⁸⁶.

1.2. Проблема реальности и онтологического статуса пола в современной биологии.

Полом считается «любая из двух основных категорий, мужской или женской, на которые делятся люди и большинство других живых существ на основе их репродуктивных функций»¹⁸⁷. Факт принадлежности к одной из этих категорий определяет пол человека. Кроме того, пол может быть определен, как разновидность (*varieties*) в рамках одного биологического вида («...male and female varieties, each known as a sex»¹⁸⁸). Одним из значений термина «пол» является «группа, состоящая из всех представителей того или иного пола». Так как в классификационной системе «группа из дискретных объектов, объединяемых на основании общих свойств и признаков»¹⁸⁹ считается таксоном, пол можно рассматривать, как своего рода таксон. Это позволяет отнести к нему «рефлексии ученых» относительно «определения способа бытия

¹⁸⁶ Клех И. Ю. Пол – судьба или выбор? О душе мира, гермафродитах и философе Отто Вейнингере // Независимая газета — [Электронный ресурс].

¹⁸⁷ Stevenson A., Waite M. Sex // Concise Oxford English Dictionary — OUP Oxford. — 2011. — p. 1302.

¹⁸⁸ Blanchard R. The classification and labeling of nonhomosexual gender dysphorias // Archives of Sexual Behavior — 18/4(1989): — pp. 315–334.

¹⁸⁹ Таксон (в систематике) // БСЭ: [в 30 т.] Т. 25.— М. Советская энциклопедия, 1976. [Электронный ресурс]

таксона, как одной из наиболее фундаментальных проблем таксономии»¹⁹⁰, «проблему реальности таксона в ее натуралистической форме»¹⁹¹, известную в биологической систематике, как «проблема вида»¹⁹².

«Понятие вида – одно из фундаментальных в биологии. Оно относится к числу ключевых в систематике»¹⁹³, хотя при этом, «как и всякое фундаментальное обобщение, не имеет чётко очерченной формулы»¹⁹⁴. Понятие вида в биологическую систематику пришло из схоластики. Споры о реальности таксонов требовали разработки объективных критериев таксономической расчлененности природы, в то же время «номиналистические установки склоняли ученых ...к признанию условности их выделения»¹⁹⁵. Попытки создания общепринятой (в силу очевидности «естественных» критериев систематизации) таксономической системы, не увенчались успехом. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, «употребляемые термины "род", "семейство", "отряд" и т.д. не несут никакого объективного содержания... В этих условиях нередко теряет смысл обсуждение таких проблем, как реальность высших таксонов, закономерности их исторического развития...»¹⁹⁶. Невозможность построения иерархизированной системы с «естественно существующими» границами и привела к постановке проблемы реальности таксонов. «Наболевшая проблема вида грозит взорвать всю таксономическую теорию, хотя сама проблема... чрезвычайно узка в философском плане и

¹⁹⁰ Зуев В.В., Розова С.С. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии // *Философия науки* — Новосибирск, 2001 — №2 (10).

¹⁹¹ Зуев В.В. Проблема реальности в биологической таксономии / В.В. Зуев — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та — 2002.

¹⁹² Гапанович С.О. Проблема реальности и онтологического статуса пола в современной биологии // *Общество: философия, история, культура*. 2022. №9 (101). С. 74 – 79.

¹⁹³ Павлинов И.Я. Научный плюрализм и проблема вида в биологии. [Электронный ресурс].

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Зуев В.В. Проблема реальности в биологической таксономии / В.В. Зуев — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та — 2002.

¹⁹⁶ Черных В. В. Концепция суммативности высших таксонов // в кн. Проблема целостности высших таксонов. Точка зрения палеонтолога. — М., Наука, 1986.

решаема только в более широких систематических рамках»¹⁹⁷. К попыткам такого решения можно отнести создание эйдологии К.М. Завадского, рассматривавшего ее как некую «общую теорию вида», которая бы охватывала бы вид всесторонне, включая даже аспекты, которые не представляются необходимыми в систематике.

Термин «таксон» имеет не только биологическое измерение, он применяется в разных науках, где есть необходимость теоретической классификации сложных систем, от лингвистики до географии и геологии¹⁹⁸. Например, таксонами в этнологии могут быть расы, субрасы и прочие «локальные формы». Гендер, понимаемый, как «одна из онтологических проекций пола»¹⁹⁹, может рассматриваться, как таксон. Следовательно, можно говорить о гендерной таксономии, подразумевающей «классификацию диапазона различных уровней, на которых люди различаются по половым признакам»²⁰⁰. В то же время в постмодернистском дискурсе, в особенности в гендерных исследованиях, отрицается существование биологически обусловленных признаков или свойств пола (традиционно относимых к понятиям женственности или мужественности) - как «искусственно сконструированных» - средствами языка, эссенциалистских теорий и т.п. Теоретическую (философскую) установку, предполагающую существование таких признаков или свойств, предлагается рассматривать, как эссенциалистскую. Отрицание реальности признаков и явлений, пусть и обосновываемое с позиций конструктивизма (магистрального подхода в постмодернизме), тем не менее, возвращает нас к дискуссии реалистов и номиналистов, разгоревшейся в средневековой схоластике. В наше время

¹⁹⁷ Васильева Л.Н. Кризис проблемы вида: причины и следствия // Эволюционная биология. — Томск. — 2002. Т. 2. — С. 31-50.

¹⁹⁸ Таксономия // БСЭ: [в 30 т.] Т. 25. — М. Советская энциклопедия, 1976. [Электронный ресурс]

¹⁹⁹ Богатова Л.М. Онтологические проекции пола: опыт историко-философской методологии // Парадигма — Санкт-Петербург, — 2016. — Вып.23. — С.75-108.

²⁰⁰ Blanchard R. The classification and labeling of nonhomosexual gender dysphorias // Archives of Sexual Behavior — 18/4(1989): — pp. 315–334.

термин «эссенциализм» появился в аналогичном контексте: «К. Поппер ввел термин ‘эссенциализм’ в противоположность ‘номинализму’, чтобы заменить многозначное слово ‘реализм’»²⁰¹.

Идеологически постмодернизм «выступает против дотоле используемой методологии научного познания..., заявляя, что оно не столько отражает объективную картину мира человека, сколько конструирует ее»²⁰². «Для «постмодернистски-ориентированных авторов» эссенциализм является показателем несовременности или отсталости»²⁰³: «гендерная методология в истории позволяет аргументированно опровергнуть эссенциализм — идею о том, что есть что-то «данное» (Богом, Природой) и потому существовавшее извечно...»²⁰⁴. «В гендерных исследованиях основными оппонентами эссенциализма являются конструктивисты, которые считают пол и связанные с ним явления, например, такие как сексуальность, продуктом истории»²⁰⁵.

Отрицание реальности любых признаков ставит «общемировоззренческий вопрос о предзаданности объектов науки научному познанию, ответ на который и дает основу для последующего развития онтологии»²⁰⁶. Существуют два принципиально разных подхода: натуралистический (в естествознании), и социокультурный - «внутри философской рефлексии как понимание социокультурной природы познания и его натуралистической организации как исторического продукт»²⁰⁷.

Так или иначе, но проблемы биологической классификации указывают на «невозможность критерия вида, который был бы **одновременно строго**

²⁰¹ Васильева Л.Н., Эссенциализм в проблеме вида, 2005 [Электронный ресурс]

²⁰² Козьмин В.А., Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата— М. — 2015.

²⁰³ Гапанович С.О. Проблема реальности и онтологического статуса пола в современной биологии // Общество: философия, история, культура. 2022. №9 (101). С. 74 – 79.

²⁰⁴ Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов. Проблематизация женской субъективности // в кн.

Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие — СПб.: Алетейя. — 2001.

²⁰⁵ Булавина Т. В., Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс].

²⁰⁶ Зуев В.В., Розова С.С. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии // Философия науки — Новосибирск, 2001 — №2 (10)..

²⁰⁷ Ibid.

операциональным, биологически содержательным и всеобще применимым... При этом, чем более строго задана концепция вида, тем уже область ее применения; а чем больше в ней биологического содержания, тем менее она операциональна. В основе этого лежит **обратное соотношение между строгостью и содержательностью понятия**²⁰⁸. Комплементарность, классов понятий, совокупность которых необходима для воспроизведения целостности описываемых объектов, служит указанием на адекватность применения принципа дополнительности, одного из наиболее многообещающих методологических и эвристических принципов современной науки. В свое время Нильс Бор настаивал на возможности применения принципа дополнительности за пределами физики, подчеркивая его универсальную методологическую значимость. «Принцип дополнительности запрещает с одинаковой точнопределами стью в одной классификации фиксировать ее параметры, «дополнительные» относительно друг друга»²⁰⁹. В данном случае это строгость задания параметров таксона и биологическая содержательность. Для дополнительных друг другу параметров «верно соотношение неопределенностей, делающее потенциально неустойчивыми всякие таксономические решения, нацеленные на одновременные отображение такого рода параметров, например, типологического сходства и родства. Применимость «композиционистского» и «редукционистского» подходов к одним и тем же биологическим феноменам так же является примером отношений дополнительности»²¹⁰. Разумеется, это соотношение нельзя толковать столь же буквально, как в исходной версии (у В. Гейзенберга), но в общем эпистемологическом смысле оно вполне адекватно описывает ситуацию»²¹¹.

²⁰⁸ Павлинов И. Я. Научный плюрализм и проблема вида в биологии. [Электронный ресурс].

²⁰⁹ Павлинов И. Я., Любарский Г.Ю.. Биологическая систематика: Эволюция идей., — "КМК", Москва, — 2011.

²¹⁰ Лисеев И.К. Философия. Биология. Культура. / И.К. Лисеев. — М.: ИФ РАН, 2011. с.13.

²¹¹ Павлинов И. Я., Любарский Г.Ю.. Биологическая систематика: Эволюция идей., — "КМК", Москва, — 2011.

Полярная противоположность натуралистической и социокультурной методологий позволяет предположить их взаимную дополнтельность, тем более, что интерпретация принципа дополнтельности «имеет далеко идущую аналогию с общими трудностями образования человеческих понятий, возникающими именно из разделения субъекта и объекта. Такого рода аналогии Н. Бор усматривал в психологии и, в частности, в специфике интроспективного наблюдения за непрерывным ходом мышления»²¹². Невозможность чёткого разграничения «явления и его сознательного восприятия в силу тесной связанности субъекта и объекта познания и составляет гносеологическую суть принципа дополнтельности»²¹³.

Но все же взаимная дополнтельность натуралистического и социокультурного подходов неравнозначна смешению этих подходов или подмене одного другим. Более того, такая подмена вследствие смешения разных уровней описания – довольно распространенный вариант системных ошибок.

Г. Райл, критикуя в своей работе «Концепция разума» (1949 г.) сложившийся подход к рассмотрению взаимодействия разума и тела, проиллюстрировал свои рассуждения с помощью модели «Ghost in the machine» («дух в машине»). Согласно Г. Райлу, классические представления о разуме в духе картезианского рационализма допускают категориальную ошибку, поскольку «анализируют отношения между «разумом» и «телом», как если бы они были понятиями одной и той же логической категории»²¹⁴. Тем самым допускается смешение разнородных понятий, в итоге попытка материалистического объяснения приводит к существенной категориальной ошибке, поскольку рассматривает умозрительную «реальность» и физическую в одном и том же статусе.

²¹² Порус В.Н. Дополнтельности принцип // Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс]

²¹³ Боронин А.А., О принципе дополнтельности и анализе речевой деятельности // Вестник московского государственного областного университета. — Изд-во: МГОУ (Москва) — 2016. — № 1. — Стр 8-17.

²¹⁴ Tanney J. "Gilbert Ryle"// in Stanford Encyclopedia of Philosophy — Dec 18, 2007 [Электронный ресурс].

О необходимости различения методологий, развивающихся в русле разных парадигмальных установок, говорил в свое время и Н. Бор: «признание важного значения черт атомистичности в механизме живых организмов само по себе не является ...достаточным для всестороннего объяснения биологических явлений»²¹⁵. Принцип дополнительности, как методологический подход, «демонстрирует свою универсальную применимость в самых разных науках, как естественных, так и гуманитарных»²¹⁶.

В рамках парадигмы дополнительности строгость формулировки не может считаться обязательным требованием, поскольку «в мире человеческого мышления вообще и в физике в частности наиболее плодотворными понятиями являются те, которым невозможно придать точно определенный смысл»²¹⁷. «Внутренняя противоречивость феномена естественной классификации состоит в том, что классификации могут быть построены... только в рамках теоретических систем знания применительно к сконструированной людьми идеальной реальности... Осознание социокультурной природы таксонов обеспечит понимание учеными относительности научного знания к средствам познания... и тем самым снимет проблему реальности таксона в ее натуралистической форме, как проблему их существования в мире природы "самой по себе"»²¹⁸. «Фактически 'проблема вида' в классификации живых организмов может быть решена только в пределах более широкой проблемы построения иерархии отличий между организмами»²¹⁹.

Принципиально важным представляется то, что принцип дополнительности указывает на необязательную достижимость точности определения, в то время как постмодернистское отрицание эссенциализма ведет

²¹⁵ Алексеев И.С. Принцип дополнительности. // в кн.: Методологические принципы физики. М.: Наука, 1975.

²¹⁶ Вершинин И. В. Принцип дополнительности в методологии литературоведения // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2008. — №5. — Филология [Электронный ресурс]

²¹⁷ Алексеев И.С. Принцип дополнительности. // в кн.: Методологические принципы физики. М.: Наука, 1975.

²¹⁸ Зуев В.В. Проблема реальности в биологической таксономии / В.В. Зуев — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та — 2002.

²¹⁹ Васильева Л.Н. Эссенциализм в проблеме вида, 2005 [Электронный ресурс]

к отказу от самой постановки вопроса о реальности. Распространение установок крайнего номинализма выхолащивает научную методологию, подменяя сравнительное сопоставление (подразумевающее выявление взаимосвязей) эклектическим перечислением фактов. «Опровержение классификационного эссенциализма проводилось в истории биологии на самых различных, но равно несостоятельных, основаниях»²²⁰. Дополнительность (в том смысле «дополнительности», как ее интерпретировал Н. Бор) методологий представляется перспективной программой снятия существующих противоречий.

Принято считать, что эволюционно наиболее примитивной формой размножения является бесполое размножение, а появление полового размножения обеспечило живым организмам сразу целый ряд эволюционных преимуществ, к которым относятся в первую очередь ускорение темпов размножения и частоты смены поколений. Ответ на вопрос, могут ли в эволюции биологических организмов реализовываться не два пола, а три или больше, дают математические модели, которые демонстрируют, что появление уже хотя бы третьего пола настолько усложнит процесс размножения, что сделает его практически нереализуемым. При этом индивидуальная изменчивость биологических признаков в рамках одного пола допускает достаточно большой набор их проявлений. Медицинское понятие «интерсексуальность» введено для обозначения необычных сочетаний физиологических характеристик, вызванным дисфункцией или гиперфункцией тех или иных медико-биологических механизмов, соответствующих тому или другому вариантам детерминации по полу.

Отсюда можно заключить, что любые варианты так называемой «многополости» достаточно хорошо объясняются вполне статистически

²²⁰ Ibid.

допустимым необычным сочетанием биологических свойств двух «обычных» полов. В биологии известны такие явления, как перемена пола в течение жизни одного и того же организма. Те не менее, в общем подобные перемены являются не доказательством «неопределенности» или «необязательности» пола, а, напротив, свидетельствуют о гибкости эволюционно-адаптивных стратегий для повышения выживаемости всей популяции путем более успешной реализации именно полового размножения. Половой диморфизм, таким образом, является системным феноменом, представляющим собой эволюционную форму роста жизнеспособности видов.

Появление полового размножения примерно 1 млрд. лет назад у эукариот²²¹ сделало возможным становление онтогенетического уровня организации живой материи. При онтогенетическом обособлении индивидуума с его уникальным сочетанием генетических задатков и конечностью существования из пространственно-временного континуума жизни встала задача сохранения внутренней среды индивида, защиты его целостности и неповторимости. Решению этих задач способствовало появление эволюционно прогрессирующих систем организменного гомеостаза²²². Важная роль в сохранении структурно-функциональной целостности индивида, в противлении организма внешнесредовым воздействиям принадлежит иммунной системе. Развитие и детализация представлений о работе иммунной системы организма на биохимическом и молекулярном уровне позволило понять конкретные механизмы реализации эволюционных процессов на популяционном уровне, в том числе и полового отбора: в основе формирования матримониальных пристрастий лежит ограниченное число эффективно работающих факторов. Как выяснилось, доступ к размножению внутри каждой популяции достаточно

²²¹ Мэйнард-Смит Дж. Эволюция полового размножения / Дж. Мэйнард - Смит — М.: Мир, 1981.

²²² Шмальгаузен И.И., Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, — 1938.

жестко дифференцирован, а «неслучайность выбора брачного партнера служит гарантией наиболее полного использования эволюционных выгод полового размножения и высокой эффективности действия разных форм отбора»²²³.

Описание процессов отбора демонстрирует адекватность применения именно двух подходов, дополнительных друг другу: если с редуccionистских позиций стало возможным понимание молекулярно-биологических механизмов иммунитета для поддержания гомеостаза на уровне индивидуального организма, то композиционистский подход позволил описывать взаимодействие организмов на уровне популяции и сформулировать понятие популяционного гомеостаза.

Попытки концептуального описания достаточно сложной системы (в данном случае – биологических механизмов, лежащих в основе процессов полового отбора) с помощью только одного подхода заводят в тупик, что можно проиллюстрировать на примере т. наз. «теории эгоистичного гена» Р. Докинза (selfish gene theory), одной из наиболее известных биологических концепций конца XX века. Эта теория представляет собой попытку смоделировать эволюционные поведенческие стратегии, не выходя за рамки исключительно редуccionистской парадигматики. Теория вызвала большой резонанс и, получив поначалу достаточно позитивные отзывы, в конечном счете удостоилась разгромной критики в первую очередь со стороны этологов. «Докинз – своего рода экстремал. Даже в области социобиологии он находится в абсолютно «крайних» рядах, с ним не соглашаются многие его коллеги»²²⁴; «...никаким сочетанием «эгоизмов» групповой адаптации не получишь – социальность возникает лишь развитием предшествующей, менее развитой

²²³ Потапов М.А., Евсиков В.И., Генетико – физиологические взаимоотношения мать-плод и их влияние на адаптивные признаки потомков: взгляд с третьей стороны // в сб.: Современные концепции эволюционной генетики. — ИЦиГ СО РАН, Новосибирск, 2000. — С. 277-293.

²²⁴ Бутовская М.Л., «Этология необходима в гуманитарных вузах...» // Ethology.ru [Электронный ресурс]

социальности, то же относится и к популяционной структуре и т.п.»²²⁵. Развиваемый Р. Докинзом подход был охарактеризован, как генетический детерминизм, и, по мнению известного биолога С. Дж. Гулда, в своем «геноцентричном подходе» Докинз «смешивает бухгалтерский учет с причинно-следственными связями». В итоге «объясненный» подобным образом альтруизм оказался «...близок скорее к обмену услугами, чем альтруизму в этическом понимании... образ альтруизма, вызревающий в лоне социобиологии, тяготеет к утилитаризму и, в конечном счете, снова к эгоизму»²²⁶.

Теоретическое осмысление поведенческой проблематики требует междисциплинарной интеграции и, соответственно, выхода за рамки сложившегося в пределах той или иной дисциплины понятийного аппарата. Противоречия в «теории эгоистичного гена» возникли, по всей видимости, именно в связи с тем, что Р. Докинз исходил из современных ему (его книга с изложением теории написана в середине 1970-х) представлений генетиков, которые в то время – т.е. до появления популяционной генетики - традиционно занимались «изучением индивидуальных различий, не интересуясь неизменными видоспецифичными признаками, которые и интересовали этологов прежде всего»²²⁷.

Вследствие неразличения уровней описания возникла неправомерность применения редуccionистского подхода, соответствующего индивидуально-организменному уровню описания, к объекту, существующему на популяционном (в данном случае - видоспецифичном) уровне. Естественно, что «если радикальный редуccionизм-индивидуализм из гносеологии перенести в онтологию, то последовательное применение соответствующих идей

²²⁵ Фридман В., Какая идея набирает силу? // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²²⁶ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995.

²²⁷ Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины // Ethology.ru [Электронный ресурс]

ликвидирует сами объекты изучения социологии, с одной стороны и биологии, с другой...»²²⁸, идет ли речь о человеческом социуме или о популяции животных. Во всяком случае, упрек здесь не может быть адресован генетикам, поскольку «смысловая оценка содержания научной деятельности составляет предмет философии науки»²²⁹. Так или иначе, для решения подобных задач необходимо ввести в рассмотрение кроме конкурирующих особей еще и компоненты надиндивидуального целого, т.е. коммуникативной системы, обслуживающей социум»²³⁰, поддерживающей общепринятые формы поведения.

С точки зрения биологии (которая с постмодернистских позиций, по-видимому, должна считаться олицетворением эссенциализма) пол – это понятие, подразумевающее «совокупность взаимно контрастирующих генеративных признаков особей одного вида»²³¹. Различия полов обусловлены генетически, гормонально, анатомически. В свою очередь, уже сами эти различия обуславливают разницу в поведении.

Поскольку деление на два пола характерно практически для всех высокоорганизованных биологических видов, можно рассматривать такое деление, как системное явление, «эволюционно отработанную форму повышения жизнеспособности животных сообществ»²³². Системность проявляется в взаимной дополнительности выполняемых функций жизнеобеспечения популяции и в обобщенном смысле должна быть универсальной вне зависимости от специфики того или иного биологического вида. Анализ наблюдений этологов и зоопсихологов позволяет сформулировать такие универсалии, описывающие эволюционное распределение функций, программы поведения или психологические особенности в зависимости от принадлежности к полу. Содержательное родство психологических качеств и

²²⁸ Фридман В.С. Какая идея набирает силу? // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²²⁹ Павлинов И. Я., Любарский Г.Ю.. Биологическая систематика: Эволюция идей., — "КМК", Москва, — 2011.

²³⁰ Фридман В.С. Какая идея набирает силу? // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²³¹ Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс].

²³² Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход [Электронный ресурс].

поведенческих программ, обеспечивающих успешную реализацию половых ролей у человека и животных, проявляется в универсальности функционального состава половых ролей. Искомые характеристики проще выявлять именно в поведении животных, где они менее закамуфлированы усвоенными нормами поведения (что вовсе не подразумевает отрицания качественных отличий психологии человека от психики даже самых высокоорганизованных животных)²³³. Различия в поведении мужчин и женщин обусловлены гормонально: в мужском поведении эволюционно закреплено, например, стремление к иерархичности и соперничеству; самец решает оперативные сиюминутные задачи в ситуациях, требующих быстрой и адекватной реакции в меняющихся условиях, а самка – перспективные, отдаленные задачи, требующие житейской мудрости, в итоге она попросту избегает таких ситуаций.

Именно этот вопрос – о том, в какой степени физиологический диморфизм может обуславливать различия в женском и мужском поведении являлся в свое время одним из наиболее важных в феминистских социально-политических дискуссиях на протяжении уже нескольких веков. Но до появления эндокринологии и развития соответствующего понятийного аппарата попытки обусловить человеческое поведение физиологической спецификой организма казалось просто нелепостью. Знаменитая реплика Шарлотты Гилман: «Никакого женского ума не существует! Мозг – не половой орган! С таким же успехом можно говорить о женской печени»²³⁴ отражает эмоциональный накал общественных дискуссий в попытках пробить стену моральных предубеждений в конце XIX века. Хотя сейчас это эпатирующее утверждение представляется дилетантски наивным, оно достаточно точно отражает уровень развития медицинских наук того времени, не имевших никакого представления о действии гормонов и т.п. По иронии судьбы, как выяснилось к концу

²³³ Ibid. |

²³⁴ Лушенко К. История знаменитых цитат / К. Лушенко — Азбука-Аттикус, 2018.

следующего века, именно мозг управляет координацией работы желез внутренней секреции, обуславливая тем самым и специфику половой принадлежности, как на уровне морфологии и физиологии, так и поведения. Но то, что в конце позапрошлого века было проявлением смелости, гражданской позиции и пр., в начале нашего века следует расценивать, как элементарное невежество.

Развитие биологических наук в XX веке (в первую очередь появление нейроэндокринологии, а также иммуно-генетических подходов, опирающихся на молекулярно-биохимические методики, позволяющих проводить достаточно тонкую оценку количественных показателей работы иммунной системы и т.д.) позволило радикально переоценить специфику половой дифференциации: продемонстрировать достоверность различий половозрелых мужчин и женщин по уровню андрогенов и эстрогенов, ряда половых различий в структуре головного мозга и поведении взрослых²³⁵, проявляющегося в результате внутриутробного организационного воздействия гонадных стероидных гормонов²³⁶. Тем не менее, продолжаются дискуссии о том, насколько функции мозга могут объясняться только биологически, а в какой степени – с привлечением психологии и т.д. - все это ставит слишком сложные вопросы для однозначных ответов²³⁷.

Значение половых гормонов для формирования обусловленной полом специфической нейрохимии мозга не стоит преуменьшать: различия в функционировании мозга оказывают куда большее влияние на жизнь человека, чем анатомические половые различия; эти различия обосновывают разницу в поведении, в предрасположенности к тем или

²³⁵ Захарова Л. А. Перинатальный стресс в программировании мозга и патогенезе психоневрологических заболеваний // Известия РАН. Серия биологическая. — 2015. — № 1. — С. 17-26.

²³⁶ Ордян Н.Э., Пивина С.Г., Казакова И.К. Пренатальный стресс и половая дифференцировка поведения // Эндокринная регуляция физиологических функций в норме и патологии: — Новосибирск — 2002. — С.109.

²³⁷ McCarthy Margaret M. Sex Differences in the Brain: The Not so Inconvenient Truth // Journal of Neuroscience — 15 Feb 2012. — 32 (7). — pp. 2241-2247.

иным заболеваниями и т.д. Различия в устройстве мозга, обусловленные половой принадлежностью, могут в конечном счете формироваться в результате действия весьма и весьма различных факторов: от экспрессии генов до побочного действия лекарств, употребляемых во время беременности, сказывающихся на половом развитии потомства. Вместе эти факторы опосредуют различия в нейрогенезе²³⁸, дендритном ветвлении²³⁹ и прочих параметрах нейронов²⁴⁰. Но отсюда не следует существования радикальных различий мозга мужчин и женщин - по большей части и анатомия и функции мозга различий по полу не имеют. Различие состоит в действии стероидных гормонов, обуславливающим опосредованную полем специфику управления нейробиологическими механизмами.

Каким бы парадоксальным это ни казалось, но процесс развития нервной системы по мужскому типу происходит под влиянием женского полового гормона эстрадиола. Развивающийся эмбрион изначально «сориентирован» на развитие по женскому типу: если на него не будет своевременно оказано определенное гормональное воздействие, «по умолчанию» пол развивающегося эмбриона будет женским. Развитие по мужскому типу требует своевременного «переключения» механизмов развития. Гонады развивающегося плода являются эпицентрами определения пола. Все другие первичные и вторичные половые характеристики будут зависеть от гормонов, производимых в семенниках или яичниках в определенные моменты более позднего развития. В режиме «по умолчанию», т.е. не получив необходимой гормональной стимуляции, гонадный предшественник будет дифференцироваться в яичник, мозг в этом случае также

²³⁸ Jalili M. EEG-based functional brain networks: hemispheric differences in males and females. EBSCO. — Mar. 2015. [Электронный ресурс].

²³⁹ Karlsson S.A., Studer E., Westberg L. Neural Androgen Receptors Modulate Gene Expression and Social Recognition But Not Social Investigation // *Front. in Behav. Neurosc.*, 2016 Mar 16 [Электронный ресурс].

²⁴⁰ Kimberly C., Calkins D. S. To Stroop or Not to Stroop: Sex-related Differences in Brain-behavior Associations during Early Childhood // *Psychophysiology* — 2016 Jan — 53(1). — pp. 30–40.

будет развиваться, как женский, а процесс маскулинизации будет запущен только при воздействии стероидов.

Для правильного развития эмбриона по мужскому типу необходимы более сложные (и, следовательно, более уязвимые, более чувствительные к действию внешних факторов) генетические и биохимические взаимодействия. Самую серьезную опасность для такого развития представляют стрессы, которые испытывает женщина в период беременности, возможно, именно с этим связана большая по сравнению с мужчинами устойчивость женщин к стрессам социального происхождения. По мнению Ж. Бодрийяра, «можно высказать гипотезу, что женское вообще единственный пол, а мужское существует лишь благодаря сверхчеловеческому усилию... свою власть и свои институты мужчины установили с одной только целью — противодействовать изначальному превосходству женщины. Движущей силой предстает здесь уже не зависть к пенису, а, напротив, зависть мужчины к женскому плодородию»²⁴¹.

Существует эволюционное обоснование принципиальной важности роли женщин в воспитании детей: у большинства видов животных обучением подрастающего поколения занимаются самки. «Тигром тигренка делает тигрица, что полезно помнить, обсуждая «катастрофическое» засилье женщин в начальной и средней школе»²⁴². Как замечает М.Л. Бутовская, если женщины эффективно справляются с выполнением практически любых видов деятельности, которые традиционно считались мужскими, то обучить мужчину деторождению все-таки невозможно - «природа сделала женский пол более устойчивым, так как именно от него зависит воспроизводство и ...выживание человека как вида»²⁴³.

²⁴¹ Бодрийяр Ж., Соблазн / Ж. Бодрийяр — Ad Marginem, 2000.

²⁴² Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход [Электронный ресурс].

²⁴³ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

1.3. Гендер и пол: границы тождества и различия

«Гендер обозначает социальные аспекты взаимоотношений между полами, психологические и поведенческие характеристики, связанные с маскулинностью и фемининностью... Считается, что гендер — это социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин»²⁴⁴, обусловленные структурой организации социума. В социологии проблемы гендерной идентификации могут рассматриваться, как проблемы социальной (коллективной) идентичности, в плане принадлежности к некоей социальной группе вместе с определенным эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства. Принадлежность к группе определяет «интересы» и «правильный способ поведения («правильный» и в смысле «морально одобряемый», и в смысле «стратегически рациональный»))»²⁴⁵.

Обстоятельства появления термина «гендер» в отечественном словоупотреблении отражают в первую очередь проблему невозможности буквального перевода с одного языка на другой. Термин «gender» в английском являлся грамматической категорией, служащей для обозначения рода слов в зависимости от контекста высказывания. Поскольку «в русском языке сама структура слов уже наделена родовым признаком»²⁴⁶, то и буквальный перевод термина русским аналогом «род» попросту невозможен.

Поскольку гендер может быть представлен, как «одна из онтологических проекций пола»²⁴⁷, то и гендерная таксономия представляет собой «классификацию диапазона различных уровней, на которых люди различаются по половым признакам»²⁴⁸. Отдаленные последствия дискуссий о реальности

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Соколов М. Природа коллективной идентичности // Постнаука.ру [Электронный ресурс].

²⁴⁶ Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2009.

²⁴⁷ Богатова Л.М. Онтологические проекции пола: опыт историко-философской методологии // Парадигма. Философско-культурологический альманах, — Санкт-Петербург, — 2016. — Вып.23. — С.75-108.

²⁴⁸ Blanchard R. The classification and labeling of nonhomosexual gender dysphorias // Archives of Sexual Behavior — 18/4(1989): — pp. 315–334.

таксонов в классификации, их онтологическом статусе и модусах существования нашли свое довольно неожиданное отражение в т. наз. гендерной философии, в которой отрицание реальности пола является базовым принципом. Теоретическая установка, предполагающая реальность существования признаков принадлежности к полу, рассматривается, как эссенциалистская, в то же время для «постмодернистски-ориентированных авторов»²⁴⁹ эссенциализм оказывается показателем несовременности или отсталости. «Гендерная методология в истории позволяет аргументированно опровергнуть эссенциализм — идею о том, что есть что-то «данное» (Богом, Природой) и потому существовавшее извечно...»²⁵⁰. Откровенно культивируемая таким образом в «гендерной философии» принципиальная для постмодернизма антиэссенциалистская установка отчетливо выражает позиции крайнего номинализма.

С таких позиций рассмотрение гендерных различий, как «якобы неизбежных» - в связи с биологическим разделением полов по функциональным и антропоморфическим показателям – рассматривается, как обоснование «универсального гендерного неравенства» (гендерной асимметрии). «...Эссенциалистские представления о половых различиях предстают как разновидность патриархатной идеологии, оправдывающей таким образом социальную ситуацию угнетения одного пола другим. Да, физиологическое различие первично (и предшествует любому другому — например, социальному различию), но вопрос заключается в том, как культура пользуется этим изначальным биологическим различием, интерпретируя его, закрепляя с помощью различных конвенций, включая его в игру властных отношений»²⁵¹.

²⁴⁹ Булавина Т. В., Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]

²⁵⁰ Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов. Проблематизация женской субъективности // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I:— СПб.: Алетейя. — 2001.

²⁵¹ Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001. — стр. 427 - 454.

Если в эпоху, предшествующую постмодернизму, научная методология подразумевала описание неких признаков для последующей классификации, то теперь любые признаки могут считаться произвольно сконструированными. Поскольку «отказ от идеи целостности и структурной упорядоченности является базовой для философии постмодернизма предпосылкой»²⁵² и «принятие хаоса оценивается в качестве фундаментального для постмодернистской философии жеста»²⁵³, то и вытекающая отсюда постановка вопроса об антинаучности постмодернистской идеологии представляется совершенно оправданной.

В русле развития идей конструктивизма, на который в «гендерных исследованиях» возлагается миссия противостояния эссенциализму, пол и сексуальность принято считать «продуктом истории»²⁵⁴. Хотя «гендерные исследования» стали бурно развиваться в рамках т. наз. «третьей волны феминизма» в 1990-х г.г., основные идеи, развиваемые в них, были выдвинуты значительно раньше - в 1960-е - такими авторами, как, например, М. Виттиг и некоторыми другими. Но принципиально важное влияние на развитие гендерной философии оказали взгляды М. Фуко, провозгласившего, что «...сексуальность не следует понимать, как нечто данное от природы», поскольку сексуальность – это лишь «имя, которое можно дать некоторому историческому диспозитиву»²⁵⁵.

В целом он рассматривал сексуальность, как один из способов реализации властных отношений в обществе, способ проведения «биополитики». В свою очередь, биополитика рассматривалась им, как одна из составляющих «биовласти» - новой современной технологии реализации власти,

²⁵² Попов Б. Н. Парадигмальные основания философских интерпретаций постмодернизма, Изд. «В.С. Шипилевский», г. Чебоксары, 2006. [Электронный ресурс].

²⁵³ Ibid.

²⁵⁴ Булавина Т. В., Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]

²⁵⁵ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.— 448 с.

предполагающей сведение феномена человека к набору отдельных (физиологических и пр.) функций в их взаимодействии с механизмами современной культуры (сексуальность в рекламе, телесность в социальной медицине и т.д.). При этом М. Фуко демонстративно подчеркивал свой подход к проблематике: «Следует, конечно, быть номиналистом...».

Особенности воззрений М.Фуко вряд ли можно объяснить без обращения, во-первых, к его биографии, во-вторых, к историческому контексту – впрочем, именно такой подход, предполагающий описание темы «в целом», свойственен как самому М.Фуко, так и французской исторической «школе Анналов» (*École des Annales*), оказавшей формирующее влияние на творческий «почерк» автора. Взгляды М. Фуко, к началу 1950-х г.г. получившего блестящее образование в области философии и психологии, вполне закономерно отражали парадигмальные установки науки того времени. Следует, видимо, уточнить, что это происходило в «эпоху» до открытия ДНК, до появления этологии и развития соответствующих понятий (таких, как «социальное поведение животных» и др.), до появления нейроэндокринологии и т. д. С позиций господствующих на тот момент в психологии бихевиористских представлений человеческое поведение рассматривалось, как продукт обучения (воспитания), но не наследования. Субъект рассматривался «как *tabula rasa*, лишенный каких-либо априорных ментальных структур, способных влиять на его будущее развитие»²⁵⁶. Таким образом, из того, что всё человеческое поведение, в том числе половое (во всяком случае, в его гендерной ипостаси), требовалось рассматривать лишь и только лишь, как продукт человеческой культуры, но не как явление природы, логично следовали выводы о «надуманности», «искусственности» сексуальности. Поэтому для М. Фуко сексуальность «*производится*» в культуре, а не «*существует*», как природный феномен. Ко

²⁵⁶ Бихевиоризм / Аналитическая философия сознания // Аналитическая философия. Под общей научной редакцией М. В. Лебедева. [Электронный ресурс]

всему этому следует добавить модный в те годы фрейдомарксизм, в русле которого Г.Маркузе развивал идеи репрессивности культуры и цивилизации («Эрос и цивилизация», 1955). В рамках такого подхода сексуальность закономерно следовало рассматривать, как один из инструментов подавления или угнетения.

Опыт работы, приобретенный молодым М.Фуко в первой половине 1950-х в медицинских клиниках в сфере психиатрии, по всей видимости, оказался настолько тяжелым и впечатляющим, что он всю свою последующую жизнь принимал самое активное участие в движении «антипсихиатрии», ставящем своей целью гуманизацию этой сферы. В своих выводах М.Фуко не был одинок, например, К.Лоренц сравнивал распространение бихевиористских подходов в европейской психологии с распространением опасной эпидемии. Культивируемое бихевиористскими установками стремление к «научной бесстрастности» зачастую оборачивалось бездушием и жестокостью по отношению к пациентам – о чем свидетельствует, например, печально знаменитая практика лоботомии.

В качестве другого примера можно привести деятельность исследователя явления транссексуальности Дж. Мани (по одной из версий, именно ему приписывается заимствование термина «гендер» из английской словесности), выдвинувшего в 1955 г. «теорию» гендерной нейтральности маленьких детей при рождении. Задним числом Дж. Мани приобрел скандальную известность, когда много лет спустя были обнародованы подробности его экспериментов на людях по перемене пола, которые в наше время нельзя охарактеризовать иначе, как откровенное изуверство. Подобная экспериментальная деятельность являлась прямым следствием развития представлений в рамках концепции «*tabula rasa*» - «чистого листа», одним из базовых положений бихевиоризма. Ф. Добжанский характеризовал эту концепцию, как мифологическую, но опасную, равно как и идейно оппонирующую ей концепцию генетического детерминизма,

как выдуманные «для объяснения умозрительных представлений или природных феноменов, которые слишком сложны и недостаточно хорошо изучены, чтобы получить бесспорное толкование»²⁵⁷.

Развитие этологических представлений и соответствующего методологического аппарата позволило к концу XX века продемонстрировать не только существование именно социального поведения у животных и чрезвычайную сложность его форм, но и эволюционную обусловленность любых форм человеческого поведения, в том числе социального. Именно это последнее утверждение, из которого следует невозможность существования качественных различий в когнитивной деятельности человека и животных (т. наз. «проблема уникальности человека»), до сих пор служит камнем преткновения главным образом гуманитарных наук²⁵⁸. Среди биологов известен т. наз. «парадокс Уоллеса», связанный с именем А. Р. Уоллеса, коллеги Ч. Дарвина и практически соавтора теории эволюции. Хотя Уоллес был убежденным эволюционистом, он никак не мог примириться тем, что человеческий разум – такой же продукт действия эволюционных механизмов, как и строение человеческого тела. По ироничному замечанию известного современного этолога Ф. Де Вааля, «тень парадокса Уоллеса до сих пор витает в академических кругах, стремясь вырвать человеческий разум из когтей биологии»²⁵⁹. Так или иначе, к концу 1990-х стало ясно, что с появлением множества дисциплин, изучающих проявления жизни в широчайшем спектре от поведения животных до молекулярных механизмов наследственности, «научный ландшафт» биологии изменился до неузнаваемости. В этих условиях, безусловно, смысл таких понятий, как «биополитика» и «биовласть» - именно в интерпретации М. Фуко - требуют самого серьезного пересмотра.

²⁵⁷ Добжанский Ф. Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²⁵⁸ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²⁵⁹ Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2020.

Таким образом, можно видеть, что возможность отрицания реальности пола, то есть реальности существования диморфических признаков, связана отнюдь не только с принятием установок крайнего номинализма, скорее, принятие таких установок было в какой-то степени неизбежным шагом, обусловленным вынужденностью выстраивать концепцию гендерного поведения в рамках прежней научной парадигмы, выстроенной в свое время на уже устаревших к данному моменту представлениях. О каких именно представлениях может идти в данном случае речь и откуда они могли быть заимствованы? Во-первых, из психологии, где в рамках доминировавшего в свое время бихевиористского подхода следовало видеть в гендерной идентичности исключительно продукт воспитания, т.е. культуры. Во-вторых, из социологии, где не допускалось и мысли о том, что социальное поведение человека можно рассматривать в эволюционно-биологическом ключе, как продукт биологической эволюции - из чего вытекало, что «структура общества намного сложнее структуры популяции животных, микроорганизмов, роботов»²⁶⁰. Подобный подход окончательно «изолировал» гендерное поведение от природы и биологии.

Привычно негативная установка в отношении к «животному», как более «примитивному», «низменному», недостойному, на протяжении многих лет формировала мнение, что мотивы человеческого поведения не могут быть объяснимы его «биологией». Общая недооценка важности (а на самом деле даже безальтернативности) эволюционного подхода к пониманию человеческого поведения «проистекает из, во-первых, излишне упрощенного взгляда на биологически обусловленное поведение, а во-вторых, непонимания, а то и нежелания понять принципы функционирования [биологических]

²⁶⁰ Макаров В.Л. Становится ли человеческое общество стабильнее? // Вопросы философии – 2010, №8. С.17-22.

механизмов»²⁶¹. Согласно мнению М. Бутовской, «игнорирование биологической составляющей в поведении человека ничего, кроме больших неприятностей в теории и на практике не сулит»²⁶².

Согласно наблюдениям канадской исследовательницы Маргарет М. МакКарти²⁶³, «в целом ряде стран в последние десятилетия практиковалась политика целенаправленного игнорирования обусловленных полом различий в психологии с целью формирования «сексуально нейтрального» мировоззрения у детей. Результаты проведения такой политики сказались на мировоззрении целого поколения, для которого типичным является ощущение диссонанса между внушенными идеологическими установками и собственным опытом реальной жизни»²⁶⁴.

Можно лишь констатировать, что студентам гуманитарных специальностей в особенности необходимо изучение эволюционных основ человеческого поведения, «...потому что все неправильные теории и все глупости, связанные с ограниченностью методов... в психологии связаны с непониманием того, что человек – это биологическое существо»²⁶⁵; психологи все еще не могут отказаться «от установки, согласно которой человек при рождении – это чистый лист, *tabula rasa*, на котором можно написать все что угодно путем воспитания. На самом деле что угодно написать нельзя. Исходные социальные условия, сходная среда могут формировать людей с абсолютно разным поведением»²⁶⁶.

И все же когда речь заходит о человеческом поведении, то вопрос изучения обусловленных полом различий мозга не имеет единого и обязательного «правильного» ответа, оставляя место для дальнейших дискуссий. Некоторые

²⁶¹ Протопопов А.И. Разве у людей есть инстинкты? // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

²⁶² Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования

²⁶³ McCarthy Margaret M. Sex Differences in the Brain: The Not so Inconvenient Truth // Journal of Neuroscience — 15 Feb 2012. — 32 (7). — pp. 2241-2247.

²⁶⁴ Гапанович С.О. Проблема реальности и онтологического статуса пола в современной биологии // Общество: философия, история, культура. 2022. №9 (101). С. 74 – 79.

²⁶⁵ Бутовская М.Л., «Этология необходима в гуманитарных вузах...» // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²⁶⁶ Ibid.

исследователи настаивают на том, что родители ничего не могут сделать, чтобы подавить врожденную тягу мальчиков к игрушечному оружию и грузовикам, так же как девочек - к куклам и чайным сервизам. Другие не согласятся, утверждая, что нет никакой неотъемлемой биологической разницы между мозгом мальчиков и девочек. Скорее, именно собственные пристрастия родителей и интересы общества в целом влияют на поведение их детей по гендерно-типичным образцам. Но в конечном счете ответ заключается в том, что половые различия в мозге больше, чем некоторые хотели бы и меньше, чем другие полагают²⁶⁷.

На протяжении десятилетий (прошедших до появления нейроэндокринологии и развития соответствующего понятийного аппарата) психология рассматривала гендерную идентичность исключительно, как результат воспитания. Тем не менее, развитие эндокринологии, и в первую очередь, демонстрация пренатального действия гормонов на развитие мозга эмбриона доказали, что «абсолютизация роли воспитания выглядит, по меньшей мере, сомнительной»²⁶⁸.

Следует специально отметить, что в определение «половых ролей» включается вся совокупность различий между полами, выражающаяся как в поведении, всевозможных формах деятельности, так и восприятии себя и окружающих, и пр. При этом различия, относящиеся непосредственно к половому поведению, занимают в этой совокупности место в качестве составляющей, ничуть не более важной, чем все прочие составляющие. Тем не менее, достаточно очевидно, что «без усвоения и полноценного исполнения своей половой роли достижение самореализации и соответствующего переживания удовлетворенности процессом и результатами своей жизни

²⁶⁷ McCarthy Margaret M. Sex Differences in the Brain: The Not so Inconvenient Truth // Journal of Neuroscience — 15 Feb 2012. — 32 (7). — pp. 2241-2247.

²⁶⁸ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

практически невозможно»²⁶⁹. Поскольку способность подражать своим сверстникам и взрослым представителям своего пола лежит в основе социально-адаптивного поведения всех детей любой культуры (это панкультурное сходство), то можно рассматривать такое поведение, как генетически обусловленное. «Абсолютное отделение гендера от биологической составляющей пола, впрочем, не большая крайность, чем полное игнорирование различий между полом и гендером»²⁷⁰. Гендерные различия в поведении человека имеют эволюционно-адаптивное происхождение. «Гендер – как социальный облик биологического пола - является продуктивным понятием и концептом, если его не фетишизировать, превращая в инструмент политической идеологии и пропаганды»²⁷¹.

Таким образом гендер и пол выполняют роль формообразующих принципов развития половой коммуникативной активности, как выражения процессов взаимодействия факторов биологической и социальной детерминации в системе механизмов репродуктивного поведения людей. Начала современной метафизики пола укоренены в античной науке и философии, а ее современное состояние является итоговым выражением параллельной и сопряженной эволюции западной и восточной интеллектуальных традиций в европейской философии. Вытекающие отсюда идеологические, теоретические, онтолого-эпистемологические и антрополого-персоналогические оппозиции предопределили становление не только различных, но не редко прямо противоположных подходов к постановке и истолкованию проблем метафизики пола.

²⁶⁹ Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

²⁷⁰ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

²⁷¹ Клех И.Ю. Пол – судьба или выбор? О душе мира, гермафродитах и философе Отто Вейнингере // Независимая газета — [Электронный ресурс]

В западноевропейской традиции метафизика пола обнаруживает черты очевидной зависимости от укорененных в западной культуре традиций индивидуально-персонологического антропоцентризма. Его исторические и современные типы выполняют роль структур, определяющих характер репродуктивного поведения как фактора развития коммуникативной активности, порождающей специфические типы социальной субъективности. Последние обуславливают выбор онто-эпистемологических приоритетов и генерализацию когнитивных практик методологического индивидуализма. Методологические и эпистемологические установки индивидуалистического антропоцентризма являются причиной распространения принципа плюрализма мнений как в биологической теории репродуктивного поведения, так и в современной философии гендера.

В силу множественности и неоднородности объектов онтологии пола, выполняющих роль одновременно и важнейших элементов стратегии органической жизни, и факторов социокультурной динамики, противоречивости онто-эпистемологических условий их осмысленности, возникают трудности предметного самоопределения общей теории пола и построения вытекающих из нее антропологически аутентичных практик сексуального поведения. Непроясненность проблемы реальности пола – главная причина гендерного релятивизма и номинализма, распространения антропологически агрессивных доктрин репродуктивного поведения, либо полностью исключаящих существование пола, как популяции индивидов, либо допускающих однополость, либо множественность полов.

Глава 2. Становление социальных матриц полового поведения.

2.1. Половой диморфизм как форма репродуктивной адаптации и групповой организации в онтогенезе.

Такой биологический феномен, как разделение на два пола, характерен для большинства многоклеточных животных. Двуполость формируется на самых ранних этапах биологической эволюции, а функциональный смысл половой дифференциации заключается в достижении большей генетической вариабельности потомства. Считается, что без необходимости приспосабливаться к радикально новым условиям окружающей среды половое размножение могло и не возникнуть, поскольку и бесполого размножения было бы достаточно в гипотетически неизменных условиях жизни (в теплой морской воде при условии отсутствия сезонных изменений), сохраняющихся на протяжении миллионов лет. Теоретически генетического разнообразия популяций, которые могли бы существовать в подобных условиях, вполне достаточно для существования вида²⁷². Согласно результатам кибернетического моделирования эволюционных процессов, полученным уже в конце прошлого века, появление полового диморфизма «энергетически выгодно»²⁷³, и позволяет реализоваться эволюционным механизмам полового отбора, обеспечивая значительное ускорение общего эволюционного развития. Биологическое значение феномена пола не исчерпывается пониманием его репродуктивных и рекомбинативных функций, принципиально важным представляется поддержание эволюционной динамики: с помощью половой дифференциации обеспечивается возможность «дихронной эволюции, когда эволюция мужского пола опережает эволюцию женского»²⁷⁴. С позиций популяционно-биологического подхода это означает, что самки в популяции несут на себе

²⁷² Бутовская М. Л. Кукла Барби как вершина полового отбора // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

²⁷³ Геодакян В.А., Эволюционная теория пола // Природа. — 1991, — № 8. — с. 60-69.

²⁷⁴ Геодакян В.А., Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм // Известия АН, Серия Биологическая, — 2000, — № 2. — с. 133-148.

консервативную функцию поддержания и сохранения наследственности, а самцы — активного поиска новых форм адаптации, изменчивости. Таким образом действие отбора фокусируется мужской части популяции, снижая ее численность и меняя распределение по генотипам. Отсюда следует, что давление среды действует в направлении элиминации самцов, а в целом «половой диморфизм обеспечивает повышенную фенотипическую пластичность женскому полу в онтогенезе и генотипическую пластичность мужскому полу в филогенезе»²⁷⁵.

Используя лексику компьютерной эпохи, можно сказать, что самки сохраняют «постоянную память» вида, тогда как «оперативная память» вида представлена самцами. Такая специализация в разделении типов наследственной популяционной «памяти» дает виду значительные преимущества. Биологический смысл существования самцов – как для *Homo sapiens*, так и для животных - заключается в поиске вариантов адаптации к переменам внешней среды. Доминировавшая в былые годы точка зрения, согласно которой человек, научившись изменять условия своей среды обитания, тем самым освободил себя от необходимости изменяться самому с помощью биологической изменчивости, отражает лишь наивность прежних представлений о действии эволюционных механизмов. Из подобных представлений следовал вывод, что дальнейший «социальный и технический прогресс будет неизбежно сопровождаться возрастанием роли и доли женщин в обществе»²⁷⁶ - а роль мужчин будет «снижаться», поскольку среда перестанет меняться и необходимость поиска форм адаптации отпадет.

С точки зрения эволюционного подхода морфологические и физиологические различия самцов и самок (применительно к нашему биологическому виду - мужчин и женщин) - это результат единого

²⁷⁵ Ibid.

²⁷⁶ Геодакян В.А., Эволюционная теория пола // Природа. — 1991, — № 8. — с. 60-69.

эволюционного процесса, где они выполняют хотя и разные, но при этом комплементарные, дополняющие друг друга, роли. Организм женщин, их мозг, способности в большей степени адаптированы к решению задач, направленных на деторождение, сбор растительной пищи, в то время, как мужской организм и соответствующий набор способностей – к конкуренции за ступень в иерархии, за возможность оставить потомство и к охоте, то есть добыче мясной пищи. В качестве примера крайней идеологизированности дискуссии на тему половых различий можно привести наблюдение популяризатора биологии М. Ридли: из двух утверждений: «тело мужчины и женщины устроено по-разному»²⁷⁷ и «мозг мужчины и женщины устроен по-разному»²⁷⁸ первое звучит банально, зато второе вызовет скандал, поскольку «любой социолог или пытающийся быть политкорректным публицист, утверждающие, что мозги мужчины и женщины эволюционировали по-разному, с гарантией предаются анафеме»²⁷⁹.

Обсуждение полоролевых характеристик человеческого поведения ставит вопросы о допустимости аналогий между поведением животных и людей, о законности подобной компаративистики, о самой возможности экстраполировать наши выводы, сделанные из наблюдений за животными, на поведение человека и т.д.. Эти вопросы уже не первый век находятся в центре бурных научных и общественных дискуссий. Данной проблематике посвящена обширная литература, а для всей этой полемики «чрезвычайно характерна погруженность в идеологический, политический и философский контекст... причем идеолого-политическое содержание так плотно вплетено в естественно-научное, что часто их невозможно, да и некорректно, разделять»²⁸⁰.

²⁷⁷ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.

²⁷⁸ Ibid.

²⁷⁹ Ibid.

²⁸⁰ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

Открытие гормонов и последующее развитие эндокринологии позволило наглядно продемонстрировать, каким образом может быть реализована появившаяся в ходе эволюции и закрепленная в наследственности биологическая обусловленность человеческого поведения. Эндокринная регуляция осуществляется как в отношении висцеральных реакций, так и психических (эмоций), причем развитие биохимических методик позволило показать, что некоторые гормоны, возникнув в ходе эволюции у достаточно примитивных биологических видов, в неизменном виде сохранились и у людей. «...Есть область, в которой наше поведение в самом деле элементарно и где мы... имеем гораздо больше общего с обезьяной или крысой, чем нам это представляется. Речь идет об огромной сфере эмоционального... Несомненно, в эмоциональной сфере, как и в патологии, нельзя ставить знак равенства между человеком и обезьяной или крысой, но отнимите у врачей подопытных животных, и вы отбросите медицину далеко назад»²⁸¹. Конрад Лоренц, размышляя над эволюционными основами поведения человека, подчеркивал фундаментальное значение работе эндокринной системы: «Система... человеческих стимулов в целом... устроена гораздо сложнее, хотя бы уже потому, что включает в себя систему эндокринных желез в качестве подсистемы. Без сомнения, у человека число независимых стимулов чрезвычайно велико, и очень многие из них могут быть сведены к филогенетически возникшим программам поведения — "инстинктам"»²⁸².

Тем не менее, наиболее непримиримую полемику продолжает вызывать основной тезис этологии человека, утверждающей, что «в основе... человеческого поведения, формирующегося под воздействием опыта, обучения, культурных традиций, а также способности ставить сознательные цели... лежат сложные наследственные видоспецифичные программы, возникшие в ходе

²⁸¹ Шовен Р. Поведение животных / Реми Шовен — М., Мир, 1972.

²⁸² Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, /К. Лоренц — М., Республика, 1998.

биологической эволюции»²⁸³. Противники подобного подхода рассматривают человеческое поведение главным образом как результат влияния культуры, социальной среды и т.п., обвиняя этологию человека в «биологическом детерминизме» или «биологическом редуционизме».

Надо заметить, что неприятие «биологических» объяснений человеческого поведения связано с двумя идеологемами. Первая из них, собственно редуционистская, в рамках которой любой живой организм мог быть представлен в виде механизма, восходит к XVII веку. Из нее следует вывод о возможности представления «поведения» такого механизма в виде набора автоматически выполняемых команд. Вторая идеологема, постулирующая принципиальную непреодолимость различий между человеком и животными (и, следовательно, между поведением человека и животных), коренится в идеологии христианского средневековья. И если практическое применение собственно редуционистской идеологии ставит вопрос о границах ее применимости (в особенности когда речь заходит о поведении человека: в качестве примера можно привести знаменитую дискуссию «о свободе воли»), то идеология принципиального и непреодолимого отличия человека от животных снимает остроту этого вопроса, позволяя считать поведение животных сводимым к набору примитивных поведенческих актов. Как писал И. П. Павлов в своей работе «Рефлекс свободы»: «Считая деятельность животных, в противоположность человеческой, машинообразной, Декарт... установил понятие рефлекса как основного акта нервной системы.»²⁸⁴ Появление третьей идеологемы, эволюционной (рассматривающей человека, как биологический вид, в ряду прочих биологических видов), напрочь отрицающей вторую (о непреодолимой пропасти между человеком и животными), заставляет вернуться

²⁸³ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

²⁸⁴ Павлов И. П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. — Спб.: Питер, 2001.

к вопросу о конкретных формах проявления биологической детерминированности в человеческом поведении.

В качестве основы поведения животных, как правило, рассматривается «инстинктивное» поведение, хотя при этом понятие «инстинкт» так и не получило общепринятой формулировки. Согласно одному из определений, инстинкт - это «совокупность врождённых сложных реакций (актов поведения) организма, возникающих почти в неизменной форме в ответ на внешние или внутренние раздражения»²⁸⁵. Принципиально важный вклад в развитие представлений о «механизмах» животного поведения внесло учение И.П. Павлова о безусловных рефлексах. Согласно этому учению, понятия «инстинкт» и «безусловный рефлекс» могут рассматриваться, как идентичные, поскольку «механизм инстинкта — безусловнорефлекторный»²⁸⁶. Развивая революционные для своего времени идеи И.М. Сеченова, И.П. Павлов доказывал сводимость психических процессов к физиологическим процессам «высшей нервной деятельности (ВНД)», то есть возможность представить ВНД в виде сложного комплекса различных рефлексов.

Противоположный по своим исходным установкам подход к данной проблематике нашел свое воплощение в трудах К. Юнга, утверждавшего, что «инстинкты по своей природе не являются чем-то смутным и неопределённым, а представляют собой специфически организованные мотивирующие силы, которые... преследуют свои унаследованные цели. ...существуют серьёзные основания предполагать, что архетипы представляют собой бессознательные образы инстинктов, другими словами, что они представляют формы (patterns) инстинктивного поведения». Нетрудно проследить в этих взглядах развитие идей не только З. Фрейда, но и А. Шопенгауэра: там, где К. Юнг, объясняя поведение человека, говорит об «организованных мотивирующих силах»,

²⁸⁵ Инстинкт // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

²⁸⁶ Ibid.

«преследующих свои унаследованные цели», к тому же «независимо от осознания», А. Шопенгауэр говорил о «намерениях гения рода» и действиях во имя «блага рода». А обоснованно говорить о «независимости от осознания» стало возможным в значительной степени после работ З. Фрейда. Тем не менее, ярлык «иррационализма» взгляды К. Юнга носили вполне заслуженно (что вполне закономерно выводило их из-под собственно научного рассмотрения).

Колебания в определении сущности инстинктов и оценке их возможной роли в поведении человека нашли отражение в высказывании К. Лоренца: «Прежде я называл человека "существом с редуцированными инстинктами", но это описание ошибочно»²⁸⁷. «Сейчас то, что Лоренц называл инстинктом, называют **ФКД — фиксированным комплексом действий**. ФКД выполняются с высокой степенью автоматизма»²⁸⁸. В конечном счете, на вопрос о наличии эволюционно «унаследованных» инстинктов в поведении человека современная биология дает категорически отрицательный ответ (но с оговоркой – о наличии инстинктов «в их классической форме»). Инстинкт, определяемый как научное понятие, может быть представлен как «совокупность врожденных потребностей и врожденных же программ их удовлетворения, состоящих из пускового сигнала и программы действия.»²⁸⁹ Анализ большого количества работ по поведению как человека, так и животных, позволяет заключить, что «сами выражения «материнский инстинкт», «половой инстинкт» и пр. некорректны не только по отношению к человеку, но и ко всем высокоорганизованным животным. У нас есть соответствующие потребности, но нет ни врожденной программы их удовлетворения, ни ключевого стимула, ни ФКД»²⁹⁰. У млекопитающих, которых, условно говоря, можно рассматривать, как стоящих

²⁸⁷ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, /К. Лоренц — М., Республика, 1998.

²⁸⁸ Шабанов Д. Ненадежные инстинкты, или Почему среди людей встречаются плохие матери [Электронный ресурс].

²⁸⁹ Виноградова Е. П. Инстинкты. Они есть у человека или их нет? // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

²⁹⁰ Ibid.

по эволюционному развитию «выше кошачьих», инстинктов в прежнем, строго «классическом» смысле термина, нет. Соответственно, таковых нет и не может быть и у людей. Хотя *Homo sapiens* все же является био-социальным видом и у него, как и у прочих эволюционно достаточно близких ему видов имеется целый ряд биологически обусловленных факторов, участвующих в регуляции его поведения.

Итак, инстинктов у человека нет, но регулирующие поведение «биологически детерминированные факторы» есть. В подобном положении оказывается не только человек, но и все человекообразные обезьяны, которые «тоже полностью или почти полностью потеряли ФКД. Отказ от ФКД в пользу опыта и интеллекта — тенденция в эволюции нашей группы... К примеру, в уходе за потомством у всех приматов наблюдается переход от жёстко заданных врождённых схем к культурному усвоению приёмов ухода за детёнышами. А что остаётся от схемы Лоренца без ФКД?»²⁹¹. Вопрос, по сути, риторический, но в данном случае принято рассуждать «о **врождённой системе мотивации поведения (ВСМП)**» Заметим, что представления о «врожденной системе» именно «**мотивации**» возвращает нас к формулировке К.Г. Юнга об «организованных мотивирующих силах», что может указывать на движение противоположных по своим исходным установкам подходов к диалектическому синтезу.

Таким образом, за исторически короткий период бурного развития наук о живом в попытках детерминировать факторы влияния «биологической составляющей» на поведение человека, разрабатывались и применялись такие термины, как: рефлекс; инстинкт; стереотип; ФКД (фиксированный комплекс действий); ВСМП (врожденная система мотивации поведения) и т.д. Такое разнообразие терминологии вызвано, в частности, тем, что в русле той или иной

²⁹¹ Шабанов Д. Ненадёжные инстинкты, или Почему среди людей встречаются плохие матери [Электронный ресурс].

научной тематики термин может приобретать специфику семантического наполнения, затрудняющую адекватность его применения в общем с другими науками «смысловом пространстве».

Представления о возможности предварительной «запрограммированности» поведения когда-то были связаны с термином «инстинкт», но в настоящее время одним из наиболее употребляемых в этой сфере терминов является «программа поведения». Этот термин, безусловно, был введен в оборот задолго до появления компьютеров, но с массовым распространением компьютерной техники он приобрел новые оттенки смысла. Одним из последствий развития т. наз. «информационных технологий» стало распространение «компьютерной» метафоры (или модели) мозга. Аналогии между физиологическим функционированием мозга и устройством компьютера приобрели популярность в 1960-е годы благодаря работе Дж. Лилли «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера»²⁹². Такая метафора (модель) позволяет наглядно продемонстрировать взаимосвязь между материальным и «идеальным»: аналогия проводится между отношением технического устройства компьютера к его программному обеспечению и отношению устройства нервной системы и мозга к «программам биокомпьютера», т.е. к «устройству» человеческой психики.

В итоге, когда выяснилось, что поведение во многом не является генетически заданным, внимание этологов переключилось на изучение взаимовлияния действия окружающей среды и генетически обусловленных врожденных факторов. Исследования поведения в настоящее время ушли очень далеко от того «классического» понимания термина «инстинкт» и стараются избегать его употребления. Большинство исследуемых этологией поведенческих феноменов не являются инстинктами в прежнем смысле этого

²⁹² Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного — Спб. — 2005.

термина. Тем не менее, поведение, безусловно, имеет значительный базис врожденных задатков, формировавшихся на протяжении миллионов лет эволюции, и было бы невозможно понимать поведение вообще без учета такого базиса. При этом принято «говорить о врожденных основах специфически индивидуального поведения равно как и о общевидовых поведенческих характеристиках... Такие паттерны поведения существуют и проявляются практически у каждого человека»²⁹³. Если такие «паттерны» не могут проявить себя, такая ситуация может привести к появлению нарушений, сдвигов в психике.

Если сделать попытку просуммировать параметры полоролевого поведения, как природного системного феномена, то можно получить обобщенную характеристику распределения между полами функций и соответствующих психологических свойств и способностей. своего рода «полоролевых эталонов»²⁹⁴. Такие «эталон», или наборы поведенческих характеристик, демонстрируют свою обусловленность не ситуативными стереотипами общественного восприятия, а эволюционными процессами, в первую очередь – действием отбора. Различия женской и мужской психологии обусловлены биологически, что можно проиллюстрировать на таком общеизвестном явлении современной культуры, как реклама, где традиционно используются изображения женского тела, тогда как изображения мужского используются заметно реже или не используются вовсе. Для объяснения феномена следует обратиться к биологическим основам человеческого поведения: «это менее привлекательно... мужское тело привлекательно только для определенной категории «мужчин», остальные мужчины себя с этим человеком не ассоциируют. Но для женщин абстрактное мужское тело не

²⁹³ Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге XXI века. — М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. — С. 12 — 71.

²⁹⁴ Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

является стимулом для покупки»²⁹⁵. Аттрактивность изображений женского тела для мужчин достаточно очевидна, тогда как аттрактивность рекламных изображений женского тела для женщин состоит в том, что покупательницы ассоциируют себя с тем изображением женщины, которое они видят, подсознательно «переноса» на себя привлекательность персонажа рекламного сюжета. Остается отметить, что сам факт существования этологического объяснения социально-психологического феномена позволяет рассматривать его уже не только как явление культуры, но и как явление биологической природы человека.

2.2. Половой отбор и проблема эволюционно-биологических механизмов гоминизации.

Хотя начало современной биологии принято связывать с выходом в свет Дарвиновского «Происхождения видов»²⁹⁶ еще в 1859 г., проблема доказательности многих теоретических построений в биологии сохраняет актуальность до сих пор. Эта проблема сохраняется главным образом вследствие междисциплинарного характера биологических наук, нередко приводящего к сомнениям в адекватности применяемых методов. В наиболее бескомпромиссной форме проблема может быть сформулирована следующим образом: является ли «биология наукой в том смысле, в каком это говорят о химии и физике?»²⁹⁷. Одним из направлений, вызывающем неутихающую полемику, является поиск конкретных механизмов реализации эволюционных процессов. Изменения представлений о взаимодействии факторов наследственности или окружающей среды («nature vs nurture») в поведении человека влечет переосмысление складывающейся картины в результате

²⁹⁵ Бутовская М. Л. Кукла Барби как вершина полового отбора // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

²⁹⁶ Васильева Л.Н. Кризис проблемы вида: причины и следствия. — Томск. 2002. Т. 2. — С. 31-50.

²⁹⁷ Рьюз М., Философия биологии, — М, Прогресс, — 1977.

накопления новых данных. Современный уровень развития биологии позволяет утверждать, что «человеческое поведение в значительной мере определяется генами, влияние которых на психологические и поведенческие признаки опосредуется культурно-социальными факторами»²⁹⁸.

Согласно устоявшемуся мнению, к настоящему времени «очищающий» [популяцию от носителей вредных мутаций] отбор стал слабее. Тем не менее, нельзя исключать, что и этого вполне достаточно для поддержания жизнеспособности вида *Homo sapiens*, так как резкое увеличение численности человеческой популяции снижает шансы слабовредных мутаций распространяться в генофонде. С другой стороны, успехи медицины все-таки позволяют выживать «носителям» достаточно вредных мутаций, чему ранее препятствовало действие «сильного» очищающего отбора. Через механизмы отбора реализуется обратное влияние человеческого поведения «на гены», направленность которого в постпалеолитических обществах зависит от принятого в конкретном социуме образа жизни (культуры). Но поскольку развитие культуры на протяжении последних одного-двух веков происходит с такой скоростью, что факторы отбора неоднократно меняются за время жизни одного поколения, прогнозировать направление эволюционного развития человека становится крайне трудно²⁹⁹.

Так или иначе, благостные иллюзии прошлого века о завершенности биологической эволюции человека³⁰⁰ понемногу рассеиваются, хотя до общего осознания того, что «культурная», социальная и пр. эволюция не может подменить собой биологическую (а тем более не может остановить действие ее механизмов), пока еще достаточно далеко. Идеология упорного нежелания видеть «природу в человеке» (или отрицания биологической составляющей

²⁹⁸ Марков А. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа — М., АСТ: Corpus, — 2011.

²⁹⁹ Марков А. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа — М., АСТ: Corpus, — 2011.

³⁰⁰ Георгиевский А.Б. Эволюционная антропология / А.Б. Георгиевский — СПб.: Нестор-история. — 2009.

человеческой природы) включает в себя несколько связанных друг с другом догматических концепций. К наиболее важным из них относятся, во-первых, «Ghost in the machine», разделяющая «мозг» («анатомический субстрат») и «сознание» аналогично разделению «тела» и «души». Во-вторых, «tabula rasa», согласно которой человеческий разум не может иметь никаких врожденных (сиречь биологически обусловленных) особенностей, полностью формируясь в результате процессов обучения в рамках человеческой культуры³⁰¹.

Следствием общего принятия и дальнейшего культивирования этих, по сути, идеологических догматов «для марксистов в Советском Союзе и за его пределами»³⁰² стало убеждение, «что биологическая эволюция человечества прекратилась, когда человек изобрел труд. С тех пор человечество якобы подчиняется социальным, а не биологическим законам... Сомнения в признании мифа о tabula rasa в качестве адекватного и точного описания реальности часто приписывались необъективности, обусловленной социальным происхождением или экономическим положением сомневающегося или даже желанием увековечить неравенство и угнетение»³⁰³, Таким образом, мы видим очередной пример вмешательства идеологии в научную методологию³⁰⁴, впрочем, относящийся теперь уже к истории науки, но далеко не только советской.

Привычное клише, декларирующее, что культурно-социальная эволюция **«давно уже гораздо важнее для нас, чем эволюция биологическая»**, по сути, представляет собой запрет на рассмотрение биологических эволюционных факторов при моделировании процессов отбора, обязывая ограничивать рассмотрение только лишь факторами социокультурного характера. Но такая логика последовательно приводит к весьма неоднозначным выводам, что можно

³⁰¹ Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature / S. Pinker — New York, NY: Viking. — 2002

³⁰² Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о tabula rasa // Ethology.ru [Электронный ресурс]

³⁰³ Ibid.

³⁰⁴ Макинтайр А. Методология социальных наук как идеология бюрократического господства. [Электронный ресурс]

продемонстрировать на примере соответствующих интерпретаций механизмов полового отбора.

В современных условиях значительного ослабления очищающего отбора на первое по значению место выходит половой отбор, действие которого в биологической популяции сводится к поиску самками оптимальных «стратегий выбора партнера» для производства потомства. Основными критериями такого выбора служат «индикаторы приспособленности», общие для конкретной популяции. Для популяции *Homo sapiens* (с учетом заданного требования выбирать «индикаторы приспособленности», ограничиваясь феноменами культуры, но не природы) в качестве таковых привычно рассматриваются факторы материальной обеспеченности, иерархического положения и т.п. Такая постановка проблемы закономерно приводит к заключению: «всегда будут суперпринцессы искать суперпринцев, всегда будут граждане похуже качеством... выбирать себе в партнеры примерно таких же»³⁰⁵. Остается лишь заметить, что определение «граждане похуже качеством», как и сама идеология разделения людей по сортам, отдает откровенным социал-дарвинизмом.

Но если отказаться от прежних клише и вспомнить, что человек все же остается биосоциальным существом, то придется принять, что культура и цивилизация не отменяют действия законов природы. Какими в таком случае могут быть алгоритмы подбора, которые можно было бы рассматривать, как альтернативу культурно-социальным? Эволюционно сложившиеся стратегии выбора брачного партнера у млекопитающих представляют собой сложнейшую картину, демонстрация которой смогла состояться благодаря успехам популяционной генетики, вооруженной тонкими методиками молекулярной биологии и иммуногистохимии. Как выяснилось, выбор партнера достаточно жестко детерминирован, а мнение, согласно которому самец использует тактику

³⁰⁵ Марков А. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа — М., АСТ: Corpus, — 2011.

принуждения, ориентируясь только на фазу овуляторного цикла самки, давно следует относить к разряду изживших себя заблуждений.

И самцам, и самкам млекопитающих при выборе брачного партнера приходится учитывать целый ряд факторов, например, гормонозависимые характеристики, которые позволяют оценивать состояние репродуктивных органов, общую агрессивность и связанную с ней способность к занятию высокого места в иерархии, выраженности заботы о потомстве и пр. «Ольфакторными маркерами этих характеристик могут быть стероидные гормоны, некоторые из которых могут выполнять функцию феромонов. В большой степени указанные факторы детерминированы генетически»³⁰⁶. Эти факторы имеют отчетливые корреляты в поведении человека – с той разницей, что человек может осознавать и процесс выбора критериев, и конечный результат.

Система распознавания по запаху, являясь одним из важнейших факторов брачного подбора, «получила у млекопитающих чрезвычайное развитие и основывается на огромной антигенной изменчивости по ряду специальных локусов, включая главный комплекс гистосовместимости»³⁰⁷. Такая система определяет «индивидуальные предпочтения самок, связанных с распознаванием, в первую очередь, антигенных отличий от потенциальных половых партнеров, обеспечивает распознавание по запаху степени родства, узнавание отдельных особей и т.д. Кроме подобных, жестко детерминированных генетически факторов отбора, имеются ситуационные факторы, модифицирующие брачные предпочтения...»³⁰⁸. Таким образом, мы видим целую систему биологических факторов подбора партнера, действие которой

³⁰⁶ Потапов М А, Факторы брачного подбора у млекопитающих: Поведение и поведенческая экология млекопитающих – М.: Т-во научных изданий КМК. — 2005. – С. 278–279.

³⁰⁷ Потапов М А, Факторы брачного подбора у млекопитающих: Поведение и поведенческая экология млекопитающих – М.: Т-во научных изданий КМК. — 2005. – С. 278–279.

³⁰⁸ Ibid.

обусловлено механизмами т. наз. ольфакторных предпочтений, базирующихся на биохимических и генетических факторах. Эта система относится к химическому способу коммуникации, который может реализовываться на уровне гормональной регуляции обмена веществ, вызывающей те или иные поведенческие мотивации (в особенности это относится к нейрогормональной регуляции).

Следует подчеркнуть, что химическая коммуникация у человека может реализовываться на уровне подсознания, как один из видов (или уровней) невербальной коммуникации, проявляясь в виде эмоций или необязательно осознаваемых симпатий или антипатий, при этом индивидуально ощущаемые эмоции и интуиция формируют область подсознания³⁰⁹.

Принципиальную важность неосознаваемых процессов, в частности, для поиска оптимальных «стратегий выбора партнера» некоторые мыслители отмечали и ранее, подходя вплотную к современному пониманию проблематики. Затруднения, которые им в свое время приходилось преодолевать в попытках выражения своих интуиций, были связаны в первую очередь с отсутствием адекватного понятийного аппарата в условиях недостаточного развития биологических представлений. Возможно, как наиболее выразительный пример такого интуитивного проникновения в сущность проблемы можно рассматривать работу А. Шопенгауэра «О метафизике половой любви». Он объяснял, что невеста, не принявшая предложение руки богатого человека, чтобы «...сделать выбор исключительно по инстинктивному влечению, приносит в жертву свое индивидуальное благо благу рода»³¹⁰, поступая «в духе природы (точнее – рода)»³¹¹. Напротив, тот, кто «...при женитьбе руководится деньгами, а не своею склонностью, живет

³⁰⁹ Ротенберг В.С. Адаптивная функция сна / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский — М.: Наука, 1982.

³¹⁰ Шопенгауэр А. Избранные произведения / перев., составл. И.С. Нарского. — М., Просвещение, — 1992

³¹¹ Ibid.

больше в индивидууме, чем в роде, а это прямо противоречит истинной сущности мира, является чем-то противоестественным»³¹². Следует отметить, что рассуждения А. Шопенгауэра о «противоестественности» индивидуального эгоизма, вполне созвучны идеям таких биологов-эволюционистов, как, например, Ф. Добжанский, В. Эфроимсон и А. Любищев. Для того, чтобы понять идеи «величайшего пессимиста», предложившего «окончательное решение проблемы истины бытия»³¹³, и показать его правоту, потребовалось полтора века напряженного научно-технического прогресса, создание тонких биохимических методик и понятийного аппарата эволюционной биологии и популяционной генетики.

Принято считать, что половое размножение, будучи одним из наиболее важных обретений эволюции, способствует умножению в цепи поколений скрытого мутационного резерва; а достигаемая на его основе комбинативная изменчивость предоставляет пищу отбору и способствует устойчивости надорганизменных систем в вечно переменчивой среде. Дифференциация особей по полу обеспечивает постоянное совершенствование интегрированного генофонда популяций путем апробирования адаптивной ценности появляющихся мутаций и закрепления их наиболее удачных сочетаний в последующих поколениях.

Но, тем не менее, в настоящее время эволюционно сформировавшиеся биологические механизмы, попадая в неадекватные условия слишком быстро (по эволюционным меркам) произошедших перемен в образе жизни целых народов, становятся причиной появления заболеваний, вызванных не только «мутировавшими», но и совершенно здоровыми генами. Например, распространение т. наз. «неинфекционных эпидемических заболеваний» (диабет 2 типа и т.д.). Кроме того, с практикой одомашнивания (т.е. содержания

³¹² Ibid.

³¹³ Суворова А.Н. Введение в современную философию [Электронный ресурс]

определенных видов животных на протяжении многих поколений в искусственно корректируемых условиях среды) связаны процессы биологической деградации – в определенном смысле эти выводы могут относиться и к человеку³¹⁴.

Тот факт, что искусственно создаваемая человеком для самого себя среда обитания по принципу обратной связи оказывает на него весьма серьезное формирующее влияние, встречает все большее признание, хотя до относительно недавних пор «проблема эволюции человека современного физиологического типа в обозримом будущем мало интересовала антропологов»³¹⁵. Для все большей части населения Земли средой обитания становится город (или мегаполис). Такая среда обитания для человека наиболее проблемная, поскольку эволюционно наши «врожденные потребности» формировались в совершенно других условиях. В городских условиях (особенно это касается жителей мегаполисов) нарушаются базовые этологические потребности человека (потребность быть близко к природе, потребность устанавливать свободно и ненавязчиво отношения с людьми, иметь свое личное пространство и т.п.).³¹⁶

Приспособление к урбанизированной среде влечет за собой серьезную перестройку когнитивных процессов человека, что блестяще показал еще в конце XIX в. - можно сказать, «на заре урбанизации», вызванной процессами НТР - австрийский социолог Георг Зиммель. В своем исследовании «Большие города и духовная жизнь» он писал: *«...типичный житель большого города создает себе средство самозащиты против угрожающих его существованию течений и противоречий внешней среды: он реагирует на них не чувством, а преимущественно умом, которому развилшееся сознание доставило гегемонию*

³¹⁴ Diamond Jared. Evolution, consequences and future of plant and animal domestication // Nature — August 2002 — vol.418/8 — pp. 700 – 707.

³¹⁵ Георгиевский А.Б. Эволюционная антропология / А.Б. Георгиевский — СПб.: Нестор-история. — 2009.

³¹⁶ Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская — М.: Алетея, 2001.

в душевной жизни. Реагирование на явления отведено благодаря этому в наименее чувствительный психический орган, который очень далеко отстоит от глубин человеческого характера. ...денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собою... Это и делает понятным преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с малыми городами, где больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве.»³¹⁷.

Г. Зиммель наблюдал самое начало (можно сказать, «был у истоков») тех процессов урбанизации, благодаря которым все большая часть населения планеты живет в мегаполисах, условия обитания в которых достаточно серьезно меняют эволюционно обусловленные и адекватные биологической сущности Homo sapiens условия окружающей среды. Его бескомпромиссно точная оценка формируемых внешними условиями изменений в человеческом поведении, увы, не потеряла своей актуальности и, более того, может рассматриваться, как одна из составляющих современной медико-биологической оценки комплексных мультистрессовых воздействий, оказываемых на человеческую психику в условиях мегаполиса. Описанная Г. Зиммелем «гегемония сознания» в когнитивных процессах означает гипертрофированное преобладание процессов сознания над интуитивными процессами, которые так или иначе находят свое выражение в ощущении эмоций. Но, во-первых, снижение «эмоциональной окрашенности» жизни безусловно отражается на работе гормональной системы организма в целом, вызывая целый «веер» физиологических последствий медицинского характера. Эмоциональные проявления могут являться критериями диагностики психопатологий, эмоциональное возбуждение связано с изменением сердечного и дыхательного ритмов, моторики пищеварительного тракта и пр. Во-вторых, «логико-вербальное мышление (основа рациональности) – главная, но не единственная составная часть когнитивного

³¹⁷ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс]

процесса. ...действие, эмоция, ощущение, невербальный образ не могут однозначно интерпретироваться словами языка. Для описания подобных ситуаций принят термин: «довербальное мышление», которое может быть образным, но при этом использовать некий язык мысли, состоящий из невербальных символов»³¹⁸.

«Логико-знаковое мышление и сознание – высшая по социальному критерию, но не всеобъемлющая форма психического отражения. За рамками сознания остаются явления, не поддающиеся... логико-вербальной переработке. Однако эти явления находят свое отражение в образном мышлении... Подвергаясь переработке на невербальном уровне, они влияют на поведение, без чего не была бы возможна адаптация в целостном мире, и составляют сферу бессознательного»³¹⁹.

Как было показано выше, именно в сфере бессознательного могут проявлять себя результаты «запахового кодирования» и ощущения «ольфакторного имиджа», играющие значительную роль в поведении человека. Это относится к поддержанию родственных связей, и в первую очередь к отношениям «мать – ребенок», запахи могут играть роль в выборе друзей и определении репродуктивных партнеров. Отсюда следует, что сложившаяся и давно ставшая привычной система взглядов, по сути игнорирующая значение ольфакторной коммуникации у людей, требует самого серьезного пересмотра.³²⁰ Эволюционно проявления эмоций связаны с развитием отделов мозга, в первую очередь, лимбической системы, которая развивается только у млекопитающих, а сила эмоциональных реакций коррелирует с развитием коры больших полушарий, что позволяет сделать вывод о том, «что человек -

³¹⁸ Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложения к анализу классической арабской философии и культуры — М.: Языки славянской культуры, 2001.

³¹⁹ Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский — М.: Наука, 1984.

³²⁰ Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) — М.: Научный мир, 2004.

наиболее эмоционально развитое существо на Земле. Наконец, эмоции - это то, что связывает нас общим происхождением с другими приматами и позволяет глубже осознать человеческую биосоциальную сущность»³²¹.

Эволюционно-биологическое обоснование происхождения социального поведения стало возможным после того, как У. Гамильтон предложил объяснение появления альтруистического поведения с помощью родственного отбора («kin-selection»), при котором отдельная особь может пожертвовать собой для спасения своих родственников, спасая, таким образом, и свои (или близкородственные) гены. Такой подход позволяет рассматривать групповой отбор, как одну из движущих сил эволюции и главным фактором происхождения многоклеточных организмов. Но такой подход, отодвигая индивидуальный отбор на второй план, влечет за собой необходимость пересмотра значения конкуренции и борьбы за существование: вместо конкуренции мы увидим кооперацию (на что указывал еще П. Кропоткин в своей полемике с Т. Гексли)³²². Тогда «клетка – это кооперация генов, многоклеточный организм - это кооперация клеток. Половая популяция - это кооперация индивидов»³²³. В такой схеме борьбе (за существование и т.п.) отводится вспомогательная, регуляторная функция. Например, драки в иерархически организованной стае (птиц, волков или других социальных животных) за выяснение своего ранга можно рассматривать, как работу механизма отладки иерархии. В результате таких столкновений формируется наиболее функциональная организация стаи, что выгодно всем ее членам. С таких позиций и схватка за место вожака происходит вовсе не за право «оставить как можно больше своих генов в потомстве»³²⁴, а, по сути, за интересы всей стаи, которой нужен наиболее сильный вожак. Появление

³²¹ Ibid.

³²² Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов— М.: Альпина нон-фикшн — 2014.

³²³ Щербakov В. Половое размножение сделало эволюцию устойчивым процессом // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

³²⁴ Ibid.

полового размножения в эволюции делает единицей отбора не индивидуальную особь, а популяцию. Хотя такая схема выглядит достаточно сложной, все же именно она оказывается наиболее устойчивой. Таким образом, главное, «что дает половое размножение – создание надиндивидуального вида»³²⁵.

Возможно, главной проблемой в интерпретации результатов исследований поведения животных является типичный психологический барьер, составляющий суть т.наз. «проблемы уникальности человека». Обладают ли животные способностями «к психической деятельности, подобной психической деятельности человека, или они просто бессмысленные автоматы? ... На протяжении почти 75 лет прошлого столетия прочно господствовало представление бихевиористов о том, что субъективные психические переживания животных не могут быть предметом научных исследований»³²⁶. Тем не менее, интенсивные исследования в сфере этологии человека и сравнительной психологии на рубеже XX и XXI веков принципиально изменили понимание ситуации, избавив от целого ряда устоявшихся мнений и клише. «В последние годы человеку последовательно отказывали в его уникальности относительно таких феноменов, как орудийная деятельность, самосознание, культура»³²⁷.

Результаты современных исследований социального поведения гоминин демонстрируют эволюционный характер ряда форм общественных отношений, представляющих собой фундамент человеческой культуры. В первую очередь это явление «дарообмена» (взаимного обмена дарами, «reciprocity»), которое появляется уже у гоминин (например, шимпанзе), которые обмениваются фруктами, украденными в саду. Цель этих «воровских набегов» состоит не в

³²⁵ Ibid.

³²⁶ Мак Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

³²⁷ Бутовская М.Л., Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. — 2005. — т. 84, №1. — с. 149-157.

добыче пропитания: «...шимпанзе, как и другие обезьяны, редко делятся пищей друг с другом (за исключением, конечно, матерей и детенышей)... «Это способ поддержать свой авторитет, как это свойственно доминантному самцу, или завоевать симпатии самок»³²⁸. Человекообразные обезьяны несомненно, обладают зачатками мышления: они способны к намеренному обману, демонстрируют чувство юмора, могут обучать друг друга языку, лингвистические способности обезьян сопоставимы с таковыми маленьких детей. Некоторые из них располагают символами в правильной семантической последовательности и владеют рудиментарными правилами грамматики, и обладают предпосылками к символическому мышлению³²⁹.

Все эти факты в очередной раз заставляют возвращаться к вопросу о возможности и правомерности слишком строгого разграничения явлений природы и культуры. «Данные из области приматологии, накопленные к настоящему времени, существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами мало перспективными. Конечно, различия существуют, но они по большей части количественного порядка»³³⁰.

2.3. Формирование основных типов биосоциальной упорядоченности полового поведения (род, брак, семья, этнос).

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных типов социальной упорядоченности с позиций биологии, следует напомнить, что, согласно

³²⁸ Hockings et al. Chimpanzees Share Forbidden Fruit // PloS one. 2(9):e886 February 2007. [Электронный ресурс].

³²⁹ Бутовская М.Л., Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. — 2005. — т. 84, №1. — с. 149-157

³³⁰ Бутовская М.Л., Эволюция человека и его социальной структуры // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

сложившейся традиции (по сути, речь идет об установке, чрезвычайно распространенной в первую очередь в гуманитарных науках), проведение аналогий между поведением человека и животных считается неприемлемым. Применительно к тематике социальной упорядоченности следование такой установке приводит к следующим формулировкам: «В животном мире нет ни общества, ни норм, регулирующих отношения между полами»³³¹. Отметим, что речь идет даже не об отсутствии доказательного сходства, но о категорическом утверждении невозможности его существования. Такую позицию, тем не менее, следует рассматривать, как устаревшую минимум полвека назад. Как только речь заходит не об анатомии и физиологии человека, а о его поведении и культуре, эволюционный подход куда-то исчезает и на передний план выходят старые дискуссии о допустимости экстраполяции на человеческое поведение тех выводов, которые были сделаны в ходе наблюдений за поведением животных. Такая установка на «отрицание биологического» означает, по сути, восприятие «поведения человека, как проявление деятельности человеческой души – свободной, идеальной, нетелесной (или, по крайней мере, не связанной полностью с телом) и, возможно, бессмертной»³³².

С позиций популяционного подхода те или иные формы взаимодействия между особями своего вида (и для животных, и для человека), формирующие их «социальную среду», образуют своеобразный «буфер», опосредующий взаимодействие особи и окружающей ее внешней среды³³³. Чем более развитой и сложной является такая социальная организация, тем надежнее она ограждает особей из такого социума от внешних угроз. Традиционно считалось, что только у человека имеется речь, культура и социальная организация, находящаяся на гораздо более сложном уровне по сравнению с какими бы то ни было другими

³³¹ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

³³² Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

³³³ Бутовская М.Л. У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека) / М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг — М.: 1993

видами животных, пусть даже и социальных. Но все же самые современные данные наук о поведении (в первую очередь изучающих поведение приматов) убедительно демонстрируют, что все вышеупомянутые человеческие способности и свойства, хоть и в более «примитивной форме, но уже имеются у высших человекообразных»³³⁴.

Еще в середине XX века основателями этологии подчеркивалось, что одной из её главных задач является проверка допустимости распространения обобщений, сделанных в ходе изучения поведения животных, на исследования поведения людей. К. Лоренц считал этологию человека «биологией человеческого поведения, адаптирующая концепции и методы этологии в соответствии с уникальным положением человека среди других представителей животного царства»³³⁵. Этология человека рассматривалась им, как «поведенческая антропология», как дисциплина, служащая связующим мостом «между биологией человека и его социальной составляющей»³³⁶. Этология человека находится в тесном взаимодействии с такими дисциплинами, как, например, эволюционная биология, когнитивная и эволюционная психология, этология животных, но, безусловно, учитывающие проблему уникальности человека как биологического вида.

Категорическое отрицание возможности проведения аналогий между «человеческим обществом» и «животным миром» формировало в свое время соответствующую атмосферу. По воспоминаниям известного современного этолога и антрополога М. Бутовской, хотя ее кандидатская диссертация была посвящена именно социальному поведению животных, по настоянию руководства ей пришлось в тексте работы - там, где речь шла именно о

³³⁴ Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A. Multicultural view of peacemaking among young children // *Natural Conflict Resolution* / Eds. F. Aureli, F. de Waal. — Princeton University Press, — 2000. — pp. 423 - 450.

³³⁵ Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // *Этология человека на пороге XXI века*. — М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. — С. 12 — 71.

³³⁶ Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // *Этология человека на пороге XXI века*. — М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. — С. 12 — 71.

животных - «заменить термин «социальное поведение» на «групповое поведение». Говорить о том, что можно применять слово «этология» к человеку, было и вовсе невозможно...»³³⁷. Нужно отметить парадоксальность сложившегося на тот период положения, поскольку то же самое время науки, изучающие человеческое общество в его историческом развитии, привычно использовали понятийный и методологический аппарат биологии, без обращения к которому они вообще вряд ли смогли бы состояться: речь идет о таких понятиях, как «социальный организм», «исторический организм», «эволюционное развитие» и т.п. «В узком смысле под обществом нередко понимается исторически конкретный тип социальной системы, определенный социальный организм, принадлежащий к такому типу»³³⁸.

Появление этих ключевых понятий уходит корнями в XIX век, период становления эволюционизма. Еще в 1898 г. отечественный исследователь П.Г. Виноградов отмечал: «для исследования исторических явлений лучше иметь в виду... постановку эволюционного принципа в применении к биологии. ...человек, чем бы он ни был помимо своей животной природы, во всяком случае, есть, между прочим, и животное. Биологические законы к нему поэтому несомненно приложимы»³³⁹. Отсюда выводилась применимость сделанных под таким углом зрения заключений «в одинаковой степени к организмам природы и организмам истории»³⁴⁰. В русле такого, последовательно эволюционистского, подхода история не должна ни противопоставляться природе, ни выводиться из природы в качестве ее некоего нового состояния, но должна быть представлена, как единый с развитием природы процесс, подчиняющийся, пусть и с уточнениями, тем же самым естественным законам.

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Общество / Философская энциклопедия. В 5-х т. Т 4 // Под ред. Ф. В. Константинова. — М.: Советская энциклопедия, 1967.

³³⁹ Малинов А. В. Биология общественных организмов»: социально-историческая концепция П.Г. Виноградова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. 7. № 4. — С. 62-92.

³⁴⁰ Ibid.

Источником эволюционистских взглядов П.Г. Виноградова были идеи Г. Спенсера: во-первых, органическая теория, представлявшая общество, как социальный организм, имеющий гораздо больше общего с живыми существами, нежели с неорганическими агрегатами; во-вторых, его учение о всеобщей эволюции, распространяющееся на любые явления неорганического, органического и надорганического (социального) мира³⁴¹. Одним из наиболее ярких примеров общности законов биологического развития применительно не только к явлениям живой природы, является построение «эволюционного древа языков». Как отмечал А. Шлейхер в своей работе "Теория Дарвина в применении к науке о языке" (1863 г.): "Законы, установленные Дарвиным для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языка..."³⁴². Хотя, с другой стороны, издержки «биологизаторства» имеют многовековую традицию, «...еще в XVIII в. просветительская историография часто злоупотребляла биологическими метафорами»³⁴³.

Именно в русле применения эволюционного подхода к объяснению процессов, происходящих в человеческом обществе, могло появиться такое понятие, как «социоисторический организм»: «...конкретное отдельное общество, т.е. социоисторический организм (социор), причем того вида, который присущ классовому обществу, а именно геосоциальный организм (геосоциор)»³⁴⁴. Тем не менее, как только речь заходит о проблемах социологической (этнологической) стратификации, мы снова видим противопоставление социального биологическому: «Начнем с того, что ни брак, ни семья не вытекают из биологии. Чтобы происходило биологическое

³⁴¹ Зборовский Г.Е. История социологии / Г.Е. Зборовский — М.: Гардарики, 2007.

³⁴² Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М.М. Маковский — М.: Наука, 1992 г.

³⁴³ Малинов А. В. Биология общественных организмов»: социально-историческая концепция П.Г. Виноградова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. 7. № 4. — С. 62-92.

³⁴⁴ Семенов Ю.И. Этнос нация диаспора // Скепсис [Электронный ресурс]

воспроизводство человека, нужен не брак, а половые отношения. Брачные и половые отношения далеко не одно и то же»³⁴⁵. Такая позиция требует как минимум уточнений. Хотя «биологическая» составляющая поведения человека бывает не всегда очевидна, а до появления методов молекулярной биохимии бывала зачастую и недоказуема, но развитие биологических наук, позволившее показать эволюционно-генетическую «неслучайность выбора брачного партнера» и «дифференцированный доступ особей к размножению» у млекопитающих и у представителей ряда других систематических групп живых организмов³⁴⁶, позволяют заново пересмотреть происхождение и смысл многих явлений, привычно относимых исключительно к сфере культуры и человеческого поведения в целом.

Значение феномена индивидуального узнавания (распознавания родственников) стало актуальным в связи с развитием социоэтологии и появлением гипотез «родственного отбора»³⁴⁷ и «эволюционно-стабильной стратегии»³⁴⁸. Было показано, что животные по запаху мочи могут отличать родственников от неродственных особей и что эта дифференциация осуществляется на генетической основе. В настоящее время доказано, что практически у всех позвоночных (и у некоторых других животных) существуют индивидуальное узнавание особей и распознавание родственников. Не вполне ясно пока, обусловлено ли распознавание родственников только генетическими механизмами³⁴⁹? Заметим, что с позиций популяционной генетики половое размножение не является функцией отдельной особи, а наименьшая единица, которую можно назвать репродуктивной, включает самца, самку и их

³⁴⁵ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

³⁴⁶ Потапов М.А., Евсиков В.И., Генетико – физиологические взаимоотношения мать-плод и их влияние на адаптивные признаки потомков: взгляд с третьей стороны - Новосибирск, 2000. — С. 277-293.

³⁴⁷ Hamilton, W. The genetical evolution of social behavior I // Journal of Theoretical Biology. - 1964. -7 1 pp. 1–16.

³⁴⁸ Мэйнард-Смит Дж. Эволюция полового размножения / Дж. Мэйнард - Смит — М.: Мир, 1981.

³⁴⁹ Плюснин Ю.М. Предпочтение родственных и знакомых особей у домашних мышей (*Mus Musculus*): Зоологический журнал, — Том LXV, вып. 9 — Москва, 1986 // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

потомство. Это означает начало действия качественно иного вида гомеостаза - популяционного³⁵⁰; и объясняет эволюционный смысл появления и развития социальных систем, как структур (или механизмов), способствующих наиболее эффективному воспроизводству³⁵¹, в этом же контексте следует рассматривать и появление устойчивых сексуальных пар у гоминин³⁵². Сам факт существования такого биологического феномена, как ольфакторное регулирование, вовсе не отменяет действия социальных механизмов, формирующих «человеческие отношения», задающих структуру связей внутри социума, но позволяет дополнить понимание их природы и переосмыслить роль лежащих в их основе неосознаваемых предпочтений.

К числу наиболее важных таких социальных механизмов относятся «брак» и «род» (или «родство») - наборы правил, предписывающие половую жизнь и запрещающие таковую. «Брак есть определенная социальная организация отношений между полами... Социальное признание правомерности небрачных (добрачных и внебрачных) связей ...проявлялось в том, что доклассовые общества определенным образом их регулировали»³⁵³. «Род есть группа людей, между которыми строжайше воспрещены половые отношения. В силу этого члены каждого рода могут вступать в ...брак только с членами других родов. Этот обычай носит название экзогамии... Экзогамия... является производной от запрета половых отношений внутри рода, который может быть назван агамным запретом»³⁵⁴. При этом в теоретическом осмыслении социальных «норм, регулирующих половые отношения» (во всяком случае в том, что касается «рода»), таковые нормы традиционно было принято относить к установлениям

³⁵⁰ Шилов И.А. О механизмах популяционного гомеостаза у животных // Усп. соврем. биол. 1967 — Т. 64, № 25. — С. 333-351.

³⁵¹ Wilson E.O. Sociobiology. — Cambridge, Massachusetts; London: Belknap Press of Harvard Univ. Press — 1993.

³⁵² Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

³⁵³ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

³⁵⁴ Ibid.

культуры, таким образом их биологическая составляющая попросту игнорировалась.

Регулирующие отношения между полами внутри человеческой популяции социальные установления называются «системы родства», под которыми «понимаются в этнографии системы терминов, обозначающих отношения собственно родства, свойства и супружества»³⁵⁵. Сложность систем родства поразительна: «они содержат множество способных сбить с толку правил относительно того, кто может или, наоборот, не может вступить в брак. правила ведения родословной... Для антрополога система родства — не просто перечисление биологических родственников, а структура категорий и статусов, которые часто входят в противоречие с генетическим родством»³⁵⁶.

В антропологии появление «родства» рассматривалось «наравне с теми событиями, которые окончательно отграничили человека от человекообразной обезьяны и гуманоидов»³⁵⁷, такая категоричность объясняется характерным для «до-эволюционной эпохи» непониманием биологической составляющей человеческого поведения в совокупности с изначальной установкой (по сути, антиэволюционной) на принципиальное разграничение человека и живой природы. В рамках статистико-популяционной концепции, результатом эволюционного закрепления механизмов, обеспечивающих неродственные скрещивания и гетерозиготность потомства, является то, что фактической элементарной размножающейся единицей в природе оказывается уже не «триада» (семья), а более крупное образование — дем, или местная популяция³⁵⁸. Традиционно сложившаяся (до появления и развития молекулярной биохимии, популяционной генетики и пр.) интерпретация причин возникновения такого

³⁵⁵ Ibid.

³⁵⁶ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономике пола [Электронный ресурс]

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Завадский К.М. Вид как форма существования жизни. Структура вида. Видообразование. — Л.: Наука, 1967. — С. 145-295

действительно важного явления, как «агамный запрет», относит это явление целиком к социальной составляющей человеческой сущности, применяя методологический аппарат «наук о культуре». Появление представлений об иммуно-генетических механизмах «распознавания родственников» у животных позволяет переосмыслить эту проблематику в том числе и с помощью «наук о природе». В данном контексте выражение «противно человеческой природе» перестает быть отвлеченным морализаторством, получая недвусмысленное биохимическое обоснование. Этнологическая и социологическая стратификация, социальные установления человеческой культуры в эволюционно-генетическом контексте получают естественнонаучно обусловленный базис. Родственные отношения являлись способом организации экономической, политической, обрядовой, а также сексуальной деятельности человека в ту эпоху, когда государства еще не появилось³⁵⁹.

В развитии представлений об архаичных системах родства основополагающую роль сыграла работа Л.Г. Моргана «Древнее общество», на материалы которой опирался Ф. Энгельс при создании своей работы «Происхождение семьи...». Представления К. Маркса и Ф. Энгельса, развиваемые в русле идей эволюционизма, полностью соответствовали самому передовому уровню развития наук своего времени, при этом идеи эволюционизма, могут быть в той или иной степени соотнесены с парадигмальными установками линейного детерминизма, однолинейного функционализма и т.д. Впоследствии, будучи принят в качестве идеологической основы в отечественной научной традиции, марксизм был, по сути, догматизирован, и в результате на протяжении многих лет «в отечественной истории первобытности преобладала точка зрения о единообразных путях социальной эволюции в разных районах мира»³⁶⁰. В результате следования

³⁵⁹ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономии пола» [Электронный ресурс]

³⁶⁰ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

единому шаблону (соответствовавшему парадигмальным алгоритмам поиска решений научных задач) «параллельно существующие варианты развития часто истолковывались как стадии эволюции, а сам процесс нередко понимался как в принципе одинаковый у всех народов»³⁶¹. Именно в рамках такого подхода матриархат рассматривался, как обязательная стадия развития общества. Считалось, что для той эпохи было характерным проживание в семейной (или родовой) общине, «в древних длинных домах» (т.е. «коммунистических домашних хозяйствах на нескольких семействах»), при этом «обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими»³⁶². Семейную общину советскими исследователями было принято рассматривать, как воплощение первобытнообщинного, первобытнокоммунистического и коллективистического начала³⁶³. Таким образом, семейная родовая община противопоставлялась отдельной семье, которая, как считал К. Маркс, «содержит в зародыше... все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и государстве»³⁶⁴.

Как выяснилось позднее, эта схема не согласуется с реальностью. Во-первых, даже в тех земледельческих общинах, которые могут быть отнесены к самым ранним стадиям общественного развития, земля делится на участки для ведения хозяйства каждой семьей, обычно включающей в себя мужа, жену и их потомство. Во-вторых, с позиций современной антропологии гипотеза существования матриархата признается ошибочной, поскольку, как выяснилось, попросту не существует данных о каком бы то ни было обществе, в котором бы властные функции... были бы устойчивой прерогативой женщин.... Патриархат представляет собой социально-бытовой уклад жизни, не связанный

³⁶¹ Семенов Ю.И. Этнос нация диаспора // Скепсис [Электронный ресурс]

³⁶² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

³⁶³ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

³⁶⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

однозначно с конкретным уровнем социально-экономического развития»³⁶⁵. Можно лишь подытожить: обусловленное парадигмальными или идеологическими установками «стремление нарисовать единую картину становления классового общества»³⁶⁶ привело к созданию очевидно искусственной конструкции, которая «не выдерживала соприкосновения с действительностью»³⁶⁷.

Эволюционистский подход в этнографии предполагал изначально промискуитетный характер отношений между полами, а на более поздних стадиях развития общества такие отношения заменялись теми или иными формами группового брака. «Однако эти представления не находят подтверждения ни в этнографических источниках, ни в данных приматологии»³⁶⁸.

В поведении приматов также могут быть прослежены этологические (т.е., и это следует подчеркнуть, этот феномен носит социально-биологический характер – что позволяет провести совершенно определенные аналогии) «истоки феномена экзогамии. У большинства видов избегание кровосмешения обеспечивается переходом особей конкретного пола по достижению половой зрелости в соседнюю группу»³⁶⁹... Впоследствии встреча таких «породнившихся» групп приводила не только к узнаванию, но и к демонстрационному дружественным сигналам между родственными особями. Такое поведение характерно для представителей обоих полов, но следует подчеркнуть, что самки, таким образом, выполняли миротворческую роль между живущими по соседству группами, что, очевидно, происходило задолго до появления института брака. «Принципиально новым шагом в социальном

³⁶⁵ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

³⁶⁶ Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов — М.: URSS, 2013

³⁶⁷ Ibid.

³⁶⁸ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

³⁶⁹ Бутовская М. Л., «Этология необходима в гуманитарных вузах...» // Ethology.ru [Электронный ресурс]

поведении гоминин, таким образом, следует считать не возникновение экзогамии и избегание инцеста, а формирование устойчивых сексуальных пар»³⁷⁰. Такое половое поведение, как моногамия — формирование прочных семейных пар, является одним из вариантов обеспечения репродуктивного успеха. Этот вариант далеко не самый распространенный в природе — его практикуют лишь около 5% млекопитающих. Самцы моногамных видов, как правило, принимают активное участие в заботе о потомстве. Таким образом, «представление о том, что предпосылкой межгрупповых альянсов является контроль мужчин за сексуальными контактами женщин, следует отнести к распространенным заблуждениям»³⁷¹. Этологические наблюдения за сообществами у гоминин также не позволяют подтвердить такие представления.

На момент написания Марксом и Энгельсом своих фундаментальных трудов, несомненно оказавших революционное влияние на последующее развитие наук, биологические представления о поведении животных были примитивными. Энгельс в своем труде «О происхождении семьи...» приводит следующие цитаты: «Эспинас («О сообществах животных», 1877) прямо говорит: «Стадо – это высшая социальная группа, которую мы можем наблюдать у животных. Она составляется, по-видимому, из семей, но уже с самого начала семья и стадо находятся в антагонизме»³⁷²; «...Семья животных и первобытное человеческое общество – вещи несовместимые, что первобытные люди, выбиравшиеся из животного состояния, или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая не встречается у животных»³⁷³. Приводя в своей работе цитаты, противопоставляющие «частную» семью животных животному «коллективу» (стаду, community), Ф. Энгельс, очевидно, «подгонял под ответ», но этот ответ соответствовал самым передовым научным

³⁷⁰ Ibid.

³⁷¹ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

³⁷² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952

³⁷³ Ibid.

воззрениям того времени. Неудивительно, что после канонизации идей классиков марксизма в отечественной научной традиции стремительное развитие биологических наук привело к тому, что быстро накапливающиеся фактические данные перестали укладываться в прежние теоретические схемы. И Л.Г. Морган, и А. Эспинас по сути, были первопроходцами в своих научных дисциплинах и в свое время еще не могли дать интерпретаций, соответствующих уровню нашего современного теоретического багажа. Как теперь уже ясно, филогенетические взаимосвязи разных групп человекообразных обезьян невозможно выстроить в линейную схему, схема таких взаимосвязей больше похожа на куст - как результат развития из одного корня нескольких одновременно существующих ветвей. Подобная ситуация означает отказ вовсе не от эволюционной парадигмы, а лишь от наиболее примитивных вариантов ее применения. Сходная ситуация наблюдается и в некоторых других науках, например, в исторических: развитие человеческого социума невозможно свести к единой линейной схеме (что вылилось в противоречия между стадияльным и цивилизационным подходами) и т.п.

Негативные последствия смешения научной методологии с идеологией или подмены одного можно наглядно проиллюстрировать на примере социальных наук (социологии, этнологии, антропологии etc.), где риск такой подмены существует в силу содержания как в методологии, так в и идеологии философско-мировоззренческих компонент. Подмена приводит к расширению функций идеологии и, как следствие, к искусственному сужению методологических научных основ с итоговым искажением результатов исследования³⁷⁴. «Наука и идеология различаются по целям, по методам. Наука

³⁷⁴ Конецкая В.П., Социология коммуникации / В.П. Конецкая — М. — 1997.

имеет целью познание мира, ...стремится к истине. Идеология же имеет целью формирование сознания людей и манипулирование их поведением»³⁷⁵.

Но, тем не менее, идеологическое влияние может заключаться уже в исходных предпосылках научного поиска, которые можно рассматривать, как установки «внутренней идеологии»³⁷⁶. Такие предпосылки самими исследователями могут не осознаваться, будучи воспринимаемы, «как соображения здравого смысла»³⁷⁷. Но в целом, поскольку влияния идеологии на практике избежать не удастся, в конечном счете «специфические процедуры, санкционируемые методологией социальной науки, могут носить идеологический характер»³⁷⁸.

В качестве наглядного примера идеологического влияния на развитие социальных наук можно рассмотреть появление научного течения, стремившегося выйти за пределы эволюционистской парадигматики и которое может быть охарактеризовано, как антиэволюционизм³⁷⁹. Идея развития мира, идея эволюции - одна из важнейших идей европейской цивилизации. Сначала в геологии, затем биологии и социологии теоретическому осмыслению процессов последовательного развития стали уделять главное внимание. Хотя термин «теория эволюции» для современного человека прочно связано с именем Ч. Дарвина, биология была лишь одним из направлений приложения усилий эволюционистов (здесь можно вспомнить, например, «культурно-генетический эволюционизм» В. Гумбольдта, «Гипотезу развития» Г. Спенсера, видевшего свою задачу в представлении эволюции, как универсального принципа развития Вселенной и т.д.). Эволюционное учение Ч.Дарвина впоследствии стало

³⁷⁵ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев — Алгоритм, 2018.

³⁷⁶ Е.А. Мамчур Наука, метафизика, идеология // Ориентиры. Вып.6. М.: ИФ РАН, 2010. С. 58–76.

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ Макинтайр А. Методология социальных наук как идеология бюрократического господства // "Октябрь"— 2015 — №6 — [Электронный ресурс]

³⁷⁹ Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов — М.: URSS, 2013

рассматриваться в контексте естественнонаучного обоснования марксистской теории развития общества (хотя, как замечает Э. Геллнер, сопоставление трудов К. Маркса и Ч. Дарвина в единую систему произошло задним числом, поскольку Маркс создал свой труд на 15 лет раньше Дарвина). «...Теория дарвинизма может быть построена в окончательном виде и без марксизма. Между тем без дарвинизма марксистская концепция не может «свести концы с концами» (это заметил и сам Маркс после выхода в свет книги Дарвина)»³⁸⁰.

Тем не менее, идеология эволюционизма так и не стала общепринятой. Отрицая т. наз. «однолинейный эволюционизм», Э. Дюркгейм развивал идеи плюрализма и циклизма. Не принимая идей поступательного развития человеческого общества, он отрицал существование «прогресса человечества», рассматривая, как реально существующие, лишь отдельные общества, появляющиеся на исторической сцене и сходящие с нее независимо друг от друга. В целом к началу XX в. в западной науке, и в первую очередь в социологической, наметился «крутой поворот к эмпиризму и антиэволюционизму». Согласно Л. Уайту, известному американскому антропологу и эволюционисту, одним из последствий применения эволюционного подхода в теории марксизма стало появление своего рода «капиталистической оппозиции»: «антиэволюционизм стал символом веры... и философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как «социальный дарвинизм» стал философским оправданием безжалостной эксплуатации»³⁸¹. Это можно рассматривать, как выразительный «пример влияния идеологии на развитие научных представлений».³⁸²

³⁸⁰ Геллнер Э. Марксистская книга Бытия // Этнографическое обозрение. — № 2, 1992 г. [Электронный ресурс]

³⁸¹ Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов — М.: URSS, 2013.

³⁸² Макинтайр А. Методология социальных наук как идеология бюрократического господства //— 2015 [Электронный ресурс]

К 1930-м гг. оба доминировавших в этнологической науке подхода – как эволюционистский, так и диффузионистский – оказались в тупике, будучи не в состоянии дать объяснение существующему многообразию культур. Как попытку выйти из этого тупика можно рассматривать становление в антропологии «американской исторической школы» Ф. Боаса, развивавшей представления «культурного релятивизма». Однако «теоретические установки «историзма» в перспективе могло завести в другой тупик – феноменологический, акцентирование на уникальности каждой культуры и целенаправленное избегание в связи с этим выведения каких-либо закономерностей сводило этнологию к сугубо описательной науке»³⁸³. Отказ от изучения прошлого культуры и «тем более прогнозирования ее будущего развития делал историческую (по своему названию) школу антиисторичной (по сути)»³⁸⁴.

В настоящее время эволюционный, пусть и понимаемый в достаточно широком смысле, подход представляет собой один из наиболее эффективных методов концептуализации и обобщения все более увеличивающихся «знаний об универсуме... без таких мегапарадигмальных инструментов, как эволюционный подход, ученые вообще перестанут понимать друг друга»³⁸⁵. С другой стороны, доминирующая в настоящее время идеология постмодернизма выступает против научной методологии, эволюционизма и структурализма, ставя под сомнение объективность гуманитарного знания, рассматривая его не отражающим объективную картину, а конструирующим ее. «Если в классической эпистемологии, т.е. процедуре интерпретации фактов, разрыв, противоречие рассматривается как проблема, нуждающаяся в объяснении, то, с точки зрения постмодернизма, напротив, проблемой являются как раз островки целостности и связанности. Отказ от целостного описания, систематизации

³⁸³ Козьмин В.А. Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата — М.: Юрайт. 2015.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ Гринин Л.Е. Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы — М.: Либроком, 2009.

материала, масштабного теоретизирования – характерные черты этой парадигмы»³⁸⁶.

«Постмодернизм утверждает порочность обращения к какому-либо одному способу описания научной картины мира, отстаивая методологический плюрализм... Более того, иногда декларируется позиция, которая однозначно отрицает возможность объективности и научности в их традиционном понимании»³⁸⁷. Отсюда следует, что **химерическая** постмодернистская идеология сама по себе антинаучна, представляя собой логичное завершение развития идеологии антиэволюционизма, его квинтэссенцию (начавшись с отрицания возможности эволюции, она вершилась отрицанием научной методологии как таковой).

Эволюционный подход и развитие биологических наук позволяют по-новому взглянуть на поведение человека, заново пересмотреть место и значение целого ряда явлений, традиционно относимых к сфере человеческой культуры. Такой имеющий фундаментальное значение феномен, как табу инцеста³⁸⁸ («агамный запрет»), традиционно рассматривается, как имеющие исключительно социальное происхождение³⁸⁹: («агамный запрет, лежавший в основе рода, был типичным табу, его нарушение... должно было навлечь на всех членов рода неведомую, но грозную опасность. Именно поэтому нарушение запрета так жестоко карали»³⁹⁰). Заметим, что именно на строгости наказания акцентирует внимание М. Фуко, обыгрывая подавление сексуальности в своих провокативных спекуляциях: «Если допустить, что порогом всякой культуры является запрещенный инцест, то сексуальность тогда оказывается испокон веков размещенной под знаком закона и права, что семья

³⁸⁶ Козьмин В.А, Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата - М.: Юрайт.- 2015

³⁸⁷ Ibid.

³⁸⁸ Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд — СПб.: Азбука-классика, 2005.

³⁸⁹ Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012.. [Электронный ресурс]

³⁹⁰ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

является привилегированной точкой зарождения сексуальности; что по этой причине сексуальность рождается "инцестуозной"³⁹¹... «в каких пунктах "сексуальная мораль христианства" наиболее явным образом противостоит "сексуальной морали древнего язычества": запрет инцеста, мужское господство, подчинение женщины?»³⁹²

Опосредованность табу инцеста (агамного запрета) биологическими факторами позволяет подчеркнуть их именно социобиологический, а не только социокультурный характер, доказательно отнести их в первую очередь к явлениям природы, а не только лишь человеческой культуры. Проявляя себя именно в сфере бессознательного, феномены «запахового кодирования» и «ольфакторного имиджа» объясняют механизмы формирования предпочтений, демонстрируя биологические основания для реализации столь важных поведенческих феноменов.

Социобиологическая обусловленность этих запретов, во-первых, позволяет по-новому взглянуть на существование инцестуозных практик в тех или иных исторических условиях и культурах, объясняя их, например, искажением опосредованных культурой биологических форм поведения в связи с неадекватностью условий окружающей среды. А, во-вторых, лишает краеугольного камня многоэтажные умпостроения М. Фуко, где «запрет инцеста» - одна из «несущих конструкций»: «Если на протяжении более века Запад проявлял столь большой интерес к запрету инцеста, если в этом запрете, почти со всеобщего согласия, видели социальную универсалию и один из неперменных пунктов перехода к культуре, то это, быть может, потому, что в

³⁹¹ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.

³⁹² Ibid.

нем видели средство защититься вовсе не от инцестуозного желания, но от экспансии и от последствий этого диспозитива сексуальности»³⁹³ ...

В своих рефлексиях на тему инцестуозности М. Фуко не выходил за рамки научной парадигматики своего времени, в русле которой развивали свои идеи З. Фрейд, К. Леви-Стросс, Т. Парсонс и многие другие. Все они исходили из посылки, согласно которой «основные животные инстинкты в отсутствие жестких санкций по отношению к такому поведению с неизбежностью должны приводить людей к инцесту, в связи с чем табу рассматривалось, как совершенно необходимый сдерживающий социальный фактор»³⁹⁴. Тут следует напомнить, что эти воззрения формировались, во-первых, на основании прежних биологических представлений – т.е. до того, как развитие биохимических методик позволило переосмыслить механизмы формирования поведенческих предпочтений. Во-вторых, на основе широко распространенной убежденности в существовании у человека неких непреодолимых «основных животных инстинктов». Таковых «инстинктов» (в строгом понимании этого термина), согласно современным представлениям, не существует. Широко распространенные речевые обороты («материнский инстинкт», «половой инстинкт» и пр.) - все они некорректны применительно не только к человеку, но и ко всем достаточно высокоорганизованным животным³⁹⁵. Широко распространенную убежденность в существовании неких сил, довлеющих над человеком и руководящих его поступками, по всей видимости, следует рассматривать, как присущее человеку желание переложить ответственность,

³⁹³ Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.

³⁹⁴ Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2

³⁹⁵ Виноградова Е. П. Инстинкты. Они есть у человека или их нет? // Ethology.ru. [Электронный ресурс]

которое в свое время охарактеризовал И. Кант, как «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»³⁹⁶.

Представления о непреодолимости силы сексуального влечения, под действием которой члены одной семьи должны иметь «естественное» сексуальное влечение друг к другу (что, в рамках логики подобных рассуждений, собственно, и заставляет общество налагать табу), диктуют следующий взгляд на проблематику: «Избегание инцеста – **биологическое** следствие возникновения экзогамии... Основа запрета на кровосмешение оказывается здесь сугубо **социальной**»³⁹⁷. Подобные объяснения в силу исторически обусловленных причин (недостаточного уровня развития биологических наук в свое время) ставят, образно выражаясь, телегу впереди лошади, рассматривая «биологическое» следствием «социального», постулируя «естественным» то, что является противоестественным в самой биологической основе³⁹⁸.

На спорность «социального» обосновывания избегания инцестузности в свое время указывал еще Э.А. Вестермарк, показавший реальность отсутствия сексуального влечения друг к другу у лиц разного пола, воспитывавшихся вместе в первые годы жизни³⁹⁹ (т. наз. «эффект Вестермарка»)⁴⁰⁰. Современный уровень развития наук о биологии поведения позволяет, наконец, продемонстрировать иллюзорность прежних представлений, как подытоживает известный биолог Ф. Де Вааль: «Клод Леви-Стросс предположил, что человеческая цивилизация началась с запрета на инцест. А, дескать, прежде мы занимались «этим» с кем попало, не обращая внимания ни на какие

³⁹⁶ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? [Электронный ресурс]

³⁹⁷ Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2. [Электронный ресурс]

³⁹⁸ Плюснин Ю.М., Генетически и культурно обусловленные стереотипы поведения// Поведение животных и человека: сходство и различия. Пушино — 1989. — С. 89-106..

³⁹⁹ Вестермарк // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс].

⁴⁰⁰ Эффект десенсибилизации по Вестермарку. [Электронный ресурс].

кровнородственные узы. Табу на инцест перенесло нас в новую эпоху: из природы в культуру. Но как же ошибался Леви-Стросс! Подавление инбридинга, как называют это биологи... почти обязательное требование у любого вида, размножающегося половым путем»⁴⁰¹.

Итак, экзогамия проявляется в нахождении брачных партнеров из другого (соседнего) рода. В таком случае совокупность других родов, откуда допустимо выбирать себе партнеров, может быть ограничена географическим фактором, и социальным фактором (языка и традиций, обеспечивающих приемлемое взаимопонимание). Совокупность родов, объединяемых языком, традициями культуры и географическим положением – таким образом мы вплотную приближаемся к определению этноса в его классическом «примордиалистском» понимании, согласно которому этносом можно считать группу людей, объективно обладающих набором общих признаков, на основе которых формируется осознание общности, что отражено в ее названии. Хотя «каждый из этих признаков сам по себе этническим определителем может и не быть, если он характерен и для других этносов, но в совокупности они составляют тот оригинальный их набор, по которому один этнос отличает от другого».⁴⁰² Согласно более современному подходу, тщательно отделяющему себя от «примордиализма», концепция «этничности», пришедшая на смену концепции «этноса», подвергает сомнению само существование «культурной отличительности»⁴⁰³, а этническая идентичность не рассматривается ни как универсальная характеристика, ни как вообще объективно существующая. Этническая принадлежность не признается неотъемлемым качеством, присущим человеческим группам, а считается продуктом определенных видов межгрупповых взаимодействий, поддерживаемым лишь постольку, поскольку

⁴⁰¹ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов/ Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014. — 363 с.

⁴⁰² Козьмин В.А, Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата — М.: Юрайт. 2015.

⁴⁰³ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001.

они поддерживаются в качестве значимых социальных конструктов в обществах⁴⁰⁴. С позиций инструментализма «этничность» следует представлять итогом целенаправленного политического мифотворчества т. наз. культурных элит. С позиций этнологического конструктивизма примордиализм признается в основном ошибочным подходом (всего лишь одним из научных направлений), рассматривающим этнос, как «изначальное объединение людей «по крови» с неизменными признаками.

Нельзя не заметить, что такое определение примордиализма представляет из себя почти готовое обвинение чуть ли не в расизме, что свидетельствует об эмоциональном накале и политизированности дискуссии. Альтернативный подход, «конструктивизм», связывает возникновение этничности с образованием национальных государств. Сторонники этого подхода (Э. Хобсбаум) утверждают, что этническая принадлежность и национализм, являются чисто современными изобретениями. Но нельзя не отметить, что именно примордиализм, ставящий своей целью описание и осмысление реально существующих признаков, и является выразителем собственно научной методологии. В рамках же постмодернистской идеологии любые различия, классы и категории предлагается рассматривать, как онтологически сконструированные языком описания, а не существующие объективно, природа этничности также рассматривается. «прежде всего, как процессуальная (социально конструируемая)»⁴⁰⁵.

Подходы, традиционные для советского периода отечественных социальных наук, в настоящее время принято относить к вариантам примордиалистской концепции, а формулировки понятия "этнос", принадлежащие отечественным этнографам, рассматриваются, как не имеющие

⁴⁰⁴ Bobo L.L., Hutchings V. L. Perceptions of Racial Group Competition: Extending Blumer's Theory of Group Position to a Multiracial Social Context // American Sociological Review — Vol. 61, No. 6 — Dec. 1996 — pp. 951-972

⁴⁰⁵ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001.

существенных различий, поскольку все они исходят из понимания сущности этничности, как некоего набора признаков.

Концепция примордиализма, тем не менее, и раньше подвергалась критическому анализу. Согласно мнению С.Е. Рыбакова, "этнос... стихийен, аморфен, неструктурирован. В то же время само этническое "нечто" в обществе несомненно, субстанционально, активно и значимо. Так, где же это "нечто", каковы его сущность и природа?". Аналогичный вопрос задает С. В. Чешко: "...что же такое само "этническое"? Этносы понимаются как разновидности человеческих общностей, складывающихся из целого ряда атрибутов... Здесь нет только одного – самой этнической субстанции". Нельзя не заметить, что предлагаемый ответ «отдает мистикой – предложением поиска некой экзистенциальной "субстанции", которая порождает народы/этносы»⁴⁰⁶.

В европейской научной традиции концепцию существования набора этнических признаков критически проанализировал Э. Ренан еще в XIX в. И он такие признаки нашел ("главные условия для того, чтобы быть народом"): это "душа, духовный принцип" (т.е. национальный характер), "общая слава в прошлом"... и "общая воля в настоящем". Другими западными примордиалистами этнос может рассматриваться, как "связанный с генетическим родством культурный феномен" (Т. Парсонс). К этнопсихологическим идеям можно отнести теорию Ф. Боаса о существовании "гения" народа – психологически объединяющего разрозненные культурные элементы в целое⁴⁰⁷.

Таким образом, хотя существующие теории этногенеза не смогли дать удовлетворительный ответ на вопрос о силах или законах, объединяющих людей в этнос («почему индивид ведет себя в соответствии с определенной

⁴⁰⁶ Козьмин В.А, Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата - М.: Юрайт. - 2015.

⁴⁰⁷ Козьмин В.А, Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата - М.: Юрайт. - 2015..

традицией?»⁴⁰⁸), но постмодернистские теоретизирования по сути вообще уклоняются не то, что от ответа, но даже от самой постановки вопроса. Между тем нельзя не заметить, что все перечисленные варианты ответа на этот вопрос: «душа, духовный принцип» Э. Ренана, «генетически обусловленный феномен культуры» Т. Парсонса, загадочная «природа субстанционального, активного этнического “нечто”» С.Е. Рыбакова, «этническая субстанция» С.В. Чешко и в особенности «гений народа» Ф. Боаса, по сути, перекликаются с определением «гений рода» (*der Genius der Gattung*), с помощью которого А. Шопенгауэр пытался выразить «метафизическое вожделение...», «причины, заложенные в сущности вещи в себе, а потому для нас непостижимые» или «саму Природу». Собственно, здесь просматриваются параллели с гораздо более поздним пониманием движущих сил живой Природы, а именно тех явлений, в которых пытаются увидеть «движущие силы эволюции» - в современной биологической терминологии это, например, «популяционный отбор» или «родовой отбор» («кин-отбор») и т.д.

Современный уровень развития генетики, как можно было бы предположить, способен внести ясность в проблему «природного» обоснования этничности. Но, так или иначе, в этнологии относиться к «эволюционизму с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам»⁴⁰⁹ принято с настороженностью – поскольку «социальный биологизм... вместе с географическим детерминизмом служит основой крайне уязвимых конструкций»⁴¹⁰.

Ключевым понятием этничности так или иначе выступает этническое самосознание, специфика культуры и язык. К настоящему времени сформулировано понятие «коллективного когнитивного бессознательного

⁴⁰⁸ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001.

⁴⁰⁹ Ibid.

⁴¹⁰ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001

(ККБ)», лежащего «в основании системы ценностей, картины мира и нормативных систем, обеспечивая осмысленность жизненного мира человека. Вариативность ККБ объясняет нередуцируемую вариативность культур... Согласно современной психологической классификации, психические процессы происходят не только на уровнях подсознания и сознания, но и надсознания... «надсознание» рассматривается, как возможность реализации творческих потенций»⁴¹¹.

С такой позицией в наибольшей степени коррелирует именно примордиалистский подход к психокультурной или культурно-языковой интерпретации этничности, рассматривающей этноидентичность как неотъемлемую составляющую “эго”, а ее изменение, как навязанное. «Существуют три главных подхода к пониманию этничности: эссенциалистский (примордиалистский), инструменталистский и конструктивистский... Интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту»⁴¹².

Итогом второй главы является вывод о том, что и пол, и гендер представляют собой сложные, многоуровневые образования, характеризующиеся многообразием органически взаимосвязанных признаков биосоциального комплекса. Уяснение природы пола и сущности гендера находится в прямой зависимости от преодоления доминирующих в современной биологии методологических альтернатив (редукционизм – холизм, элементаризм – композиционизм, организмизм – популяционизм, феноменализм – эссенциализм, структурализм – функционализм, типологизм – эволюционизм и т.д.). Их эффективному преодолению на основе идей

⁴¹¹ Смирнов А.В. Философия всегда должна быть недовольна // Независимая газета [Электронный ресурс]

⁴¹² Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001.

натуралистической эпистемологии (У. Куайн), принципа дополнительности (Н. Бор) отвечают исследования этологии человека и смежных дисциплин: психоэтологии, когнитивной этологии, антропоэкологии, эволюционной психологии и др.

Эволюционно-экологический подход, опирающийся на логико-дискурсивные ресурсы диалектики, феноменологии, эвристику и интуиции аналитики понимания, результаты современных биосемиотических исследований открывает реальную перспективу методологически корректной постановки вопросов переосмысления явлений пола с точки зрения знаково-символических средств, в которые они облечены. Поскольку биосемиотическая парадигма предполагает понимание знаковых процессов означения и интерпретации, как выражения сущности открытых, самоорганизующихся и самовоспроизводящихся живых систем, то референциальная семантика отвечающих им идеальных сущностей (концепты, конструкты и др.), может быть органически дополнена результатами истинностно-значимой семантики. Объекты пола могут обнаруживать свои действительные свойства не только в предметной, но и в собственно объект-объектной перспективе.

Половой диморфизм как форма бытийно-онтологической осмысленности эволюции в антропогенезе послужил непосредственной предпосылкой разработки Ч. Дарвином теории полового отбора, как главной закономерности гоминизации, а затем и последующей эволюции человека в условиях социально-исторического прогресса. Направленность полового отбора задается спецификой культуры и образа жизни, а гендерное поведение, адекватное биологии человеческого пола, становится условием выживания человека, как биологического вида. Утрата социального контроля за развитием гендерных аспектов культуры связана с отсутствием в биологических исследованиях проблемы пола указаний на способы и границы их применимости, а так же с

превращением вопросов и пола и гендера в эффективный инструментарий инициатив биополитики и биовласти.

Глава 3. Антропологические антиномии культурно-цивилизационных стратегий пола.

3.1. Идея социального неравенства полов в философии гендера.

Равенство, понимаемое как правовая справедливость, является одной из фундаментальных опор социально-упорядоченного пространства⁴¹³. Проблема справедливости на протяжении всей истории философии является объектом ее пристального внимания. Согласно Платону, справедливым и добродетельным является такое положение дел, которое ориентировано на благо целого⁴¹⁴, а одним из условий достижения справедливого устройства общества является возможность каждого человека «заниматься тем, что ему дано от природы»⁴¹⁵. Таким образом, для общества, декларирующего справедливость своего устройства, центральной проблемой становится необходимость совмещения равенства в нравственно-гражданском аспекте с разнообразием (т. е. неравенством) способностей и возможностей людей, которые так или иначе реализуются в человеческом поведении. Вопрос о том, что именно в поведении человека обусловлено природой, а что – установлениями культуры; где можно

⁴¹³ Гусейнов А. А., Справедливость // Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс]

⁴¹⁴ Федорин С.Э., К проблеме человека и власти в философии и культуре XX века (Проблема власти в истории философии), Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2005. Т. 5. — № 10. — С. 350-358.

⁴¹⁵ Платон. Государство / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 — М.: Мысль, 1994.

провести (и можно ли?) границу между «биологическим» и «социальным» в человеке, является крайне дискуссионным⁴¹⁶.

Произошедший в первой половине XX в. «лингвистический поворот» в философии, в особенности появление гипотезы лингвистической относительности (лингвистического релятивизма), в «мягком» варианте гласящей: «язык влияет на мировосприятие», а в «жестком» варианте: «язык определяет мировосприятие», вывело дискуссию о соотношении когнитивных процессов восприятия и окружающей реальности на новый уровень. В конечном счете это привело к достаточно широкому распространению мнения о возможности отсутствия какой бы то ни было обусловленности человеческих представлений окружающей действительностью: «Постмодернистская **концепция** утверждает, что реальность на самом деле — это своеобразный «лингвистический трюк» нашего сознания: то, что индивид воспринимает как реальность, на самом деле социально и лингвистически сконструировано»⁴¹⁷.

Постмодернизм таким образом представляется «направлением познания», признающим любые тексты не отображающими реальность, а конструирующими некую другую реальность, не зависящую от первой, опосредуя тем самым отношение человека к действительности «дискурсивной практикой». Подобный подход роковым образом сказался на развитии т.наз. «философии гендера», породив иллюзии допустимости игнорирования биологических явлений и законов природы. Гендерный подход, как считается его апологетами, «преодолеывает» оппозицию биологических полов - наиболее важную из всех существующих -отражающуюся в социальной, политической и каких бы то ни было еще сферах человеческой жизни. «Речь идет о принципиальном изменении понимания половой идентичности ... различия в

⁴¹⁶ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴¹⁷ Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании / в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя, — 2001, — стр. 508 – 542.

поведении и восприятии мужчин и женщин определяются не столько их физиологическими особенностями, сколько воспитанием и распространенными в каждой культуре представлениями о сущности мужского и женского»⁴¹⁸.

Комментируя апологетику постмодернизма, следует заметить, что «постмодернизм» не может быть выражен «концепцией», поскольку его принципиальная установка – это отсутствие каких бы то ни было концепций, канонов, заданности и пр. Впрочем, путаница в терминах вообще характерна для дискуссий в русле гендерной «философии», как и отрицание важности биологической составляющей человеческого поведения, доходящее до ее полного игнорирования. «Сексуальность... не является докультурной физиологической данностью, сферой инстинктов; иначе говоря, **сексуальность** конституируется в обществе, а не является биологически заданной»⁴¹⁹. В приведенном отрывке «доказательность» достигается путем смешения понятий: термин «сексуальность» употреблен дважды в одном предложении, при этом в разных значениях. В первом семантическое наполнение термина «сексуальность» включает в себя не только биологические, но и социально-культурные компоненты человеческого поведения – что вполне очевидно и не оспаривается. Во втором – «сексуальность» рассматривается уже лишь как феномен культуры, из чего предлагается обобщающий вывод об изначальном отсутствии «биологической заданности».

Столь ярко выраженная природоборческая направленность «гендерной философии» привычно обосновывается тем, что «мифология женского предназначения («женской природы») легитимировала на протяжении многих веков ситуацию угнетения одного пола другим»⁴²⁰. Действительно, до

⁴¹⁸ Костикова И. В. Введение в гендерные исследования / И. В. Костикова [и др.] // Под общ. Ред. И. В. Костиковой. — М.: Аспект Пресс, — 2005.

⁴¹⁹ Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001. — стр. 427 – 454.

⁴²⁰ Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001. — стр. 427 - 454

появления эндокринологии обусловленность женской природы (как, впрочем, и мужской), а уж тем более поведения (!) биологическими факторами действительно выглядела мифом - благодаря чему, собственно, и появилась теория «гендерной нейтральности» Дж. Мани. Такой «идеологический коктейль» из социального с биологическим, обуславливая социальную несправедливость биологией пола, по своей «логике» близок к обоснованиям социал-дарвинизма, который оправдывал социальную несправедливость биологической спецификой поведения людей, обуславливая социальное имущественное неравенство биологической неравноценностью и врожденными свойствами людей⁴²¹. Подобные утверждения, объявляющие природу «естественными» причинами угнетения, являются главной опорой всего разнообразия конструкций «философии гендера».

Рассмотрение биологических различий полов в качестве основы социального неравноправия и угнетения является аксиоматическим в гендерной философии. При этом констатация фактической реальности этих биологических различий получает ярлык «эссенциалистских представлений», что с «общепостмодернистских» позиций означает отсталость подобных представлений, а с позиций «гендерно-философских» означает пособничество «патриархальному» угнетению. «Говорить о гендерных различиях как якобы неизбежных (имея в виду биологическое разделение полов по антропоморфическим показателям и по функциям) означает обосновывать гендерное неравенство»⁴²² – этот пример наглядно демонстрирует вмешательство идеологии в методологию научного (или претендующего на научность) описания⁴²³, низводя подобные концепции до уровня вульгарного социологизаторства⁴²⁴.

⁴²¹ Социал-дарвинизм. / Политология. Словарь. // под. ред. В. Н. Коновалова. [Электронный ресурс]

⁴²² Ibid.

⁴²³ Конечкая В.П., Социология коммуникации / В.П. Конечкая — М. — 1997

⁴²⁴ Философские проблемы естествознания / Под ред. Мелюхина С.Т. — М.: Высш. Шк. — 1985

Бурное развитие феминистских теоретических работ с началом 1960-х г.г., периода т. наз. «второй волны феминизма», привело сначала к появлению «женских исследований» в 1970-е, а затем, в 1980-е, и «гендерных исследований», как академических дисциплин в американских и западноевропейских университетах. Проблематика угнетения находилась и находится в центре внимания феминизма, и «первое определение гендера возникло в связи с... критикой дискриминационного положения женщин»⁴²⁵, при этом терминология, основные положения и лозунги были заимствованы феминистской теорией главным образом из марксизма. Это неудивительно, поскольку, с одной стороны, «движения 60-х годов развивались в контексте общей критики капитализма и мощного подъема левых движений, распространившихся из Франции 1968-го года, в ситуации повсеместного увлечения интеллектуалов марксизмом»⁴²⁶. С другой стороны, на тот исторический момент марксизм был, очевидно, наиболее авторитетной (если даже не единственной) философской теорией, уделившей достаточно серьезное внимание разработке проблемы социального угнетения. «...марксистский материализм — отнюдь не простое учение («экономизм») ... это требование искать объяснения социальным процессам прежде всего в объективных условиях жизни и, лишь исчерпав этот путь, обращаться к субъективным «страстям», «идеям»...»⁴²⁷. По замечанию Моник Виттиг (одним из наиболее серьезных теоретиков радикального феминизма, идейной вдохновительницей «третьей волны» феминизма): «Марксизм - высшее воплощение материализма, наука, которая сформировала нас политически...»⁴²⁸. Работы таких знаковых для феминистской идеологии авторов (авторок), как Суламифь Файерстоун и

⁴²⁵ Костикова И. В. Введение в гендерные исследования / И. В. Костикова [и др.] // Под общ. Ред. И. В. Костиковой. — М.: Аспект Пресс, — 2005.

⁴²⁶ Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов. Проблематизация женской субъективности// в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001.

⁴²⁷ Федорин С.Э., К проблеме человека и власти в философии и культуре XX века (Проблема власти в истории философии), Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2005. Т. 5. — № 10. — С. 350-358.

⁴²⁸ Виттиг М. Женщиной не рождаются // Митин журнал, №59, — Тверь. [Электронный ресурс]

Гейл Рубин содержат как прямые отсылки к работам классиков марксизма, так и оригинальную переработку их идей.

Можно считать, что о проблеме власти рассуждали еще античные философы (начиная как минимум с Платона). Тем не менее, даже в середине XX века А. Кожев сетовал на то, что понятие и сущность феномена «власти» слишком мало исследованы⁴²⁹. Марксистское понимание феномена «власти» было почерпнуто у Гегеля, который «без колебаний интерпретировал существо всякого противостояния общественных субъектов в терминах господства и рабства. Власть одних людей над другими в основе своей имеет эксплуатацию, т. е. использование другого человека в качестве средства, отношение к человеку как к вещи, к говорящему орудию»⁴³⁰. Практически все основные положения и лозунги, взятые впоследствии на вооружение феминистками (это и «господство мужчины над женщиной», и «порабощение одного пола другим», в результате которого «женщина была закабалена, превращена в рабу мужских желаний» и в «простое орудие деторождения»; наконец, метафора «отдельной семьи», как «трещины в древнем родовом строе») заимствованы из знаменитой работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где они были сформулированы ярко и убедительно.

В XX веке идеологический дефицит исследований сущности и природы власти и управления восполнялся работами неомарксистов Г. Маркузе, Э. Фромма, Ю. Хабермаса; постмарксистов Ж Бодрийера и З Баумана, экономистов - например, Дж. К. Гэлбрейт. Но наибольшую известность, в буквальном смысле скандальную, приобрели работы М. Фуко, рассматривавшего власть через призму сексуальности. Его труды оказали наиболее значительное влияние на теорию «третьей волны» феминизма. Таким

⁴²⁹ Кожев А. Понятие власти — М.: Праксис. — 2006.

⁴³⁰ Федорин С.Э., К проблеме человека и власти в философии и культуре XX века (Проблема власти в истории философии), Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2005. Т. 5. — № 10. — С. 350-358..

образом, если теории «второй волны» опирались на марксизм, то теоретические разработки «третьей волны» опирались на работы М. Фуко. По замечанию Г. Рубин (одной из наиболее значительных фигур «второй волны» феминизма): «*«История сексуальности» Мишеля Фуко стала наиболее влиятельным и эмблематичным текстом новой науки о поле*»⁴³¹. Фуко камня на камне не оставляет от традиционных представлений о природном либидо, которое ограничивается социо-культурными рамками: «желания — не есть предсуществующие биологические данности, ...они конституируются в ходе исторически-специфичных социальных практик»⁴³². Таким образом реализуется кардинальная перестановка акцентов в исследовании причин угнетения (или неравноправия): с социальных на биологические, природные. При этом сам пол, с существованием которого (как биологического явления или как гендерных понятий) связывается с неизбежностью угнетения, что влечет за собой «принципиальные изменения понимания половой идентичности» и пр. Так постмодернистская «гендерная философия» объявляет социальное неравноправие и дискриминацию по половому признаку явлениями, имманентными природе пола, следствием биологической «неодинаковости».

Между тем, согласно современным антропологическим представлениям, отношения между полами вполне можно рассматривать, как исходно равновесные и эгалитарные. Именно такими они сохраняются у бродячих африканских охотников-собирателей и по сей день. Гендерная дифференциация общества, формируясь веками и тысячелетиями, представляет собой важнейшую социальную адаптацию, позволяющую оптимально использовать человеческие ресурсы⁴³³. Здесь следует иметь в виду те 10 - 13 тысяч лет, которые потребовались человечеству для одомашнивания животных и растений,

⁴³¹ Rubin G. Thinking Sex: Note for a Radical Theory of the Politics of Sexuality / G. Rubin // in Carole S. Vance, ed., *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality* — 1989. — London: Pandora.— pp. 267-319..

⁴³² Ibid.

⁴³³ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

что явилось принципиально важной частью процесса становления сельского хозяйства, который и сделал возможным появление цивилизации⁴³⁴. Необходимость распределения хозяйственной деятельности и прочей активности вне и внутри дома между мужчинами и женщинами была связана с потребностями выживания популяции. Но в ходе исторического развития отношения между полами последовательно становились иерархическими и принимали форму выраженного доминирования мужского пола над женским⁴³⁵. Как принято считать, имущественное и социальное неравенство, различного рода отношения зависимости, деление людей на ранги, власть одних из них над другими могли появиться только с зарождением цивилизации⁴³⁶.

Обращение к теме угнетения, а следовательно, и власти, в истории философской мысли всякий раз происходит в ответ на насущное требование своей эпохи, на какой-то «социальный запрос»⁴³⁷. До середины XX века марксизм был единственной достаточно разработанной теорией, представившей угнетение на уровне классов общества, то есть как системное, социологическое явление, существующее в своем историческом развитии. В марксистской теории государство было представлено, как аппарат классового угнетения. При этом отдельная (частная) семья представлялась К. Марксом, как базовая ячейка этого угнетения, содержащая «в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество», содержащую «в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»⁴³⁸. Таким образом Ф. Энгельс, опиравшийся, в свою очередь, на наиболее передовые антропологические представления своего времени (работы Л. Моргана,

⁴³⁴ Diamond J. Evolution, consequences and future of plant and animal domestication // Nature — August 2002. — vol.418/8 — pp. 700 – 707.

⁴³⁵ Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013.

⁴³⁶ Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов — М.: URSS, 2013

⁴³⁷ Федорин С.Э., К проблеме человека и власти в философии и культуре XX века (Проблема власти в истории философии), Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2005. Т. 5. — № 10. — С. 350-358.

⁴³⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

сделавшего выводы об изначально коллективистском устройстве человеческого общества), связывал развитие цивилизации с появлением новой формы семьи: «отдельной семьи, как хозяйственной единицы общества, реализующей моногамию и господство мужчины над женщиной». Отдельная семья (и появившаяся вместе с ней отдельная, частная, собственность), тем самым противопоставлялась первобытнообщинному коллективу.

Согласно К. Марксу, утверждение мужского единовластия и введение отцовского права «создает трещину в древнем родовом строе», поскольку «отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостоит роду». Моногамия вовсе не имела отношения к «индивидуальной половой любви», представляя из себя не что иное, как брак по расчету, «первую форму семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия», олицетворяющие собой «победу частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью»⁴³⁹. Таким образом, «стихийное» общее (то есть еще «природное») противопоставляется «экономическому» частному, браку по расчету (относимому тем самым уже к явлениям культуры). Появление моногамии представлялось, «как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор противоречия между полами», а «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским»⁴⁴⁰. Ф. Энгельс считал, что «ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения»⁴⁴¹.

⁴³⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

⁴⁴⁰ Ibid.

⁴⁴¹ Ibid.

Хотя как массовое движение феминизм оформился к концу XIX века, т. наз. «первая волна» феминизма быстро пошла на спад уже в начале следующего века, после убедительной победы движения. Одним из главных лозунгов феминисток той эпохи было требование политического равноправия женщин (избирательное право по-французски – «suffrage», откуда пошло знаменитое ироническое прозвище «суфражистки»). И, когда к 1920 г в США и ряде европейских стран были приняты законы, снимающие ограничения по половому признаку на участие в политической жизни, многим стало казаться, что, выполнив свои задачи, феминизм себя исчерпал. Но когда полвека спустя женщины осознали, что политическое равенство не исключает ни угнетения в семье, ни дискриминации в других вариантах (по месту работы, в праве на образование и т.п.), лозунги, сформулированные в свое время Марксом и Энгельсом, были снова взяты на вооружение – теперь уже «второй волной» феминизма.

Для адекватной оценки событий, которые привели к возникновению «второй волны» феминистского движения, нужно представить тот исторический фон, на котором они происходили. Послевоенная ситуация так называемого «консервативного согласия» в США требовала не только отказа от социальных достижений «нового курса» Ф. Рузвельта, но и «восстановления традиционных порядков». Консервативные идеалы предписывали американкам обладание «истинной женственностью» вместо построения профессиональной карьеры, получения высшего образования или занятий политикой. Все это в целом подготовило мощнейший всплеск общественного движения 1960-х, который был, по сути, ответом («контрреакцией») на реакцию предыдущего десятилетия. В 1963 г. журналистка Бетти Фридан буквально взорвала атмосферу «потребительского рая» образованных американок из среднего класса своей книгой «Загадка женственности», ставшей мировым бестселлером и

классическим текстом либерального феминизма, оказавшим влияние на миллионы женщин.

Добровольно следуя устоявшимся гендерным стереотипам «женской американской мечты» женщины оказывались, по определению Б. Фридан, в «уютном концлагере», превращаясь в инфантильные, зависимые существа, лишённые представления о своих возможностях. На передний план, таким образом, выходила «драма подавления и утраты интеллекта, профессиональных и социальных интересов», то есть драма женской идентичности.⁴⁴² Следует подчеркнуть, что термин «идентичность» во времена Б. Фридан имел совершенно другой смысл по сравнению с тем, который он приобретёт усилиями идеологов «КВИР-идентичности» несколько десятилетий спустя. В своей книге она посвятит целую главу интерпретации идей А. Маслоу о самоактуализации человека и раскрытия творческого потенциала личности. При этом вплоть до настоящего времени не прекращаются попытки со стороны неоконсерваторов обвинить Б. Фридан в подрыве моральных устоев общества: «Книга Фридан, последовательницы Маркузе, является учебником саботажа американской семьи»⁴⁴³.

В 1960 и 70-е годы повестка феминизма значительно расширилась по сравнению с эпохой суфражисток: внимательному рассмотрению подвергались: угнетение, насилие, навязывание гендерных ролей, дискриминация по уровню заработной платы и неоплачиваемый домашний труд, которые стали осознаваться в качестве социальных проблем. В целом речь шла о проблематизации фигуры женщины в культуре⁴⁴⁴. В русле развития идеологии феминизма «второй волны» был создан целый ряд теоретических работ,

⁴⁴² Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты / в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие // Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя, 2001, — стр. 664 – 695.

⁴⁴³ Borst W.A. The Scorpion and the Frog: A Natural Conspiracy / W. A. Borst — Xlibris US, 2004. — pp. 348.

⁴⁴⁴ Костикова И. В. Введение в гендерные исследования / И. В. Костикова [и др.] // Под общ. Ред. И. В. Костиковой. — М.: Аспект Пресс, — 2005.

получивших широкую известность и сыгравших впоследствии важную роль в дальнейшем развитии феминистской теории («женских исследований»). Среди них в первую очередь стоит выделить работы, созданные в русле радикального феминизма, наиболее ярко выразившем идеологические поиски движения: это, во-первых, «Диалектика пола» Суламифи Файерстоун (впервые предпринявшей попытку описать угнетение женщин в современном обществе, как системное социальное явление). Во-вторых, это работы Моник Виттиг, привнесшей в феминистскую философию методологию структурной лингвистики, что позволило продемонстрировать обусловленность патриархального угнетения женщин самой структурой языка. В-третьих, это работа Гейл Рубин «Обмен женщинами. Заметки по политэкономии пола», в которой была сделана попытка синтеза марксистской теории классового угнетения с элементами структурной антропологии. Периодизация феминизма достаточно условна, тем не менее, если развитие «второй волны» принято относить к 60-м и 70-м гг., то начало «третьей волны» обычно связывается с изданием работы «Гендерное беспокойство» Джудит Батлер в 1990 г. Знаменитый «Манифест киборгов» Донны Харауэй (1985 г) попадает в промежуток между второй и третьей волнами.

Книга С. Файерстоун, сыгравшая принципиально важную роль в дальнейшем развитии феминистского движения, называлась «The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution» (1970). Перевод заголовка обычно сокращается до «Диалектика пола» (вторая часть заголовка может быть переведена, как «Необходимость феминистской революции»). «Энергетика» ее текста отражала максимализм автора, которому на момент издания книги было 25 лет⁴⁴⁵. Так или иначе, книга появилась на гребне волны 1960-х, отразив тот самый zeitgeist, дух своего времени, которое можно считать революционным практически без натяжки. Это была эпоха настоящей культурной революции

⁴⁴⁵ Bindel J. Shulamith Firestone obituary // The Guardian — 2012. — [Электронный ресурс].

(при всей неоднозначности этого термина), составными частями которой можно считать и появление рок-музыки, и «сексуальную революцию».

Научно-технический прогресс США 60-х соседствовал с существованием откровенных пережитков прошлого, выражавшихся в том числе и в дискриминации по расовому и половому признаку. Например, женщинам «требовалось письменное разрешение от мужа на открытие собственного счета в банке, в Гарварде на 1970 г. среди 483 преподавателей гуманитарных и естественных факультетов не было ни одной женщины»⁴⁴⁶ и т.п. И если Б. Фридан обратила внимание общественности на эту ситуацию, то задачу системного описания половой дискриминации взяла на себя С. Файерстоун. По отзывам единомышленниц, «Файерстоун усовершенствовала Маркса и ввела в формулу женщин». Имеется в виду, что К. Маркс, придумав «формулу экономики», объяснявшую причины классового угнетения, упустил из виду масштабы того угнетения, которое приходится испытывать женщинам. Без каких-либо сомнений С. Файерстоун смешала социологию с биологией, экстраполируя идеи борьбы социальных классов на отношения полов, объявив женские тела «средствами производства населения», которые эксплуатируются мужчинами, и потребовала их экспроприации. «Для уничтожения сексуальных классов необходимо восстание низшего класса (женщин), и захват ими контроля над средствами воспроизводства: не только полное восстановление собственности женщин на свое тело, но и захват власти над процессом человеческого размножения... Конечной целью феминистской революции должно стать... не только уничтожение мужских привилегий, но и различий между полами как таковыми»⁴⁴⁷. Все это должно было помочь женщинам не проводить за "биологическими" занятиями большую часть своей жизни. Таким

⁴⁴⁶ Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты / в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие // Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя, 2001, — стр. 664 – 695

⁴⁴⁷ Файерстоун С. Диалектика пола // Демоскоп weekly - Институт демографии ГУ ВШЭ [Электронный ресурс].

образом, поставив задачу борьбы с социальной несправедливостью, автор в итоге предлагает ее решать путем борьбы с биологически обусловленными различиями полов вплоть до их полного нивелирования.

Желание С. Файерстоун помочь женщинам не тратить время на «биологические занятия» выявляет подсознательную негативную психологическую установку автора по отношению к своей собственной природе, термин «биологические» здесь имеет оттенок «недостойное». Подобные установки, как правило, отражают негативный личный опыт, что в данном случае полностью подтверждается обращением к биографии автора, которую невозможно охарактеризовать иначе, как трагическую. Она мечтала о мире, «в котором коллектив занял бы место семьи; где дети получили бы право на «немедленное переселение от жестоких родителей». С. Файерстоун всю жизнь посвятила борьбе с жестокостью, которую пришлось пережить в детстве ей самой в своей семье. Именно поэтому мысль К. Маркса о том, что «семья несет в себе зародыш... рабства», сразу же была воспринята ей так близко к сердцу. «Если революция не уничтожит под корень базовую ячейку общества, биологическую семью — трещину, через которую в любой момент может проникнуть психология власти — то паразита эксплуатации никогда не вывести»⁴⁴⁸.

Ее книга быстро стала бестселлером, что, несомненно, указывает на острейшую актуальность затронутых ею проблем. С. Файерстоун впервые в истории феминизма поставила вопрос системно, утверждая, что «феминистки должны поставить под сомнение не только всю культуру Запада, но и саму систему культуры в целом и, более того, даже устройство самой природы». «Различия гениталий не должны больше иметь культурного значения». Ей принадлежат хлесткие лозунги: «Беременность — это варварство», детство —

⁴⁴⁸ Фалуди С. Смерть революционерки // Нью-Йоркер. [Электронный ресурс]

это «управляемый кошмар». За выразительность и откровенный радикализм определений ее книга получила ехидное прозвище «цитатник Мао для женщин»⁴⁴⁹.

Одной из наиболее ярких фигур европейского крыла радикального феминизма является француженка Моник Виттиг, чьи работы отражают увлеченность лингво-семиотическими методами исследования бессознательного, практикуемых в русле развития ультрамодного в 1960-х структурализма. М. Виттиг подчеркивала взаимосвязанность языка и власти, и, следовательно, его политическую значимость. В ее картине мира лингвистическая обусловленность дихотомии власти и подчинения, вытекающая из природной предопределенности разделения полов и связанной с этим гетеросексуальности, означала тотальную неизбежность социального неравноправия, связанного с полом. При этом, обращаясь к семиотическому пониманию проблематики (рассматривающему любые знаковые системы, как своеобразный «язык»), она говорила о множестве языков, постоянно используемых в социальной действительности. Именно в работах М. Виттиг феминистская теория дошла до концептуально-идеологической крайности своего радикализма (в том числе и в своей гендерной ипостаси, грядущей через четверть века – поскольку основные идеи основоположницы гендерной теории Дж. Батлер вторичны относительно идей М. Виттиг⁴⁵⁰).

Демонстративное позиционирование себя, как лесбиянки, в рамках принимаемого М. Виттиг миропонимания можно интерпретировать, как поиски выхода из ситуации «гетеросексуальной неизбежности». Именно принятие М. Виттиг, как бесспорного и общепонятного, положения о природной обусловленности, «естественности» мужского доминирования, универсальности

⁴⁴⁹ Фалуди С. Смерть революционерки // Нью-Йоркер. [Электронный ресурс].

⁴⁵⁰ Кондаков А. Дерадикализация российского феминизма, или Как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. // Неприкосновенный запас — 2013. — 2 (88).

этого явления, вытекающего из самого факта биологического разделения полов, побудило ее к поиску возможности борьбы против угнетения в достижениях структурной лингвистики. Если язык не выражает структуру реальности, а, напротив, сам формирует образ реальности у человека, использующего язык⁴⁵¹, то и устранить любые междуклассовые отношения – несправедливость, например – можно, изменив структуру языка, пользуясь которым мы различаем эти классы и характеризуем их взаимодействие. «Больше не должно быть женщин и мужчин, и как классы и категории философии и языка они должны исчезнуть, политически, экономически, идеологически. Если мы, лесбиянки и геи, продолжим говорить о себе как о женщинах и как о мужчинах, мы будем служить инструментом для сохранения гетеросексуальности... Трансформация экономических отношений не поможет. Мы должны произвести политическую трансформацию ключевых концепций»⁴⁵².

Масла в огонь феминистской ярости подлил успех антропологической концепции К. Леви-Стросса, продемонстрировавшего фундаментальное значение обычая «обмена женщинами» у т. наз. «примитивных» народов для понимания истоков развития человеческого общества. С позиций М. Виттиг, «властный диктат Бессознательного» требует обмена женщинами, как необходимого условия для существования любого общества, формируя символическую упорядоченность, без которой не существует ни смысла, ни языка, ни общества. «Но что означает обмен женщинами, как не то, что они находятся в подчинении? Не удивительно, что существует всего одно Бессознательное, и что оно гетеросексуально... поскольку, как сказал Леви-Стросс, «мы говорим...», позвольте и нам сказать: мы разрываем гетеросексуальный контракт»⁴⁵³.

⁴⁵¹ Гутнер Г.Б. Лингвистический поворот / Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И.Т. Касавин — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». — 2009.

⁴⁵² Виттиг М. Натуральное мышление // Митин журнал, №59, Тверь. [Электронный ресурс].

⁴⁵³ Виттиг М. Натуральное мышление // Митин журнал, №59, Тверь. [Электронный ресурс]

С точки зрения М. Виттиг, половую дифференциацию вовсе не следует рассматривать, как явление, обуславливаемое некими существующими (эссенциальными) особенностями: «феминистский подход к угнетению женщин разрушает идею, что женщины - это "естественная группа людей, материально определенных своим телесным устройством". Разделение на «мужчин" и "женщин" – «политическая концепция противопоставления», это «всего лишь способ, используемый хозяевами для интерпретации исторической ситуации подчинения». По сути, М. Виттиг была сформулирована концепция «принудительной гетеросексуальности», которая в ее понимании неразрывно соединена с универсальностью природы угнетения, обуславливаемого половой (а не социальной) дифференциацией. Отсюда следовали ее лозунги: «Лесбиянка – не женщина!» и «Мы разрываем гетеросексуальный контракт!», поскольку термин „женщина“ получает смысл только в рамках обусловленных гетеросексуальностью мировоззрения и экономики. Будучи теоретиком феминизма, она заклемила "миф о женщине", назвала гетеросексуальность политическим режимом, представив задаваемый структурами языка, сформировавшимися в патриархатной культуре, «миф о гетеросексуальности» в качестве основы «социального контракта», закрепляющего нормы гендерно обусловленного неравенства в обществе.

В 1975 г. в США увидело свет еще одно произведение, со временем занявшее свое место в списках феминистской классики: «Обмен женщинами. Заметки по политэкономии пола» Гейл Рубин, содержащее попытку переосмысления существующих тенденций в феминистской теории. Несмотря на серьезность поднимаемых вопросов, автор демонстрирует не только широкую эрудицию, но и чувство юмора: упрекая К. Маркса за то, что его «анализ воспроизводства рабочей силы даже не объясняет, почему именно женщины, а не мужчины выполняют домашнюю работу», она приводит его рассуждение о необходимых предпосылках воспроизводства труда, которые

определяются биологическими потребностями, физическими условиями, и, наконец, — культурной традицией: «Маркс заметил, что пиво необходимо для воспроизводства английского рабочего класса, а вино — французского»⁴⁵⁴.

Труд Г. Рубин представляет из себя попытку создать феминистский постфрейдистский синтез исторического материализма К. Маркса и структурализма К. Леви-Стросса. «...Нам нужно создать «политическую экономию» систем отношений между полами (sexual systems). Мы должны изучать каждое общество, чтобы определить точные механизмы... В конце концов, кто-то же должен написать новый вариант «Происхождения семьи, частной собственности и государства», исходя из взаимосвязей сексуальности, экономики и политики и отдавая должное значимости каждого из этих факторов для человеческого общества». Г. Рубин подчеркивает особое значение работы Ф. Энгельса, по ее замечанию «марксизм как теория общественной жизни практически не учитывает тех ее аспектов, которые связаны с полом. Энгельс встраивает пол и сексуальность в свою теорию общества <...> Мысль о том, что «отношения между полами» можно и нужно отличать от «производственных отношений» — весьма важное открытие Энгельса»⁴⁵⁵.

В своих рассуждениях Г. Рубин отталкивается от концепции К. Леви-Стросса, показавшего, что обычай «обмена женщинами» между общинами играет очень важную роль в зарождении структур родства и общественных отношений в целом, а с самим фактом существования такого обмена связана возможность описать такие процессы, как экономические. Анализ исторического развития такой «экономики» позволяет рассматривать ее в политэкономическом ключе. Действительно, «до появления государства упорядочиванию общественных отношений служил институт родства».

⁴⁵⁴ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономике пола [Электронный ресурс]

⁴⁵⁵ Ibid.

Рассмотрение явления гендера, как исключительно социального феномена (при полном игнорировании биологической составляющей поведения человека) закономерно приводит к соответствующим заключениям: «Гендер является **социально навязанным** разделением полов. Это продукт социальных отношений сексуальности. Системы родства, опираясь на брак, трансформируют биологических особей мужского и женского пола в категории «мужчин» и «женщин», каждая из которых представляет собой неполноту, половину, которая может обрести целостность при соединении ее с другой половиной». Рассуждая подобным образом, Г. Рубин движется в русле идей К. Леви-Стросса, считавшего, что «разделение труда по половому признаку является не чем иным, как средством образовать состояние взаимозависимости между полами» и может... рассматриваться, как запрет, который усугубляет биологические различия между полами и тем самым создает гендер. Разделение труда может также рассматриваться как запрет, налагаемый на иные сексуальные отношения, нежели чем между одним мужчиной и одной женщиной, и тем самым провоцирующий гетеросексуальный брак»⁴⁵⁶. Далее следует закономерный вывод: «Разделение полов ведет к **подавлению личностных черт каждого** человека: и мужчин, и женщин»⁴⁵⁷, способствуя формированию социальной системы, порождающей угнетение женщин в процессе обмена и т.д.

Встав на путь, по сути, борьбы с собственной природой (биологией пола), Г. Рубин идет по нему до логического завершения: «...нас угнетают не только *как* женщин, нас угнетает то, что мы должны быть женщинами или мужчинами в зависимости от ситуации». По ее мнению, феминистки должны стремиться к большему, чем просто уничтожение угнетения: то есть к уничтожению самой половой дифференциации и «обязательных половых ролей». Своей мечтой Г.

⁴⁵⁶ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономике пола» [Электронный ресурс]

⁴⁵⁷ Ibid.

Рубин объявляет создание «андрогинного и безгендерного (хотя и не бесполого) общества, в котором анатомия половых органов не имела бы никакого значения для того, какую профессию выбирать и с кем заниматься любовью».

Принципиальная достижимость подобных мечтаний аргументируется в рамках постфрейдистской психологии: «В доэдиповой фазе развития дети обоих полов являются **психически одинаковыми**, а значит дифференциацию детей мужского и женского пола необходимо объяснять, а не считать данностью. Дети на доэдиповой стадии развития являются бисексуальными... Итак, развитие женственности больше **не могло считаться безусловным следствием биологии...** Идея о существовании доэдиповой фазы у женщин продемонстрировала несостоятельность выведенных из биологии представлений»⁴⁵⁸.

В итоге Гейл Рубин делает ряд заключений, в конечном счете обусловленных уровнем развития науки своего времени (то есть «доэтологический» период развития биологии):

- 1) Гендер является **социально навязанным** разделением полов.
- 2) Разделение полов ведет к **подавлению личностных черт** каждого человека: и мужчин, и женщин.
- 3) В доэдиповой фазе развития дети **обоих полов являются психически одинаковыми**
- 4) Из трех вышеперечисленных заключений логично выводится обобщение: «развитие женственности больше **нельзя рассматривать безусловным следствием биологии**».

Остается вопрос, чем же является «биология» в глазах Г. Рубин? Вопрос тем более важен, что, согласно ее оценкам, «Фрейд никогда не

⁴⁵⁸ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономике пола. [Электронный ресурс]

придерживался... жесткого биологического детерминизма...»⁴⁵⁹, хотя его тексты оставляют простор для подобного прочтения. Психоанализ в Европе (в отличие от американской версии), особенно французская школа, стремится «дебиологизировать Фрейда и осмыслить психоанализ как **теорию информации**, а не как **теорию строения органов**. Жак Лакан... утверждал, что Фрейд никогда не имел в виду анатомию и что теория Фрейда — это теория языка и **культурных смыслов**, которые приписываются **анатомии**»⁴⁶⁰.

Очевидно, что «биология» в понимании Г. Рубин сводится к «анатомии» и «строению органов», а противопоставляется этой «грубой материи» не что иное, как «теория информации», теория языка и культурных смыслов. Таким образом, мы снова видим противопоставление низменного телесного и земного - возвышенному и нетленному духовному. Отметим, что американская феминистка выстраивает свои рассуждения в русле установок, заданных еще в раннем средневековье (Бл. Августин). Воистину, «в то время как историк ищет успокоения в знании, эпистемолог жаждет удивления»⁴⁶¹.

Представления о биологии, в которой «строение органов» существует отдельно от «информационного обмена», устарели уже к тому моменту, когда были сформулированы Г. Рубин -- в середине 70-х гг XX в. – и уже тогда выглядели дремучим анахронизмом. На тот исторический момент прогресс в биологических науках, в первую очередь таких, как нейрофизиология, биофизика, молекулярная биология и т.д., позволил понять, что информационный обмен любого живого организма с окружающей средой является сутью явления жизни. Непрерывный обмен информацией, например, в

⁴⁵⁹ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономии пола // Womention.org [Электронный ресурс]

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19

виде сигнальных молекул, отдельных органов или клеток между собой происходит непрерывно внутри любого организма⁴⁶².

В 1970-е уже был издан целый ряд работ, обобщающих развитие теории информации применительно к биологии, медицине и психологии⁴⁶³. Благодаря развитию семиотического подхода стало возможным, наконец, представить живую природу в целом, как знаковую систему, внутри которой не прекращается обмен потоков энергии и информации. Как указывал Н. Винер: «в многочисленных примерах... мы встречаемся с тем фактом, что обратная связь не только участвует в физиологических явлениях, но и является совершенно необходимой для продолжения жизни»⁴⁶⁴. А в рассматриваемом Г. Рубин случае специфика анатомии, обусловленная полом, и вовсе может быть представлена, как функция информационного обмена, реализуемого в рамках физиологических процессов, в первую очередь, гормонального запуска программ развития анатомических структур организма. «Вся органическая природа является одним сплошным доказательством тождества или неразрывности формы и содержания. Морфологические и физиологические явления, форма и функция обуславливают взаимно друг друга»⁴⁶⁵.

Представления о биологии, как об описательной науке (сводимой к знанию анатомического устройства) – наследие до-дарвиновской научно-образовательной традиции. Заключение Г. Рубин о «психической одинаковости» разнополых детей в «доэдиповой фазе развития» основывались на доминировавших в то время в психологии представлениях, к базовым предпосылкам которых относится концепция «*tabula rasa*», принятая не только в психоанализе, но и играющая ключевую роль в бихевиористском объяснении

⁴⁶² Гапанович С.О., Левченко В.Ф. К вопросу об информационной антропоэкологии // Принципы экологии. — 2017. — № 4. — С. 4–16.

⁴⁶³ Веккер Л. М., Восприятие и основы его моделирования — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964.

⁴⁶⁴ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине — М.: Советское радио, 1958.

⁴⁶⁵ Маркс К. Диалектика природы: Соч., т.20. / К. Маркс К., Ф. Энгельс. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — С.339-626

явления обучения⁴⁶⁶. Эта концепция подразумевает, что «разум новорожденного ребенка не содержит врожденных мыслей или принципов, а человеческое понимание возникает из чувственных данных и жизненного опыта»⁴⁶⁷, из чего выводится принцип равенства способностей у всех людей на момент их рождения, с чем связывается возможность их взаимозаменяемости. Ортодоксальные приверженцы бихевиористского подхода уверены, что сознание человека при рождении можно уподобить «чистому листу бумаги, а все, что он думает, чувствует, знает и во что он верит»⁴⁶⁸, объяснимо с помощью «кондиционирования», то есть рефлекторного «обусловливания»⁴⁶⁹. В рамках такого подхода «обучение не есть функция внутренних правил или ментальных «механизмов»», при этом обучаемый субъект считается лишенным «каких-либо априорных ментальных структур, способных влиять на его будущее развитие»⁴⁷⁰. Таким образом, эта концепция полностью исключает из рассмотрения возможность генетической (т.е. биологической) обусловленности способностей человека.

Широкое распространение подобных представлений в научном мире было связано с сильнейшим воздействием экспериментальной психологии В. Вундта и учения И. Павлова о рефлексах, убедительно согласовывавшихся между собой. Первоначальные успехи этих теорий «ввели в заблуждение... весь научный мир, уверовавший, что на основе рефлекса и условной реакции можно объяснить "все" поведение животных и человека»⁴⁷¹ вообще. В стремлении «превратить психологию в естественную науку» (согласно представлениям того времени о естественных науках – то есть сугубо механистических) «эти направления исследований ориентировались, как это ни странно, не на

⁴⁶⁶ Бихевиоризм / Аналитическая философия сознания / Под ред. М. В. Лебедева. [Электронный ресурс]

⁴⁶⁷ Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о tabula rasa // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴⁶⁸ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, /К. Лоренц — М., Республика, 1998.

⁴⁶⁹ Викенс Д. Классическое обусловливание (classical conditioning) [Электронный ресурс]

⁴⁷⁰ Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о tabula rasa // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴⁷¹ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. — М., Республика, 1998

биологию, а на образец физики, где как раз в это время атомная теория торжествовала свои победы»⁴⁷². Именно этим объясняется «допущение, что поведение живых существ, как и все в материальном мире, должно состоять из отдельных неделимых элементов»⁴⁷³. Таким образом, поведение человека, да и сам человек, должен был быть представлен в виде «суммы физико-химических составляющих», достаточно сложно взаимодействующих деталей общего устройства, а человеческое сознание объявлялось не более, чем предрассудком прошлого. По словам Джона Ватсона, автора книги «Бихевиоризм», ставшей «манифестом этого направления»: «Бихевиоризм утверждает, что сознание не является ни определенным, ни имеющим какое-либо применение понятием... вера в существование сознания восходит к древним временам предрассудков и магии»⁴⁷⁴ (в русле развития подобной идеологии следует расценивать существовавший в лаборатории И.П. Павлова запрет на употребление термина «психология», который следовало заменять термином «физиология высшей нервной деятельности»). Подобные механистические представления об устройстве психики и ее связи с устройством головного мозга, сыграв, тем не менее, в свое время важную роль в развитии медицинской психологии, вскоре завели в тупик. Последствия были без каких-либо преувеличений трагическими: в качестве примера достаточно привести изуверскую практику лоботомии⁴⁷⁵, появившуюся в психиатрии в результате последовательного развития системы взглядов т. наз. локализационизма, который, в свою очередь, может считаться логичным развитием механицистского подхода.

Конрад Лоренц, как основоположник этологии (то есть научного направления, идеологически противоположного бихевиоризму), без лишних церемоний объявлял бихевиоризм «лженаукой», сравнивая его с опасной

⁴⁷² Ibid.

⁴⁷³ Ibid.

⁴⁷⁴ Watson J. B. Behaviorism / J. Watson — N.-Y., Norton and Co. — 1970 — (оригинальное издание — 1924).

⁴⁷⁵ Паевский А. Рассекая белое вещество или постыдная Нобелевская премия [Электронный ресурс].

болезнью. Сходной позиции придерживался и великий американский (изначально советский) биолог, один из основателей современной генетики и Синтетической Теории Эволюции (СТЭ), Ф. Добжанский, по мнению которого концепция *tabula rasa* – миф, придуманный в конце XVII в., (куда более древний, чем дарвинистская биология), но очень опасный, равно как и противоположный ему идеологически миф о генетической предопределенности: «мифы эти придуманы для объяснения умозрительных представлений или природных феноменов, которые слишком сложны и недостаточно хорошо изучены, чтобы получить бесспорное толкование»⁴⁷⁶. Оба мифа, по его мнению, не приносят какой-либо пользы и вызваны к жизни политической конъюнктурой.

По мнению Ф. Добжанского, и те, кто верит в реальность генетического детерминизма, и те, кто придерживается противоположных взглядов (то есть концепции *tabula rasa*), ошибаются, поскольку путают социальное с биологическим. Они не «могут отличить человеческое равенство от генетической идентичности и неравенство от генетического разнообразия. Неравенство возможностей или социального статуса относятся... к социополитическому устройству... Генетические идентичность и разнообразие представляют собой природные феномены»⁴⁷⁷.

Ф. Добжанский считал, что расхожее мнение, согласно которому «изучение генетики поведения человека служит обоснованием расизма», основано на «мифе о генетическом предопределении». Считая подобную «обоснованность» глупостью, ученый негодовал по поводу «неспособности увидеть, что именно генетика подрывает всякое подобие обоснованности расистских представлений. Равенство возможностей необходимо, потому что люди различны. Цель такого равенства не в том, чтобы сделать всех одинаковыми, а в том, чтобы помочь

⁴⁷⁶ Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴⁷⁷ Ibid.

каждому человеку реализовать свои общественно полезные потенции». А «ошибочность расизма – в ошибочности типологического мышления. Отдельный человек – не бледное отражение платоновской идеи своей расы, класса или семьи. В противоположность типологическому популяционное мышление, основанное на генетике, рассматривает каждого человека как уникальное явление, неповторимую индивидуальность»⁴⁷⁸.

Логика аргументации Ф. Добжанского в полной мере применима и к утверждению «половая дифференциация служит механизмом подавления «личностных черт»» – это такое же «типологическое заблуждение». Законы природы не могут «нести ответственность» за откровенную глупость. Тем не менее, представления о возможности для детей быть «психологически одинаковыми», равно как и мечты о людях, лишенных какой бы то ни было дифференцированности по признаку пола (и таким образом унифицированных), следует рассматривать, как вполне логичный вывод из неверных предпосылок (концепции «*tabula rasa*» и др.). Ложность этих предпосылок выяснилась позднее в связи с быстрым развитием биологических наук в последней трети XX века и радикальной сменой соответствующей парадигматики.

Что касается утверждения о «навязанности» гендера культурой (а не «обусловленности» физиологией человека и биологией в целом), то оно, по сути, сводимо к декларации отрицания фундаментальных законов природы. Такое декларирование следует интерпретировать уже не в русле Прометеевского богоборчества (т.е. отрицания устаревших канонов и традиций, мешающих развитию), а как вопиющее невежество в естественнонаучной сфере.

Здесь мы снова возвращаемся к традиции противопоставления природы и человека, природы и культуры, «животного» и духовного. Из того, что человек не существует вне культуры, вовсе не следует необходимость истребления всего

⁴⁷⁸ Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Ethology.ru [Электронный ресурс].

«природного», «биологического» в человеке. Представления о «низменности» животного, биологического, «миф о звере внутри» человека, являясь по сути секулярной версией христианской доктрины первородного греха⁴⁷⁹, мешают пониманию природы человека, в результате происходит замена одного мифа другим, из чего следует необходимость демифологизации научных представлений в этой области⁴⁸⁰. Догматические представления о раздельном сосуществовании умственного и биологического, телесного, т.е. концепция «дух в машине» («Ghost in the machine»), гласящая, что «у каждого из нас есть душа, которая делает выбор независимо от биологии»⁴⁸¹), содержат категориальную ошибку⁴⁸², которая мешает видеть эволюционную основу человеческого поведения.

Отсюда можно заключить, что тезис о «навязанности» гендера социальными установлениями, об искусственной «сконструированности» половых различий в рамках культуры, как задаваемой языковыми нормами концепции⁴⁸³, сформулированный в 60-х - 70-х г.г. прошлого века, опирается на биологические и психологические представления, безнадежно устаревшие к настоящему времени, учитывая стремительный прогресс за эти десятилетия в области биологических наук. Понимание законов природы не эквивалентно своеволию в их интерпретировании, из чего следует необходимость представить, как критически важное условие, соблюдение непротиворечивости установлений культуры (которая с экологических и этологических позиций является видоспецифической адаптацией к условиям окружающей среды) и законов природы. Хотя коэволюция природы и общества (иногда называемая генно-культурной коэволюцией) не является естественнонаучной областью

⁴⁷⁹ Klama J. Aggression: The Myth of the Beast Within / J. Klama — publ.: John Wiley & Sons Inc, 1988.

⁴⁸⁰ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁴⁸¹ Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature / S. Pinker — New York, NY: Viking. — 2002.

⁴⁸² Tanney J. "Gilbert Ryle" // in Stanford Encyclopedia of Philosophy — Dec 18, 2007 URL

⁴⁸³ Виттиг М. Натуральное мышление // Митин журнал, №59, Тверь: [Электронный ресурс]

исследований, теоретическая работа предполагает, что это одно из перспективных направлений⁴⁸⁴.

В 1985 г., через пятнадцать лет после выхода «Диалектики пола», была написана следующая работа, получившая сразу широчайшую известность и активно упоминаемая до сих пор: «Манифест киборгов» Донны Харауэй. Главная «новизна» этой работы заключалась в том, что прежние концепции «гендерного неравноправия» были помещены в новые декорации достижений научно-технического прогресса, ушедшего за эти годы достаточно далеко вперед. Читателю предлагается подождать, пока половое разделение исчезнет просто по мере научно-технического развития цивилизации и исчезновения прежнего, «биологического» человека. Этот процесс, как считает Д. Харауэй, уже идет. По сути, в этой работе автор предлагает «окончательное решение» вопроса о Человеке, как биологическом виде - вполне в духе идеологии трансгуманизма.⁴⁸⁵

Начало «третьей волны» феминизма принято отсчитывать от выхода в 1990 году работы Джудит Батлер «Гендерное беспокойство: феминизм и ниспровержение идентичности». Несмотря на то, что эту работу часто называют «этапной» или «революционной», она фактически не содержит концептуально новых идей. Что гендерные роли являются политически обусловленным конструктом, который задается с помощью повторяющихся практик, речи и языка, которые формируют канон, предписывающий конкретные формы гендерных, сексуальных отношений – все это почерпнуто Дж. Батлер у своих предшественниц. В качестве «источника вдохновения» Дж. Батлер в первую очередь следует назвать М. Виттиг, переосмыслению идей которой в работе «Гендерное беспокойство...» уделяется главное внимание. Формулировки Батлер опираются на работы М. Виттиг, так же подвергавшей критическому

⁴⁸⁴ Басс Д., Эволюционная психология: споры, вопросы, перспективы, и ограничения. [Электронный ресурс]

⁴⁸⁵ Харауэй Д. Манифест киборгов [Электронный ресурс].

анализу онтологический статус категорий пола и гендера: «...порядок, который сделал естественным неравенство, не способен его уничтожить, поскольку именно неравенство питает его силы. Вслед за Виттиг Батлер считает, что повторяемые в языке конструкты «производят эффекты реальности, которые, в конце концов, неправильно интерпретируются как факты»⁴⁸⁶. Но что в работе Батлер есть действительно революционного, так это вовсе не наличие неких новых концепций, а наоборот – отсутствие прежних, без которых было невозможно представить себе феминистскую философию «второй волны», а именно марксистских. К. Маркс вскользь упоминается на протяжении работы трижды (в одной из глав, называющейся «Запрет, психоанализ и создание Гетеросексуальной Матрицы»), Ф. Энгельс и того меньше, но о сколько-нибудь существенном анализе марксизма речь больше не идет. Зато по отдельному параграфу удостоиваются Мишель Фуко, Моник Виттиг и Юлия Кристева. Очевидно, что если раньше единственную достаточно разработанную теорию угнетения можно было найти только у К. Маркса, то начиная с «Гендерного беспокойства...» в качестве «главного теоретика угнетения» в феминистской литературе предлагается рассматривать М. Фуко. Очевидна демонстративная перестановка акцентов в проблематике угнетения и неравенства: с отношений социальных классов на отношения полов, задаваемые средствами языка, и т.п.

Более того, в этой своей работе Дж. Батлер предлагает вообще снять с повестки проблему равенства полов, по крайней мере, в ее прежнем понимании, поскольку борьба за такое равенство предполагает признание *ab ovo* статуса «женственности» или «мужественности», то есть признания того самого гендера (а в понимании радикального феминизма, и пола), той самой «идентичности, которая была навязана всей предшествующей историей и обществом». Как считала Дж. Батлер, противоречие состоит в том, что «женщины хотели быть

⁴⁸⁶ Кондаков А. Дерадикализация российского феминизма, или Как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. // Неприкосновенный запас — 2013. — 2 (88).

равноправными и свободными, но по-прежнему должны были обладать стандартными женскими добродетелями»⁴⁸⁷. Из этого следует один из наиболее популярных лозунгов феминизма «третьей волны»: провозглашение «стремления к свободе в том числе и от тех ограничений, которые были навязаны старым феминизмом»⁴⁸⁸. Соответственно на передний план в феминизме «третьей волны» настойчиво выдвигается дискуссия вокруг понятия идентичности (под которой теперь подразумевается в первую очередь гендерная идентичность, исследованием разнообразных вариантов которой занимается квир-теория). Тем не менее, продолжает развиваться и направление феминистской теории, не считающее необходимым отказ от переосмысления марксистской теории. В русле этого направления угнетение женщин продолжает рассматриваться, как частный случай капиталистического и классового угнетения, предполагающее продолжение эксплуатации неоплачиваемого домашнего женского труда, который никак не оценивается, но при этом вносит ключевой вклад в наше благосостояние. В целом на данном, продолжающемся и поныне, этапе развития, разнообразие мнений и направлений исследований не позволяет говорить об идеологическом единстве феминистской теории (впрочем, подобная какофония мнений восторженно приветствуется апологетами постмодернизма).

Кульминацией драматического пути, пройденного радикальным феминизмом, можно считать литературное наследие М. Виттиг, в котором нашли свое отражение идеи К. Леви-Стросса и М. Фуко. Ее тезисы о возможности представления разделения полов, как способа подчинения, то есть как политической концепции, не о естественной, а об искусственной «сформированности» половых различий в рамках культуры, как задаваемой языковыми нормами «концепции различий между полами, онтологически

⁴⁸⁷ Мартынов К. Гендер и политика в работах Джудит Батлер // Постнаука.ру. [Электронный ресурс].

⁴⁸⁸ Ibid.

конструирующей женщин»⁴⁸⁹ ⁴⁹⁰ и т.д., инициировавшие развитие «третьей волны» феминизма, впоследствии получили развитие в рамках гендерной философии.

Показательно, что в своем «главном» романе «...Виттиг фактически воспроизводит "лучшие образцы" мужского шовинизма»... Её книги «можно рассматривать как логическое завершение феминистской идеологии: начинаясь как совершенно оправданное движение за предоставление женщинам прав и свобод наравне с мужчинами и фактически добившись их, феминизм продолжал двигаться по инерции, разрушая уже не социальные предрассудки, но сам себя»⁴⁹¹. Парадоксальным результатом полуторавековой борьбы феминисток против мужского угнетения стало то, что «уравнивание мужчин и женщин в сфере отношения полов выразилось не в появлении новых норм поведения, а в признании за женщиной права вести себя так, как вели себя мужчины на протяжении всей истории классового общества»⁴⁹². Результат вполне объясним, если допустить реальность существования биологически обусловленных полоролевых особенностей мужского и женского поведения. Поскольку (в силу исторически сложившегося положения) среди тех, кто формирует мировоззрение и общественные взгляды, преобладают мужчины, эти взгляды так или иначе несут на себе оттенок маскулинности. Но «усвоение женщиной мужских взглядов на мир и себя – гарантия постепенного роста неудовлетворенности ею собой, невротизации, переживания ущербности достигаемой самореализации. Отсюда высвечивается необходимость в создании «женской» системы представлений о мире, ценности и приоритеты которой

⁴⁸⁹ Виттиг М. Женщиной не рождаются // Митин журнал, №59, — Тверь. [Электронный ресурс]

⁴⁹⁰ Виттиг М. Натуральное мышление // Митин журнал, №59, Тверь: Kolonna Publications. [Электронный ресурс]

⁴⁹¹ Гейде М. Расчлененка // Независимая газета. — 23.06.2005. [Электронный ресурс]

⁴⁹² Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

были бы адекватны природным полоролевым особенностям женской психологии»⁴⁹³.

Нельзя не отметить, что в нашей стране еще в 1920-е годы уже разрабатывались те самые идеи, которые окажутся в центре дискуссий феминисток «третьей волны» на Западе. То есть за десятилетия до начала «второй волны» советский феминизм в лице А. Коллонтай уже развивал те идеи, до которых западный феминизм «дозреет» только в 1990-е. «В работах революционерки Александры Коллонтай успешно осуществлялась деконструкция «традиционных» гендерных структур, в которых она подмечала основы неравенства в сексуальных отношениях»⁴⁹⁴. В своих статьях и выступлениях А. Коллонтай с энтузиазмом расправлялась с общеизвестными полоролевыми стереотипами, с нормами «буржуазной морали» и т.д. – много позже по сути тем же самым будут заниматься Анджела Дэвис и Джудит Батлер. Но в рассуждениях А. Коллонтай суть проблемы состоит в социальном неравенстве, а возможность достижения «нового отношения к полу» она видела в развитии коллективистских норм морали: «На смену буржуазии, с ее индивидуалистическим кодексом сексуальной морали, идет новая социальная группа... Этот передовой, восходящий класс не может не таить в своих недрах зачатков новых отношений полов, тесно связанных с его классовыми и социальными задачами»⁴⁹⁵.

По всей видимости, тот факт, что настоящее равенство полов утвердилось в России по историческим меркам достаточно быстро, объясняется в том числе и лексической спецификой русского языка, в котором для понятий «мужчина» и «человек» существуют разные слова. Перифразируя известный афоризм, можно

⁴⁹³ Филимонок Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход [Электронный ресурс].

⁴⁹⁴ Кондаков А. Дерадикализация российского феминизма, или Как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. // Неприкосновенный запас — 2013. — 2 (88).

⁴⁹⁵ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. — М.: ВЦИКС, — 1919. — С. 55–56

сказать, что «Россия забыла об эмансипации женщин больше, чем Запад когда-либо о ней узнает»⁴⁹⁶.

Подытоживая, можно сказать, что «своя правда наличествует у феминисток, если не доводить феминизм до абсурда, и гендер – как социальный облик биологического пола – не выдумка, а продуктивное понятие и концепт, если его не фетишизировать, превращая в инструмент политической идеологии и пропаганды»⁴⁹⁷.

3.2. Проблема биологических оснований однополых браков

Брак (или брачный союз, супружество) — специфическое общественное установление, формализующее взаимную совместную жизнь людей, относящееся к числу наиболее важных «социальных механизмов»⁴⁹⁸. К принципиально важным уточнениям определения брака относится его целеполагание – к классической (традиционной) форме брака относится таковой, предполагающий рождение и последующее воспитание детей, то есть создание семьи. Формы брака могут быть различными – моногамный или полигамный, к которому могут быть отнесены полигиния или андрогиния. Все эти формы брака встречались и продолжают встречаться в истории разных народов, так или иначе они могут рассматриваться, как различные формы адаптации той или иной популяции вида *Homo sapiens* к специфическим (историческим, природным и т.п.) условиям окружающей среды. В условиях современной цивилизации (а это в первую очередь именно городская цивилизация) регулирование брачных союзов обществом (то есть их

⁴⁹⁶ Алкснис И., Страна победивших женщин, или почему в России презирают феминизм? [Электронный ресурс]

⁴⁹⁷ Клех И. Ю. Пол – судьба или выбор? О душе мира, гермафродитах и философе Отто Вейнингере [Электронный ресурс]

⁴⁹⁸ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс]

регистрация государственными органами) как правило происходит с помощью юридической системы. За пределами регистрации брачных союзов путем юрисдикции может оставаться большое число вариантов объединений людей, как предполагающих какие-то варианты половой жизни (свободное сожителство и пр.), так и не предполагающих их (дружеские связи и т.п.). Таким образом, брак сам по себе, как таковой – это явление культуры, один из видов формальной организации общества, реализуемый с помощью юридической системы, а те отношения, которые формализуются таким образом (совместная жизнь, подразумевающая именно половые отношения и последующее деторождение), являются частью человеческой природы, его «биологического существования» в рамках непрерывного в течение тысячелетий существования той или иной этнопопуляции. Непротиворечивость человеческих установлений и законов природы является одним из центральных вопросов юриспруденции и философии права, проблематика которого рассматривается, как диалектика позитивного и естественного права⁴⁹⁹. Естественное право рассматривается, как вытекающее из природы и независимое от человеческой субъективности. Тем самым оно «противопоставляется позитивному праву, во-первых, как совершенная идеальная норма — несовершенной существующей, и во-вторых, как норма, вытекающая из самой природы и потому неизменная — изменчивой и зависящей от человеческого установления»⁵⁰⁰. Такая формулировка проводит параллель естественного права с естественными науками, а задача устранения противоречий «не может быть решена рациональным образом, если нет эталона, с помощью которого можно отличить подлинные потребности от мнимых...

⁴⁹⁹ Гуляихин В.Н. — Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. – 2013. – № 3. – С. 221 – 238

⁵⁰⁰ Ibid.

Проблема, поставленная конфликтующими потребностями общества, не может быть решена, если мы не обладаем знанием естественного права»⁵⁰¹.

В этом контексте проблема так называемых «однополых браков» оказывается связана в первую очередь с возможностью отнесения этого явления к сфере естественного или позитивного права. Педальирование темы «естественности» гомосексуальности, распространенности ее в живой природе, апеллирующее к биологии, придавая ореол «научности» обсуждению, создает иллюзию «научной обоснованности» предполагаемой легитимации однополых браков. По всей видимости, здесь можно констатировать смешение понятий: с помощью естественнонаучной методологии может быть показана лишь реальность существования в природе явления гомосексуальности. Но сам брак, как «определенная социальная организация отношений между полами...»⁵⁰², целиком относится к явлениям культуры и «произволу человеческих установлений»⁵⁰³, таким образом, проблема в целом становится скорее юридической, выходя за рамки предмета биологии, как научной дисциплины. С другой стороны, с позиций биологического эволюционного подхода, экологического подхода, можно заметить, что культура по своему характеру адаптивна, динамика ее изменений обусловлена проблематикой самосохранения человечества, как биологического вида. И здесь ключевую роль может сыграть целеполагание института брака: подразумевает он продолжение рода или нет? Формулировки, определяющие брак, как «набор правил, предписывающих половую жизнь и запрещающие таковую»⁵⁰⁴, казалось бы, не упоминают деторождение в качестве принципиального условия, но на самом деле на протяжении всей человеческой истории (или на протяжении биологической эволюции, что означает гораздо большие масштабы времени) «половая жизнь»

⁵⁰¹ Штраус Л. Естественное право и история / Изд-во: Водолей Publishers, 2007. [Электронный ресурс]

⁵⁰² Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скеписис. [Электронный ресурс]

⁵⁰³ Гуляихин В.Н. — Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. – 2013. – № 3. – С. 221 – 238.

⁵⁰⁴ Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скеписис. [Электронный ресурс].

подразумевала именно деторождение и продолжение рода. Только во второй половине прошлого века одним из результатов научно-технологического прогресса явилось создание общедоступных контрацептивов, в связи с чем и стало возможным регулирование беременности, разделение понятий «половой жизни» в браке и «деторождения». Возможность сведения явления половой жизни (в браке) лишь «к получению удовольствия» по мере поступательного движения научно-технического прогресса привела к появлению понятия «киберсекс», соответствующему развитию секс-индустрии⁵⁰⁵ и обострению дискуссии (в том числе) о возможности легитимации «альтернативных» видов брака. Так или иначе, с позиций биологии популяций, эволюции биологических видов и т.д., рассмотрение любых видов «брака», не подразумевающих участия в размножении, выходит за пределы собственно «биологического» рассмотрения. Такой «брак» представляет из себя явление культуры, которое вряд ли может быть «обосновано» «естественностью» того или иного вида сексуальности, пусть даже и регулярно наблюдаемого среди животных.

Нужно подчеркнуть неэквивалентность категорий брака и сексуальности: брак – относительно недавнее (во всяком случае, по эволюционным меркам) человеческое установление, а сексуальность, как явление природы (биологии), существовала практически всегда – во всяком случае, речь может идти о сотнях миллионов, если не о миллиардах, лет со времени появления разнополых организмов в биосфере. Сама по себе природа гомосексуальности вполне может быть изучена с применением биологической методологии. Тем не менее, вовлечение в дискуссию о поведении человека этологических представлений осложняется традиционным недоверием психологов к подобным представлениям, подразумевающим существование биологически обусловленных наследственных свойств поведения человека. В основе этой

⁵⁰⁵ Утехин И.В. Доместикация пениса: на подступах к социодилдонике // Обратная связь. Книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию М. Рожанского — СПб, Норма. — 2014. — с. 353 – 360.

позиции онезыблемо зиждется концепция «*tabula rasa*, которая, представляясь своим сторонникам «естественнонаучным» обоснованием моральных ценностей (равенства), то, соответственно, этологические представления представлялись поддерживающими противоположную идеологию («они обвиняют этологию человека в «биологическом детерминизме», используя также выражения «биологический редукционизм», «биологический империализм»)»⁵⁰⁶.

Таким образом, спор между сторонниками и противниками этологии человека выходит за рамки научного и приобретает идеологический характер, важную роль в нем играет идеологическая предубежденность⁵⁰⁷⁵⁰⁸. Соответственно, и вся дискуссия, касающаяся интерпретации результатов биологических исследований явления гомосексуальности, предельно идеологизирована и разворачивается не столько вокруг собственно научных данных, сколько вокруг их интерпретации. «И сторонники, и противники существования наследственных свойств в человеческом поведении оперируют... одними и теми же фактическими данными... но это вовсе не мешает им доказывать противоположные взгляды»⁵⁰⁹. Но в случае поисков обоснования «естественности» гомосексуального поведения можно видеть, как желаемый вывод буквально «притягивался» путем применения не просто разных, но даже совершенно антагонистичных подходов к проблеме поведения, основывавшихся изначально либо на антиэтологических (бихевиористских, психоаналитических, социобиологических и пр.) установках, либо, позднее, уже на этологических. До того времени, когда этология разработала собственный понятийный аппарат, принципиально изменивший существовавшие представления о возможности наследования поведения, то есть до начала 1960-

⁵⁰⁶ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁵⁰⁷ Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁵⁰⁸ Pinker S. *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature* / S. Pinker — New York, NY: Viking. — 2002.

⁵⁰⁹ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

х, «считалось, что гомосексуализм полностью определяется воспитанием»⁵¹⁰. Робкие попытки усмотреть хотя бы какие-нибудь природные основания явления гомосексуальности выводились в русле доминирующих взглядов: «...*Но хотя биология задает предрасположенность... к сексуальной ориентации, только социальный опыт индивида определит, как именно эта склонность проявится*»⁵¹¹.

По мере развития биологических наук (в первую очередь понятийного аппарата эндокринологии и этологии человека) аргументация была соответственно скорректирована: «*Исследования гомосексуализма свидетельствуют о том, что это широко распространенное биологическое явление. Сексуальная ориентация в значительной степени является врожденным свойством человека.*»⁵¹².

Переломным моментом в дискуссии о том, считать ли гомосексуализм явлением врожденным или приобретенным, протекавшей в русле более общей дискуссии о «наследственных свойствах человеческого поведения», можно считать появление нейроэндокринной теории, в рамках которой были обобщены работы по перинатальному стрессу, доказавшие, что сексуальная ориентация формируется до того, как человек взрослеет. Основоположником этого направления принято считать доктора из ГДР Гюнтера Дернаера, в экспериментах на животных показавшего, что гомосексуальное поведение с большой вероятностью может быть объяснено нарушениями полового развития плода, происходящего в утробе матери. Поскольку половое развитие в пренатальный период происходит в определенной последовательности под действием гормонов, вырабатываемых материнским организмом, то нарушение выработки нужных гормонов в определенный

⁵¹⁰ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.

⁵¹¹ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / И.С. Кон — М. : Олимп, 1998.

⁵¹² Ibid.

период развития плода, например, по причине перенесения матерью сильного стресса в этот период, приводит к нарушению или задержке развития. В результате урожденный вероятнее всего будет демонстрировать гомосексуальное поведение в будущем. Остается заметить, что эта теория получила известность в 1980-е годы, а работы Г. Дернера опирались на большой массив германской медицинской статистики по состоянию здоровья детей, чьи матери во время беременности пережили бомбардировки финального этапа Второй мировой войны.⁵¹³

Нужно подчеркнуть, что в конечном итоге речь приходится вести все же именно о **нарушении** нормального развития, а не об одном из вариантов нормы (при всей условности этого понятия). Таким образом, остается констатировать, что «причина гомосексуальности лежит в нетипичном действии гормонов во время внутриутробного развития, а не на более поздних этапах⁵¹⁴. «Нетипичность» состоит в нарушении алгоритмов развития мозга эмбриона вследствие выброса в кровеносную систему будущей матери стрессовых гормонов.

Эволюционный подход, опирающийся на компаративистику, применительно к наукам о поведении выражается в развитии этологических и социобиологических представлений, на основе которых могут быть сформулированы «два главных вопроса: 1) является ли гомосексуальное поведение чем-то исключительным, характерным только для человека, или оно имеет аналоги в поведении животных? 2) Если такие аналоги есть, какова их функция в продолжении рода, сохранении популяции и т.п.?»⁵¹⁵.

К настоящему времени гомосексуальное поведение описано для многих видов животных, оно не является чем-либо исключительным. Вопрос о

⁵¹³ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.

⁵¹⁴ Ibid.

⁵¹⁵ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви / И.С. Кон — М. : Олимп, 1998..

«биологическом смысле» такого поведения, в свою очередь, подразделяется как минимум на две части, при этом очевидно, что никакую «функцию в продолжении рода» гомосексуальное поведение иметь не может, но вопрос о вероятном функциональном значении для сохранения популяции можно считать открытым.

Краткое перечисление преимуществ, которые дает половое размножение (очевидно, именно гетеросексуальное) с позиций популяционной генетики, составит следующий список:

1) быстрое распространение мутаций в популяции за счет передачи хромосом при скрещиваниях; 2) уменьшение действия вредных мутаций из-за того, что в результате образования диплоидного набора хромосом вредные мутации часто оказываются в неактивном (гетерозиготном) состоянии; 3) освобождение полезных мутаций от "вредного" груза за счет рекомбинации, происходящей между хромосомами после образования зиготы; 4) быструю реализацию мутаций в "генах интеллектуальности", расположенных в единственной X-хромосоме мужчин; 5) высокую ассортативность браков по степени интеллектуальности, что ускоряет эволюцию, направленную на повышение интеллекта⁵¹⁶.

Так же очевидно, что гомосексуальное поведение исключает участие особи в любом из перечисленных процессов. Тем не менее, вопрос относительно «биологического смысла» гомосексуального поведения все же можно считать до известной степени открытым, поскольку такое поведение представляет из себя, так или иначе, достаточно широко распространенный природный феномен. Можно усматривать некоторый «смысл» гомосексуального поведения в процессе «сохранения популяции», объясняя факты такого поведения у некоторых стайных животных, например, необходимостью снятия

⁵¹⁶ Вельков В. В. Для чего нужно половое размножение или Почему любовь прибавляет ума // Химия и Жизнь XXI век — 2003. — №4. — с. 30-33.

эмоционального напряжения в стае, демонстрацией иерархического подчинения, и т.п. Все это не противоречит представлениям о том, что гомосексуальность конкретной особи является результатом «нарушения полоролевой дифференциации»⁵¹⁷, вызванном «нетипичным действием гормонов»⁵¹⁸, поскольку относится к разным уровням описания биологических процессов: преимущества полового размножения проявляются на уровне популяций, а гомосексуальность, как феномен, проявляется на уровне индивидуальной особи. Рассуждая о природе гомосексуального поведения, еще А. Шопенгауэр замечал: «Значительным преобладанием мозга у человека объясняется то, что у него меньше инстинктов, чем у животных, и что даже эти немногие легко могут быть введены в обман. А именно, чувство красоты, инстинктивно руководящее выбором предмета полового удовлетворения, сбивается и заблуждается, если вырождается в склонность к педерастии»⁵¹⁹.

В качестве одного из наиболее часто упоминаемых «доказательств» распространенности гомосексуализма в животном мире приводится феномен образования однополых пар у пингвинов, в колониях которых это явление регулярно встречается. Тем не менее, обращение к элементарному статистическому анализу позволяет обоснованно поставить под сомнение первоначальные выводы о «естественности» выбора партнера того же пола, причиной не обязательно могут быть наследственные факторы...«Нельзя исключать, что эти произвольные физиологические реакции – следствие образа жизни, привычек и влияния окружающих».⁵²⁰ Таким образом, можно заключить, что в формировании гомосексуальности играют свою роль как обучение, влияние социальной среды, так и наследственные факторы⁵²¹, а гомосексуальное поведение вполне может рассматриваться, как «сбой

⁵¹⁷ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви / И.С. Кон — М. : Олимп, 1998

⁵¹⁸ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.

⁵¹⁹ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр — СПб.: Азбука, 2011г.

⁵²⁰ Алябьева Е. «Coitus ergo sum». Ethology.ru [Электронный ресурс]

⁵²¹ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.

программы поведения», провоцируемый «сбоем программы развития» (или нарушением нормального развития).

Доказательства «естественности» гомосексуальности по сути сводятся к демонстрации распространенности этого явления в животном мире, из чего делается вывод о его «естественности» вообще. Более взвешенный подход, избегающий деклараций, демонстрируя чрезвычайную сложность всего многообразия форм полового поведения, вариабельности проявлений сексуальности, недостаточную изученность этого комплексного явления в целом и, предлагая продолжить изучение явления, по сути, отказывает апологетам «естественности» гомосексуальности в их праве делать категорические выводы.

Известный отечественный исследователь проблем сексуальности, Игорь Кон, приводя обобщенный список аргументов в пользу «биологической обоснованности» гетеросексуального поведения, предлагает считать такую аргументацию «опровергнутой»:

«Традиционная биомедицинская модель сексуальной ориентации исходила из следующих общих предпосылок.

1. При всем многообразии её проявлений, человеческая сексуальность неразрывно связана с половым отбором. Сексуальность = репродукция.

2. Сексуальное поведение, не способствующее продолжению рода, биологически бесполезно, связано нарушениями в механизмах половой дифференциации организма. Сексуальность = гетеросексуальность.

3. Репродуктивное поведение предполагает половой диморфизм, взаимодополнительность функций полов. Гомосексуальность = инверсия полоролевых характеристик.

4. Причины этой инверсии могут быть установлены объективно, на уровне организма и его подсистем. гомосексуальность = биологический феномен.

5. Это делает в принципе возможными, если не сейчас, то в будущем, исправление или предотвращение гомосексуальности. гомосексуальность = медицинская проблема.

Современная наука опровергла первые два и поставила под сомнение следующие три постулата...»⁵²²

Надо отметить абсолютную произвольность подобных выводов. Если само перечисление вполне адекватно передает «биологический» подход к проблематике размножения, то резюмирующие выводы о «научном опровержении» лишней раз демонстрируют, что использование «одних и тех же фактических данных... вовсе не мешает доказывать противоположные взгляды», при чем «каждая из сторон трактует все это в свою пользу»⁵²³. Рассуждения И. Кона содержат некоторые вольные или невольные неточности. Если они «вольные», то это передергивание, подтасовка, а если невольные – то это ошибка, скорее всего - категориальная, к сожалению, этот тип ошибок часто встречается в дискуссиях о поведении человека. Ни о каком «научном опровержении» речи быть не может. Скорее, наука подтвердила первые четыре постулата и действительно поставила под сомнение (если не опровергла вообще) пятый. Первые два постулата содержат неточность, вытекающую из двойственности толкования термина «сексуальность», который, будучи рассмотрен в контексте биологической проблематики размножения (подразумевающей описание на уровне популяций, а не отдельных особей) в этом случае действительно означает именно гетеросексуальность. В таком случае второй из приведенных «постулатов» должен выглядеть не как

⁵²² Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / И.С. Кон — М. : Олимп, 1998.

⁵²³ Гороховская Е.А. «Гусиный отец» // Природа. — 2004. — №3. — С. 59-67

«сексуальность = гетеросексуальность», а как «репродукция = гетеросексуальность», и в таком виде этот постулат может быть «опровергнут» только вместе со всей биологией в целом. Но если И. Кон имел в виду, что «гомосексуальность» - это тоже вариант сексуальности, (что, собственно, и было показано современной наукой), то это никак не отменяет пресловутых «двух первых постулатов», а лишь вносит уточнение, которое требует адекватного обсуждения на совершенно другом уровне описания – индивидуальном, а не популяционном. Наука блестяще подтвердила «четвертый постулат», показав существование структурно-морфологических отличий в человеческом мозге, объясняющих как сексуально-ориентированное поведение, так и его различные отклонения⁵²⁴, тем самым поставив под серьезное сомнение возможность реализации «пятого постулата» - о «коррекции» или «лечении гомосексуальности». Кроме того, тем самым была очередной раз поставлена под сомнение адекватность концепции «*tabula rasa*», от которой И. Кон, по сути, отталкивается в своих построениях, утверждая, что «только социальный опыт» может определить характер полового поведения человека.

Согласно современным медико-биологическим представлениям, в течение внутриутробного периода мозг человеческого эмбриона развивается по мужскому типу под влиянием непосредственного действия тестостерона мальчика, а по женскому типу – по причине отсутствия этого гормона у девочки. В этот период программируются будущая половая идентичность, сексуальная ориентация и другие виды поведения. Поскольку половая дифференциация гениталий и половая дифференциация мозга происходят на разных сроках беременности, не совпадая по времени, то на эти два процесса возможно влиять независимо друг от друга, что приводит к тем или иным проявлениям транссексуальности. Это также означает, что в случае

⁵²⁴ Swaab D.F. Sexual differentiation of the brain and behavior. // Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism— September 2007. — Volume 21, Issue 3. — pp. 431-444.

неоднозначности проявлений пола при рождении степень маскулинизации половых органов может не отражать соответствующую степень маскулинизации мозга. В ходе исследований были продемонстрированы различия в структурах мозга и функциях мозга, которые связаны с сексуальной ориентацией и полом⁵²⁵. Таким образом, была доказана принципиальная возможность развития мозга по мужскому или женскому типу, не совпадающего при этом с полом тела. "Если все именно так и обстоит, то... нелепо говорить о свободе выбора и «правах» меньшинств, как нелепо говорить о «праве» лиц с врожденной или необратимо приобретенной патологией каких-либо органов сохранить ее как есть, выставлять напоказ и настаивать, что теперь это должно стать частью нормы. Проявлением гуманности будет обеспечить терпимые условия жизни для таких людей, уж поскольку налицо факт морфологических нарушений полового диморфизма головного мозга. И проявлением мудрости будет более пристальное изучение факторов, вызывающих эпигенетические трансформации. Поскольку они, по-видимому, лежат в основе не только полового дифференцирования головного мозга, но являются ключом к пониманию, чем обусловлены мотивы и как связаны модели поведения с морфологией нервной системы"⁵²⁶.

Рассуждая о природе гомосексуализма, З. Фрейд писал: «Гомосексуализм, безусловно, не достоинство, но этого нечего стыдиться, это не порок, не деградация и нельзя считать это болезнью. Я думаю, что это изменение половой функции из-за задержек в сексуальном развитии... Преследовать гомосексуалистов, как преступников, несправедливо и жестоко».⁵²⁷

⁵²⁵ Swaab D.F. Sexual differentiation of the brain and behavior. // Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism— September 2007. — Volume 21, Issue 3. — pp. 431-444..

⁵²⁶ Кран Д. Чем отличается мозг трансгендера или нейроэпигенетика полового диморфизма ч. 2. // Нейронаука популярно. [Электронный ресурс]

⁵²⁷ Westen D. The Scientific Legacy of Sigmund Freud Toward a Psychodynamically Informed Psychological Science.

Что касается вопроса о возможностях коррекции подобных нарушений, то они выглядят весьма сомнительно, а на современном этапе развития медицинских и биологических наук – практически нереализуемо. Любое внешнее воздействие на эмбрион увеличивает риск нарушений половой дифференциации плода. Материнство – сложное комплексное явление. Согласно современным медицинским представлениям, еще не родившийся ребенок (плод) и будущая мать в период беременности образует «единую функциональную систему мать-плод». Любые стрессы, которым подвергается будущая мать, сказываются на состоянии плода (проблема перинатального стресса), в первую очередь на развитии мозга будущего ребенка и, как следствие, его гормональной системы⁵²⁸. «В дальнейшем это приводит к увеличению риска возникновения у потомства различных психоневрологических, метаболических, иммунологических и поведенческих расстройств, к подавлению репродуктивной способности»⁵²⁹. Эксперименты на животных подтверждают эти выводы, показывая, что «стрессирование беременных матерей... приводит к серьезным перестройкам в гормональном уровне у плодов и вызывает изменение различных форм поведения у их потомков, снижая маскулинизацию самцов и феминизацию у самок. В результате наблюдается нивелирование межполовых различий в тех аспектах жизнедеятельности, которые имеют половую специфичность»⁵³⁰⁵³¹.

Таким образом, перинатальный стресс является важнейшим фактором формирования нарушений крайне деликатного механизма детерминации пола и половой самоидентификации в будущем развитии. Подобный подход

⁵²⁸ Гапанович С.О. К вопросу о биологических аспектах проблематики пола // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 6 (159). — С. 114-117.

⁵²⁹ Брехман Г.И. Эмоциональная жизнь плода: от смутных догадок к научным исследованиям // «Жіночий Лікар». — 2011. — №2. — С.10-15.

⁵³⁰ Ордян Н.Э., Пивина С.Г., Казакова И.К. Пренатальный стресс и половая дифференцировка поведения // Эндокринная регуляция физиологических функций в норме и патологии: — Новосибирск, 2002. С.109..

⁵³¹ Kimberly C., Calkins D. S. To Stroop or Not to Stroop: Sex-related Differences in Brain-behavior Associations during Early Childhood // Psychophysiology — 2016 Jan — 53(1). — pp. 30–40.

коррелирует с положениями перинатальной психологии⁵³²⁵³³, рассматривающей «дородовой опыт» как фактор, формирующий глубинные основы психики.

Как стрессирующий фактор, потенциально оказывающий «программирующее» влияние и обуславливающий тем самым специфику будущего психологического развития ребенка, можно рассматривать любые достаточно серьезные перемены в среде, окружающей эмбрион, например, фармакологические, механические (перемещения эмбриона между «искусственной утробой», матерью-донором и т.д.) и др.⁵³⁴.

Тем не менее, убедительные доказательства значения наследственных факторов в формировании поведенческих паттернов вовсе не отменяют роли обучения и важности факторов окружающей среды, социальной и культурной. Индивидуальный контакт с биологической матерью в первые дни и месяцы после родов является чрезвычайно важным фактором здорового психологического развития ребенка. Дети, оставшиеся без материнской заботы или иных форм человеческого общения в этот период (согласно печальному опыту специализированных медучреждений) приобретают психологические отклонения, препятствующие их дальнейшей социализации в детском возрасте⁵³⁵. Но ведь именно фаза социальной игры имеет критически важное значение для половой самоидентификации ребенка в его дальнейшем личностном развитии. Эти выводы коррелируют с результатами наблюдений этологов за животными, сделанными в зоопарках, то есть условиях изоляции от непосредственного общения со сверстниками:

⁵³² Брехман Г.И. Эмоциональная жизнь плода: от смутных догадок к научным исследованиям / Лекция, прочитанная в Винницком НМУ 17 мая 2010 года // «Жіночий Лікар». — 2011. — №2. — С.10-15.

⁵³³ Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф — М.: Институт Трансперсональной психологии, 1993

⁵³⁴ Гапанович С.О. К вопросу о биологических аспектах проблематики пола // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 6 (159). — С. 114-117.

⁵³⁵ Ibid..

Перенесение такой изоляции в раннем возрасте приводит не просто к социальной замкнутости у взрослых особей, но и к появлению враждебности к вопросам пола и родительским обязанностям⁵³⁶.

Таким образом, уровень развития современной биологии, в первую очередь таких дисциплин, как нейроэндокринология и этология человека, позволяет приступить к самому серьезному пересмотру представлений, господствующих в науках о поведении, на которых основывают свои положения социальные и гуманитарные науки. Во всяком случае, базовые положения гендерной философии, согласно которым «способ мышления, виды деятельности и нормы поведения мужчин и женщин»⁵³⁷ вовсе не определяются «самой природой»⁵³⁸, а являются «культурно порождаемыми»⁵³⁹, целиком основаны на устаревших, до-этологических представлениях о человеческой психике, восходящих к скиннеровскому бихевиоризму и социал-дарвинистской биологии.

Исходя из того, что «в формировании гомосексуальности задействованы и природа, и воспитание»⁵⁴⁰, вряд ли возможно, тем не менее, сказать, какой именно процент генетически обусловленной гомосексуальности имеет место в каждом конкретном случае. Представляется необходимым и переосмысление традиционного гуманитарного дискурса, в рамках которого гомосексуальность может рассматриваться, как «своеобразная психологическая капитуляция, неготовность выйти из скорлупы своего «Я» и своего пола, зависящая, возможно, от каких-то серьезных проблем в общении еще в детские годы... Христианство не принимает гомосексуальный брак именно как духовный тупик для его сторон, как коллапс человеческой личности»⁵⁴¹.

⁵³⁶ Моррис Д. Голая обезьяна / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009.

⁵³⁷ Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001. стр. 427 - 454.

⁵³⁸ Ibid.

⁵³⁹ Ibid.

⁵⁴⁰ Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011

⁵⁴¹ Фетисова Е. Выход на тропу любви // ВЗГЛЯД. [Электронный ресурс].

Согласно социологическим данным, большинство наших соотечественников не приемлет признания возможности заключения однополых браков⁵⁴². В некоторых странах в качестве компромисса между противниками и сторонниками толерантного отношения к однополым бракам рассматривается вариант т.наз. «гражданского партнёрства»⁵⁴³, которое, формально не являясь браком, тем не менее, позволяет подобным «семьям» некоторые права. В нашей стране рядом юристов рассматривается существующий в отечественном законодательстве институт «простого товарищества», который, по их мнению, мог бы способствовать приданию официального характера подобным «семейным отношениям»⁵⁴⁴. Следует все же отметить, что подобные юридические установления не могут иметь отношения к естественному праву, представляя собой ни в коем случае не проявления природы биологического вида *Homo sapiens*, но лишь явления человеческой культуры, носящие очевидно дезадаптивный характер.

Тем не менее, в отечественной юридической практике подобные проблемы возникают далеко не впервые. Уже при советской власти в начале 1920-х состоялся суд над жительницей г. Ленинграда, которая с помощью подделки документов выдала себя за мужчину и зарегистрировала брак со своей возлюбленной. После того, как подделка раскрылась, было возбуждено дело по обвинению в «преступлении «против природы»⁵⁴⁵, однако обвиняемые были оправданы, а брак признан «законным, как заключенный по обоюдному согласию»⁵⁴⁶. Впоследствии эта «семейная пара» даже усыновила ребёнка. Этот прецедент уже тогда вызвал юридическую полемику в СССР по вопросу прав гомосексуалистов.

⁵⁴² Алкснис И., Страна победивших женщин, или почему в России презирают феминизм? [Электронный ресурс]

⁵⁴³ Впервые в России геи подписали «брачный контракт» // Комсомольская правда. [Электронный ресурс].

⁵⁴⁴ Ibid.

⁵⁴⁵ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Д. Хили — М.: НИЦ «Ладомир», 2008. — 624 с.

⁵⁴⁶ Ibid.

3.3. Биосоциальная аутентичность полового поведения и перспективы человека.

Распространенные в XX веке представления о завершенности биологической эволюции человека в связи с заменой биоадаптогенеза на социоадаптогенез и отсутствием необходимости приспосабливаться к изменениям окружающей среды⁵⁴⁷ в настоящее время можно считать окончательно устаревшими. Масштабные изменения, вносимые человеком в окружающую среду (и, как следствие, в свой образ жизни), влекут за собой включение эволюционных механизмов, приводящих в конечном счете к генетическому закреплению возникающих в человеческом организме функциональных изменений⁵⁴⁸. Таким образом, деятельность человека уже давно стала эволюционно значимым фактором, что поднимает вопрос о соответствии этических ценностей человека и побудительных мотивов его деятельности «истинному смыслу природы» (по выражению А.А. Любищева⁵⁴⁹). Необходимость контроля за деятельностью человека была очевидна уже во времена К. Маркса, заметившего: «Культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню»⁵⁵⁰.

Именно в таком контексте следует рассматривать появление и развитие биоэтики, направленной на поиск правил, которые могли бы регулировать человеческую деятельность относительно живой природы, понимаемой и как «внешняя среда», и как своя собственная человеческая природа (при этом представления, согласно которым человек находится *вне природы*, как правило имеют характер догматического верования⁵⁵¹ или неосознаваемой психологической установки). Логико-эпистемологическая рефлексия

⁵⁴⁷ Георгиевский А.Б. Эволюционная антропология / А.Б. Георгиевский — СПб.: Нестор-история. — 2009.

⁵⁴⁸ Яблоков А. В. Очерки биосферологии 1. Выход есть: переход к управляемой эволюции биосферы // Philosophy and Cosmology. — 2015. — (Vol. 14). P. 92-118.

⁵⁴⁹ Огурцов А.П., Биоэтика: проблемы и перспективы // Вопросы философии.— 1994. — №3

⁵⁵⁰ Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки / В. И. Стрельченко — СПб.: Астерион, 2013.

⁵⁵¹ Ibid.

биоэтической экспертизы, в свою очередь, выводит на передний план вопрос о разграничении нормативно-ценностных элементов и метаэтического анализа, устраняющего избыточную сложность и эклектичность этической проблематики, помогая снимать «обвинения в «несоответствии» этических рассуждений тем или иным канонам «научности»⁵⁵².

Утилитаристское отношение человека к природе, определяющее направления его хозяйственной деятельности (отраженное в различных доктринах, начиная с политэкономии XIX века и до современного неолиберализма) – исходит из представлений о неисчерпаемости природных ресурсов и их стоимостной нейтральности, что является симптомом игнорирования истинной производственно-экономической значимости природы. До определенного времени преобразующее воздействие человека на природу носило локальный характер и могло считаться не затрагивающим планетарную биосферу в целом⁵⁵³. Резкое усиление «антропогенного давления» на среду обитания принято относить к периоду научно-технической революции (НТР) конца XIX в. - начала XX в. Утилитаристские иллюзии эпохи В.И. Вернадского о возможности достижения благополучия человека в рамках преобразования природы, «перестроенной трудом и мыслью человека» (подразумевавшего рост городов с их более комфортными условиями проживания, развитие систем транспорта и телекоммуникаций, создание химических средств борьбы с «вредителями сельского хозяйства» и т.п.), считанные десятилетия спустя обернулись пониманием начала глобальной экологической катастрофы, вызванной неуклонным движением техногенной цивилизации в тупиковом направлении. «Человеку еще предстоит осознать, что

⁵⁵² Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. — 1998, — № 10. — С. 39–54.

⁵⁵³ Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки / В. И. Стрельченко — СПб.: Астерион, 2013.

многие, составляющие предмет его гордости технические достижения, представляют собой угрозу для его собственного существования».⁵⁵⁴

К наиболее опасным факторам следует отнести не только влияние человека на биосферу (антропогенное давление), нарушающее равновесное состояние между живыми организмами и внешней средой, но и действие социокультурных факторов на «биологию» человека. Такое действие можно охарактеризовать, как «аутоантропогенное» - поскольку речь идет о «давлении» на человека искусственно создаваемой самим человеком окружающей среды – гиперурбанизации, резко изменившей природное окружение человека, ускорении темпов жизни, информационных перегрузках, изменении адекватных человеческой природе биоритмов и т.п.⁵⁵⁵. К «аутоантропогенному» воздействию можно привести и примеры проведения зачастую безответственной политики в области коммерциализации медицинских технологий (суррогатного материнства, экстракорпорального оплодотворения, прочих вариантов «фертилизации» беременности и т.д.), обуславливающую вмешательство в человеческую жизнь с позиций утилитаризма, маскируемого идеологическими построениями квазиэтического характера.

Нормативная этика служит поиску принципов, регулирующих человеческую деятельность и критериев оценки поведения в целом. С эволюционной точки зрения появление морали и религии (независимо от того, считать ли их «естественно возникшими» или «исторически обусловленными») можно рассматривать, как формирование стратегий, способствовавших выживанию человека, как биологического вида - даже если соотносить религию (как и те виды искусства, которые вызывают индивидуальное переживание красоты и гармонии), с представлениями о «вирусах мозга» или «побочных продуктах» эволюции поведения⁵⁵⁶. Принято считать, что нравственность и

⁵⁵⁴ Никитин А.И. Вредные факторы среды и репродуктивная система человека – СПб.: ЭЛБИ-СПб. — 2005.

⁵⁵⁵ Ibid.

⁵⁵⁶ Марков А. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа — М., АСТ: Corpus, — 2011.

религиозность могли появиться в ходе эволюции и сохраниться лишь потому, что являлись полезными адаптациями⁵⁵⁷, способствующими коллективному взаимодействию. Под таким углом зрения альтруизм и забота о ближнем рассматриваются, как полезные адаптации, сформированные групповым отбором⁵⁵⁸. В этом заключается одно из наиболее острых противоречий современной цивилизации: политика, маскирующая практику утилитаризма идеологией эгалитаризма в ее современном гипертрофированном виде, спекулирует на эмпатии, то есть на биологических основах поведения, заложенных в самые глубины человеческой психики. Подобная политика (то есть стратегия поведения) с эволюционной точки зрения выполняет исключительно дезадаптивную роль⁵⁵⁹. «Наша общественная природа требует выполнения сложных групповых ритуалов и участия в них... некоторые учения более изнурительны и оглуляющи, чем другие, и могут завести человеческое сообщество в жесткие поведенческие рамки, которые помешают его качественному развитию»⁵⁶⁰.

Неадаптивное (дезадаптивное) поведение у особей нашего вида настолько распространено, что стало поводом для мрачной научной иронии: известный этолог Ф. Де Вааль⁵⁶¹ в качестве примеров такого поведения приводит скалолазание, прыжки с тарзанки, курение и т.п. По всей видимости, промышленное загрязнение следует тоже отнести к таким примерам. Особое место в ряду прочих видов «загрязнителей» среды обитания занимают гормоноподобные ксенобиотики, ГПК («эндокринные деструкторы» -endocrine disruptors), играющие ведущую роль в нарушениях репродуктивной функции.

⁵⁵⁷ Гапанович С.О. Эволюция человека как медико-биологическая проблема // Биоэтика. — 2016. — № 2 (18). — С. 20-23.

⁵⁵⁸ Смирнов К.С. Биоэтическая парадигма в культуре будущего // Биоэтика, ВолГМУ — 2014 — №1 С.7 – 11.

⁵⁵⁹ Гапанович С.О. Эволюция человека как медико-биологическая проблема // Биоэтика. — 2016. — № 2 (18). — С. 20-23.

⁵⁶⁰ Моррис Д. Голая обезьяна / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009.

⁵⁶¹ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014.

ГПК способны связываться со специфическими рецепторами половых стероидов (не только человека, но и большинства других живых организмов). Так как ГПК способны «мимикрировать», блокировать или модифицировать действие эндогенных гормонов, их распространение в окружающей среде несет угрозу для поддержания стероидного гомеостаза, играющего важнейшую роль в осуществлении процессов половой дифференциации, в т.ч. формировании нейроэндокринных центров головного мозга, запуске соответствующих механизмов развития репродуктивной системы. К наиболее опасным из ГПК относятся в первую очередь пестициды, в том числе печально знаменитый ДДТ. Эти и многие другие факторы в совокупности вызывают разнообразные нарушения репродуктивной функции человека, перечень которых к настоящему времени представляет из себя достаточно объемный список, включающий в себя патологии гаметогенеза, всевозможные варианты бесплодия, врожденных пороков развития, хромосомных заболеваний, задержек психического и физического развития, снижения фертильности и т.д. Особенную опасность представляет влияние вредных факторов на самых ранних этапах развития, относимых к «критически» важным: онтогенеза, прогенеза, начальных этапах репродуктивного процесса⁵⁶².

Кроме того, процессы ускоряющегося изменения эволюционно адекватной человеку среды обитания в первую очередь способствуют стиранию гендерных детерминант традиционной культуры, способствуя размыванию, если даже не уничтожению пола не только в плане индивидуальной физиологии организма, но и как социально-психологического феномена. Широко известны результаты наблюдений за изменением поведения животных в искусственной среде обитания (т.е. в зоопарках), сделанные этологом Д. Моррисом, позволяющие провести недвусмысленные параллели по поводу угроз, которые несут

⁵⁶² Никитин А.И. Вредные факторы среды и репродуктивная система человека (ответственность перед будущими поколениями) / А.И. Никитин – СПб.: ЭЛБИ-СПб. — 2005.

аналогичные перемены в человеческой среде обитания (гиперурбанизированный образ жизни) современным детям – обитателям мегаполисов. Речь идет о такой крайне важной стадии психологическом развитии ребенка, как «критической фазе социальной игры в детском возрасте»⁵⁶³. Этот период в «исследовательской деятельности ребенка»⁵⁶⁴ является необходимой ступенью в дальнейшем развитии личности. Изоляция в детстве, лишение детенышей (Д. Моррис наблюдал за обезьянами) социальных контактов, т.е. игр со сверстниками, «обуславливают не только социальную замкнутость во взрослой жизни, но и формируют у индивида враждебное отношение к вопросам пола и к родительским обязанностям»⁵⁶⁵. Такие индивиды в дальнейшем демонстрируют полную индифферентность к противоположному полу, а, например, после принудительного спаривания такие самки, даже производя нормальное потомство, не в состоянии сформировать адекватное материнское поведение. Они агрессивно относятся к своим детенышам, нападая на них или не обращая на них никакого внимания. Относительно человеческого общества можно провести следующую параллель: «излишне опекаемые дети всегда будут испытывать свою ущербность, став взрослыми. Если они не подвергаются в определенном возрасте уравновешивающему воздействию детских игровых групп с их стычками и ссорами, то они до конца жизни останутся робкими и замкнутыми; создание пары для них станет трудным, а то и вовсе невозможным, родители же из них, если им удастся стать таковыми, получатся никудышные»⁵⁶⁶.

Такие наблюдения доказывают чрезвычайную сложность формирования эволюционно обусловленных паттернов социального поведения, в том числе полового, в меняющихся условиях среды обитания. И, кроме того, сама

⁵⁶³ Моррис Д. Голая обезьяна / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009.

⁵⁶⁴ Ibid.

⁵⁶⁵ Ibid.

⁵⁶⁶ Ibid.

возможность «экстраполировать то, что известно о поведении животных, на поведение человека, возможность каких-либо аналогий между ними или даже законность какого-либо сравнения и сопоставления их поведения до сих пор служит предметом неутихающих споров – наряду со спорами о наследственных чертах человеческого поведения...»⁵⁶⁷. Как отмечает известный современный американский этолог Франс Де Вааль, «в социальных и гуманитарных науках идея исключительности человеческого рода сохраняется и сегодня. Эти науки... сопротивляются всяким сравнениям человека с другими животными»⁵⁶⁸. Несмотря на то, что эволюционный подход, казалось бы, логично приводит к необходимости рассмотрения не только анатомии и физиологии, но и поведения человека (в том числе полового) в общем ряду с поведением других биологических видов, подобные взгляды считанные десятилетия назад казались крамольными.

Психологическое развитие человека может быть представлено в виде последовательной смены определенных стадий. Хотя единой общепринятой схемы такого развития не существует, осознание своей принадлежности к полу принято относить к наиболее важным и ранним стадиям, на основе которых происходит последующая надстройка психических функций и дальнейшее развитие личности. Разные исследователи предлагают разные варианты схемы психологического развития - в зависимости от поставленных задач, применяемой методологии и т.п. Наиболее известны схемы, разработанные Л.С. Выготским, Д.Б.Элькониным, З. Фрейдом, К. Бюлером, Э. Эриксоном и др. В свое время (на рубеже 20-х и 30-х гг XX века) взгляды К. Бюлера на психологическое развитие ребенка, «как на единый и притом **биологический** по

⁵⁶⁷ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс] — URL

⁵⁶⁸ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014.

своей природе процесс»⁵⁶⁹, были охарактеризованы Л.С. Выготским, как «односторонние и ошибочные». Нежелание К. Бюлера обозначить «принципиальное отличие **биологического** от социального»⁵⁷⁰ в становлении человека было заклеено, как «антидиалектическая точка зрения». Представление К. Бюлером определенной возрастной стадии, как «какой-то **естественной** категории, какой-то **биологической** фазы развития» (вместо того, чтобы увидеть в ней «исторически возникшую социальную, классово обусловленную закономерность») было отнесено к «глубоким теоретическим заблуждениям»⁵⁷¹.

Подобный подход, непримиримо разделяющий «человеческое» и «животное», с позиций которого биологические основы человеческой психологии не могли получить адекватной оценки, были связаны в первую очередь с недостаточным уровнем развития биологических представлений своего времени. Во второй половине XX века, по мере развития биологических наук и становления этологии, появилась возможность раскритиковать подобные взгляды, как «чисто идеалистическую этику», выдвигающую «тезис о существовании извечных внеприродных законов нравственности»⁵⁷². В настоящее время становится все более очевидным, что «...огромные, хотя противоречивые потенции к совершению добра, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания также и в его наследственной природе, куда вложены они действием особых биологических факторов, игравших существенную роль в механизмах естественного отбора», что «ни в

⁵⁶⁹ Выготский Л. С. Вступительная статья к русскому переводу книги К. Бюлера «Очерк духовного развития ребенка» - Возрастная и педагогическая психология. Тексты - Е.И. Исенина [Электронный ресурс].

⁵⁷⁰ Ibid

⁵⁷¹ Ibid

⁵⁷² Лоренц К. Что такое сравнительная этология? // Вводная глава машинописной версии трактата «Введение в сравнительное изучение поведения» [Электронный ресурс]

какой мере не отвергает роль социальной среды и воспитания в формировании этических принципов личности»⁵⁷³.

Очевидно, что проблема «понимания блага» (равно как и других этических ценностей) и «предсказуемости рисков» развития цивилизации «лежит на философско-этическом уровне». Тем не менее, о единстве мнений в этой сфере говорить не приходится, различия в применяемых подходах обеспечивают полярность оценок: деонтология указывает на непостижимость человеческой личности, из которой выводится биоконсерватизм, а в утилитаристско – консеквенционалистской парадигме доминирует идея активного преодоления недостатков - личных, групповых и пр.⁵⁷⁴. В этой ситуации надежду на выработку универсальных критериев этических категорий дают представления об эволюционных основаниях человеческого поведения, развиваемые в настоящее время этологией человека, успехи которой вводят научный оборот такие понятия, как, например, «природная этика», «эволюция морали» и т.п.⁵⁷⁵, развиваемые в рамках исследований эволюции поведения социальных животных.

В таком контексте полемика между представителями гуманитарных и биологических наук⁵⁷⁶ о «человеческой исключительности» (являющейся центральной идеологемой антропоцентрического мировоззрения) и «наследуемых чертах человеческого поведения» приобретает особенное значение. Причины этого «непримиримого противостояния» объясняются формированием психологических установок, связанных не только с исторически сложившимися традициями самих гуманитарных дисциплин, но и всей европейской культуры, а именно с существованием «оппозиции «душа –

⁵⁷³ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека) // Ethology.ru. [Электронный ресурс].

⁵⁷⁴ Белялетдинов Р.Р. Биотехнологии и человек: утопия и проблемы свободы // в кн.: Мифология века НТР, М., ЛЕНАНД. 2020. — Стр. 374-391

⁵⁷⁵ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов — М.: Альпина нон-фикшн — 2014.

⁵⁷⁶ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс]

тело», пронизывающей всю христианскую культуру и наложившей отпечаток на мышление всех ее представителей, независимо от их религиозности»⁵⁷⁷⁵⁷⁸. Истоки идеологии, противопоставляющей человека и его культуру не только окружающей природе, но и своей собственной природе (телесной, то есть биологической), прослеживаются в поздней античности, когда в западной (латинской) раннехристианской традиции появились представления о неизбежной греховности телесного, природного в человеке⁵⁷⁹. Из тех же истоков берут начало иллюзорные представления о возможности бытия человека отдельно от остальной природы (вполне, впрочем, соответствовавшие уровню развития биологических представлений XIX века, в эпоху начавшейся эйфории от успехов НТР). Оттуда же берет начало концептуальное отвержение апологетами постнеклассической антропологии понятия «человеческая природа»⁵⁸⁰.

Идеология бескомпромиссного преобразования человека с помощью науки, нашедшая свое выражение в прожектах трансгуманизма, является прямым продолжением сформировавшейся благодаря успехам НТР убежденности в том, что миссия науки заключается в радикальном улучшении жизни и преодолении недостатков природы с помощью научных знаний⁵⁸¹. И хотя преобразование человеческой природы должно опираться на понимание биологических закономерностей и пределов возможности использования технологий, пропагандируемые в настоящее время проекты такого преобразования обосновываются давно устаревшими, совершенно наивными представлениями о биологии. Иллюзорность представлений о возможности «улучшения»

⁵⁷⁷ Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс].

⁵⁷⁸ Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов — М.: Альпина нон-фикшн — 2014.

⁵⁷⁹ Дмитриев М.В., Хижая Т.И., Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). [Электронный ресурс]

⁵⁸⁰ Гуревич П.С. Концепты постнеклассической антропологии // в кн.: Мифология века НТР. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — стр. 187 – 215.

⁵⁸¹ Белялетдинов Р.Р. Биотехнологии и человек: утопия и проблемы свободы // в кн.: Мифология века НТР, М., ЛЕНАНД. 2020. — Стр. 374-391

человеком собственной природы, выявляется в полном непонимании его апологетами смысла важнейших эволюционных механизмов, в первую очередь - механизмов полового отбора. Идеология инженерии наследственных свойств человека по сути противопоставляет себя стратегии саморазвития человека, игнорируя принципиальную важность эволюционно сложившихся паттернов полового поведения (органически связанных с прочими видами социального поведения) для сохранения не только жизнеспособности человека, как биологического вида, но и всей человеческой культуры.

Для построения теории репродуктивного поведения, отвечающей потребностям выживания и исторической перспективы человека необходимы выяснение и идентификация эволюционно-экологического статуса процессов гендерных трансформаций взаимоотношений полов. Выяснение соотношения биологического и социального в условиях угрозы экологического кризиса, раскрытие тенденций изменения этого соотношения в определенной степени зависит от уровня разработанности проблем эволюционной теории, который следует признать на данный момент недостаточным⁵⁸².

Исследования последних десятилетий в области охраны окружающей среды, глобального и регионального экологического прогнозирования и др. показывают, что решение задачи трансдисциплинарного синтеза знаний о поле и гендере возможно лишь на основе преодоления господствующих жизненно-практических и теоретико-познавательных установок индивидуалистического антропоцентризма - главной причины как исторических, так и современных антропологических катастроф и экологических кризисов. Одним из перспективных подходов для решения этой задачи представляется биосемиотический, в рамках которого возможно обобщение новейших данных этологии человека, поведенческой экологии и др., синтез методологических возможностей как натуралистического, так и социокультурного подходов.

⁵⁸² Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки / В. И. Стрельченко — СПб.: Астерион, 2013.

Возможность всестороннего учета действия биологических механизмов и эволюционного значения социальных факторов является условием реализации принципа историзма в познании экологических перспектив и биологического будущего человека. Таким образом появляется возможность включить в поле анализа биологических закономерностей реальные общественно исторические процессы, рассматривая их в качестве существенного фактора эволюционных изменений⁵⁸³.

Итогом третьей главы является вывод о том, что для построения теории репродуктивного поведения, отвечающей потребностям выживания и исторической перспективы человека необходимы выяснение и идентификация эволюционно-экологического статуса процессов гендерных трансформаций взаимоотношений полов. Исследования последних десятилетий в области охраны окружающей среды, глобального и регионального экологического прогнозирования и др. показывают, что решение задачи трансдисциплинарного синтеза знаний о поле и гендере возможно лишь на основе преодоления господствующих жизненно-практических и теоретико-познавательных установок индивидуалистического антропоцентризма - главной причины как исторических, так и современных антропологических катастроф и экологических кризисов. Перспективным подходом для решения этой задачи представляется биосемиотический, в рамках которого возможно обобщение новейших данных этологии человека, поведенческой экологии и др., синтез методологических возможностей как натуралистического, так и социокультурного подходов.

⁵⁸³ Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки / В. И. Стрельченко — СПб.: Астерион, 2013.

Заключение

Продуктивное преодоление противоречий онтологических и эпистемических условий осмысленности проблематики пола возможно лишь в рамках трансдисциплинарной теории, развивающей биосемиотический подход, который предполагает эмерджентный характер процессов семиозиса, означения и интерпретации в самоорганизующихся системах, обеспечивая координацию, взаимосвязь и взаимопроникновение основных уровней организации живого (от субатомного и молекулярного до биоценотического и биосферного).

Исследования живых систем, как выделяющих знаки, оперирующих знаками и интегрирующих их открывает реальную перспективу понимания истинной природы основных форм организации биологических систем (организмы, популяции, биоценозы и др.) и конфигурации их семантических ландшафтов.

Если биосемиотическая парадигма предполагает понимание процессов означения и интерпретации, как выражения сущности открытых самоорганизующихся и самовоспроизводящихся живых систем, то референциальная семантика отвечающих им идеальных сущностей (концепты, конструкты и др.) может быть органически дополнена результатами истинностно-значимой семантики. В этом случае объекты онтологии пола обнаруживают свои действительные свойства не только в предметной, но и в собственно объект-объектной перспективе. Эволюционно-экологический подход, опирающийся на логико-дискурсивные ресурсы феноменологии, эвристику и интуиции аналитики понимания, результаты современных биосемиотических исследований, открывает реальную перспективу методологически корректной постановки вопросов переосмысления явлений пола в единстве объектов его онтологии и знаково-символических средств, в которые они облечены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н. С., К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. — 1991. — № 4. — С. 58–75.
2. Автономова Н.С. Бессознательное // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс]. — URL: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c5e8001b7f22d8c1e763>
3. Аксенова А. А. К вопросу аппликативности понимания: полемика между Э. Бэтти и Г.-Г. Гадамером // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2017. № 2. — С. 61 – 64.
4. Алексеев И.С. Принцип дополнительности. // в кн.: Методологические принципы физики. История и современность. — М.: Наука, 1975. - 512 с.
5. Алкснис И., Страна победивших женщин, или почему в России презирают феминизм? [Электронный ресурс] «На линии» — URL: <https://www.nalin.ru/strana-pobedivshix-zhenshhin-ili-pochemu-v-rossii-prezirayut-feminizm-2620>
6. Алябьева Е. «Coitus ergo sum». [Электронный ресурс] Ethology.ru —URL: <http://ethology.ru/library/?id=384>
7. Андреева И. С. Шопенгауэр / Андреева И. С, Гулыга А. В. — М.: Мол. гвардия, 2003. —367[1] с.
8. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы.— М., 1995. 353 стр
9. Аристотель. Никомахова Этика // Соч.: В 4 т. М, 1983. Т. 4. — с. 54-293.
10. Аристотель. О возникновении животных. — М.: Л., 1940. — с. 90 - 91.
11. Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М, 1983. Т. 4. — 383 с.
12. Бакунин А.М., Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке / А.М. Бакунин // Избранные философские сочинения и письма – М.: «Мысль», 1987. — 575 с.
13. Басс Д., Эволюционная психология: споры, вопросы, перспективы, и ограничения // Ethology. Ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/persons/?id=224>

14. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре/ Д. Бахманн-Медик — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
15. Бейкер Дж. Р. Раса. Взгляд белого человека на эволюцию / Джон Р. Бейкер, пер. с англ. М.Ю. Диунова. — М., 2015. — 727 с.
16. Белый А. Вейнингер о поле и характере // в кн. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей (сборник) — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. — 570 с.
17. Белялетдинов Р.Р. Биотехнологии и человек: утопия и проблемы свободы // в кн.: Мифология века НТР, М., ЛЕНАНД. 2020. — Стр. 374-391
18. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви / Н.А. Бердяев — М.: БММ, 2014. — Стр. 13-48.
19. Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви / Н.А. Бердяев — М.: Прометей, 1989. — 160 с.
20. Биологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] — URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_biology/
21. Бихевиоризм / Аналитическая философия сознания // Аналитическая философия. Под общей научной редакцией М. В. Лебедева. [Электронный ресурс] — URL: <http://philosophica.ru/af/146.htm>
22. Богатова Л.М. Онтологические проекции пола: опыт историко-философской методологии // Парадигма. Философско-культурологический альманах, — Санкт-Петербург, — 2016. — Вып.23. — С.75-108
23. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр — СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. — 95 с.
24. Бодрийяр Ж., Соблазн / Ж. Бодрийяр — Ad Marginem, 2000 — 319 с.
25. Бодрийяр Ж., Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
26. Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России // в сб. Труды по россиеведению, изд-во ИНИОН РАН (М.), т 6, 2016. стр. 353-385.
27. Боронин А.А., О принципе дополнительности и анализе речевой деятельности // Вестник московского государственного областного университета. Серия лингвистика. — Изд-во: Московский государственный областной университет (Москва) — 2016. — № 1. — Стр 8-17.

28. Бочарова В. В. Философия Г. Маркузе как теоретическая оптика феномена институционализации насилия в социуме // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики — 2016. — №7-8. — с. 73-76.
29. Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (Концепции феминизма) // Общественные науки и современность— 1998. —№2. — с. 167 - 180.
30. Брехман Г.И. Эмоциональная жизнь плода: от смутных догадок к научным исследованиям / Лекция, прочитанная в Винницком Национальном Медицинском Университете 17 мая 2010 года //«Жіночий Лікар». — 2011. — №2. — С.10-15.
31. Булавина Т. В., Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] — URL: <http://www.owl.ru/gender/380.htm>
32. Булгаков С. Н. Пол в человеке / Труды по социологии и теологии: в 2 т., Т 2 / С.Н. Булгаков — СПб, — 1997 — с 177
33. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики — М.: Институт экспериментальной социологии — СПб., Алетейя, 2005. —С. 286-364.
34. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М.Л. Бутовская — М.: Научный мир, 2004. — 440 с.
35. Бутовская М Л., «Этология необходима в гуманитарных вузах...» // Ethology.ru [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/interview/?id=68>
36. Бутовская М. Л., Антропология пола. — М.: Век 2, 2013. — 256 с.
37. Бутовская М. Л. Кукла Барби как вершина полового отбора // Ethology.ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=121>
38. Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге XXI века. — М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. — С. 12 — 71.
39. Бутовская М.Л. У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека) / М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг — М.: 1993. — 256 с.
40. Бутовская М.Л., Человек и человекообразные обезьяны: языковые способности и возможности диалога // Зоологический журнал. — 2005. — т. 84, №1. — с. 149-157

41. Бутовская М.Л., Эволюция человека и его социальной структуры // Ethology.ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=37>
42. Васильев Л.С. Мировая деревня и мировой город // Общественные науки и современность — 2011.— № 4. — с. 63-73.
43. Васильева Л.Н. Кризис проблемы вида: причины и следствия // Эволюционная биология. — Томск. — 2002. Т. 2. — С. 31-50.
44. Васильева Л.Н. Путь к Платону. // Биолого-почвенный институт ДВО РАН (Владивосток) // Труды Профессорского клуба. — 2003-2004. — Вып. 8-9. — С. 75-83.
45. Васильева Л.Н., Эссенциализм в проблеме вида, 2005 [Электронный ресурс] — URL: <https://www.evolbiol.ru/document/1065>
46. Ватсон Э.К. Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность / Э.К. Ватсон — М.: Директ-Медиа. — 2012. — 314 с.
47. Вейнингер О. Пол и характер / О. Вейнингер— М.: Терра. —1992. - 440 с.
48. Веккер Л. М., Восприятие и основы его моделирования / Л.М. Веккер — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. — 194 с
49. Вельков В. В. Для чего нужно половое размножение или Почему любовь прибавляет ума // Химия и Жизнь XXI век — 2003. — №4. — с. 30-33.
50. Вершинин И. В. Принцип дополнительности в методологии литературоведения // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2008. — №5.— Филология [Электронный ресурс] — URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Vershinin/>
51. Вестермарк // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. — URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/1910736>
52. Викенс Д. Классическое обусловливание (classical conditioning) // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс] — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/347/
53. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер — М.: Советское радио, 1958. —145 с.
54. Виноградова Е. П. Инстинкты. Они есть у человека или их нет? // Ethology.ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/other/?id=17>
55. Виттиг М. Женщиной не рождаются // Митин журнал, №59, — Тверь: Kolonna Publications. [Электронный ресурс] — URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj59/woman.shtml>

56. Виттиг М. Натуральное мышление // Митин журнал, №59, Тверь: Kolonna Publications. [Электронный ресурс] — URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj59/straight.shtml>
57. Воронин А.А. Миф техники / А.А. Воронин — М.: Наука/ — 2004. - 200 с.
58. Впервые в России геи подписали «брачный контракт» // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. — 2005. — 30 сентября.— URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/23587.4/230144/>
59. Выготский Л. С. Вступительная статья к русскому переводу книги К. Бюлера «Очерк духовного развития ребенка» - Возрастная и педагогическая психология. Тексты - Е.И. Исенина [Электронный ресурс] — URL: https://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o741_page_5.html
60. Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во АПН РСФСР, — 1956. — 520 с.
61. Гапанович С. О., Левченко В. Ф. К вопросу об информационной антропоэкологии // Принципы экологии. — 2017. — № 4. — С. 4–16.
62. Гапанович С. О. Эволюция человека как медико-биологическая проблема // Биоэтика. — 2016. — № 2 (18). — С. 20-23.
63. Гапанович С.О. К вопросу о биологических аспектах проблематики пола // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 6 (159). — С. 114-117.
64. Гапанович С.О. Эволюционные основы коммуникации человека / В сб.: Социум. Сознание. Язык. — РГПУ им. А. И. Герцена, Волховский филиал, каф. гуманитарного образования и педагогических технологий. — 2018. — Изд-во ЛЕМА. — С. 110-118.
65. Гапова Е. Классы наций. Феминистская критика нациостроительства / Елена Гапова — Новое литературное обозрение, 2016. — 368 с.
66. Гашков С.А., Русаков С.С. — Понятийно-предметный анализ Фуко и Маркса в работах Э. Балибара // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 72 - 79.
67. Гейде М. Расчлененка // Независимая газета. — 23.06.2005. [Электронный ресурс] — URL: http://www.ng.ru/lit/2005-06-23/4_raschlenenka.html
68. Геллнер Э. Марксистская книга Бытия // Этнографическое обозрение. — № 2 — 1992 г. стр. 35 [Электронный ресурс] — URL: https://scepsis.net/library/id_457.html

69. Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2009. — 496 с.
70. Геодакян В.А., Эволюционная теория пола // Природа. — 1991, — № 8. — с. 60-69.
71. Геодакян В.А., Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм // Известия Академии Наук, Серия Биологическая, — 2000, — № 2. — с. 133-148.
72. Георгиевский А.Б. Эволюционная антропология / А.Б. Георгиевский — СПб.: Нестор-история. — 2009. — 256 с.
73. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. — М.: Весь мир, 2004. — 120 с.
74. Гиппиус З.Н. О любви / З.Н. Гиппиус // Мечты и кошмар (1920-1925) — СПб.: ООО "Издательство "Росток", 2002. — 560 с.
75. Гороховская Е. А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимовлияние биологического и гуманитарного подходов // Ethology.ru [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=270>
76. Гороховская Е.А. «Гусиный отец» // Природа. — 2004. — №3. — С. 59-67
77. Гороховская Е.А. Субъективный мир животных и объективная этология Конрада Лоренца. // Зоологический журнал. — Т. 84., X 1. — 2005. — С. 124-133
78. Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская — М.: Алетейя, 2001. — 224 с.
79. Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании / в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя, — 2001, — стр. 508 – 542.
80. Гринин Л.Е. Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, А.В. Марков // Эволюция: космическая, биологическая, социальная — М.: Либроком, 2009. — с. 5-43.
81. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф — М.: Институт Трансперсональной психологии, 1993. — 497 с.
82. Грякалов А.А., Провоторов Н.Ф. Пространства детства и герменевтика памяти / В сб.: Инновационно-креативная аксиосфера и

- стратегии образования. Сборник научных трудов. Главный редактор К.В. Султанов. — Санкт-Петербург, — 2015. — С. 44-58.
83. Гуляихин В.Н. — Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. — 2013. — № 3. — С. 221 – 238
84. Гуревич П.С. Концепты постнеклассической антропологии // в кн.: Мифология века НТР. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — стр. 187 - 215
85. Гусейнов А. А., Справедливость // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс] — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f>
86. Гутнер Г.Б. Лингвистический поворот / Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И.Т. Касавин — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». — 2009. — 1248 с.
87. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский — Алгоритм, 2018. — 560 с.
88. Дарвин Ч. Происхождение видов / Ч. Дарвин — АСТ. — 2017. — 672 с.
89. Де Вааль Ф. Культура приматов. Как шимпанзе стали людьми // Ethology.ru [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/interview/?id=180>
90. Де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов/ Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2014. — 363 с.
91. Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Ф. Де Вааль — М.: Альпина нон-фикшн — 2020. — 340 с.
92. Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII века). Екатеринбург, 2003. 752 стр.
93. Демидов А.Б., Феномены человеческого бытия / А.Б. Демидов — Минск: ЗАО Издательский центр "Экономпресс" — 1999. — 180 с.
94. Дерягина М.А. Эволюционная антропология. Биологические и культурные аспекты / М.А. Дерягина — М.: УРАО — 2003. — 208 с.
95. Дмитриев М.В., Хижая Т.И. Грех и религиозная антропология в христианских культурах: нормативные представления, вера и практика (Средние века- XIX в.). Летняя школа, 2008. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/antropologia.htm>

96. Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Ethology.ru [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=79>
97. Добреньков В. И. Неофрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма) / В.И. Добреньков — М.: 1974. — с. 9-19
98. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. — Москва: АСТ: СОКРП, 2013.
99. Дробышевский С.В. «Для выживания у человечества есть 200–300 лет». [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e1723d89a79472ad2d69b6f>
100. Дробышевский С. В. Если Тумай самец, а Арди - самка, то они вполне годятся в супруги // Antropogenez.ru [Электронный ресурс] — URL: <http://antropogenez.ru/interview/746/>
101. Дружилов С.А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Современные наукоемкие технологии — 2013. — №4. — С. 89 - 92
102. Дьюи Д. О статье «Их мораль и наша» / изд. New International, 1938. [Электронный ресурс] — URL: <https://commons.com.ua/uk/o-state-ih-moral-i-nasha/>
103. Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал— 2013 — №1(9) — с. 62–70.
104. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2. [Электронный ресурс] — URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53447.shtml
105. Ефремова Н. Два пола? Бывает, но редко // Ethology.ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=78>
106. Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов. Проблематизация женской субъективности // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя. — 2001. — 708 с.
107. Завадский К.М. Вид как форма существования жизни. Структура вида. Видообразование // Современные проблемы эволюционной теории. — Л.: Наука, 1967. — С. 145-295.

108. Замалиева С.А., Психоаналитическое учение З. Фрейда: историко-философский анализ // Современные проблемы науки и образования, — №2, — 2012
109. Захарова Л. А. Перинатальный стресс в программировании мозга и патогенезе психоневрологических заболеваний // Известия РАН. Серия биологическая. — 2015. — № 1. — С. 17-26.
110. Зборовский Г. Е. История социологии / Г.Е. Зборовский — М.: Гардарики, 2007. — 608 с.
111. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] — URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>
112. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев — М., Центрполиграф, 2000 — 507 с.
113. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев — Алгоритм, 2018 — 240 с.
114. Зуев В.В. Проблема реальности в биологической таксономии / В.В. Зуев — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2002. — 192 с.
115. Зуев В.В., Розова С.С. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии //Философия науки — Новосибирск, 2001 — №2 (10).
116. Иванов С.Г. Идеиные и философские корни постмодерна // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки — 2015. — №2 (220). — С. 116-125
117. Ильин И.П. Мишель Фуко — историк безумия, сексуальности и власти / И. П. Ильин // Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — С. 51-91
118. Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 140—152.
119. Инстинкт // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethology.ru/encycl/?letter=%C8%ED%F1%F2%E8%ED%EA%F2>
120. Кабисов А.Г. Теория урбанизма и практика модернизма: эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» и модернистский роман «Большого города». // Известия Саратовского университета, т.9, — с. 66-69. сер. Социология. Политология., — вып.2, — 2009.

121. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант — СПб.: Наука, 1999 — с 406
122. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? [Электронный ресурс] — URL: http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml
123. Капышева О.А., Соколова А.А. Платон и Фрейд – две теории любви // Вестник СПбГУ. — Сер. 6 — 1994, — вып. 3 (№ 20).
124. Карсаевская Т.В. Философские аспекты геронтологии / Т.В. Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. — М.: Наука, 1978. — 352 с.
125. Кирвель Ч. С., Стрельченко В. И., Балахонская Ю. В., Компьютеризация образования: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 3 (67). — С. 197–202.
126. Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Д. «Кооперация versus конкуренция» в трудах российских эволюционистов // Журнал институциональных исследований — Том 9, № 1. — 2017. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.xn--80ahlbhvs.xn--p1ai/doc/news/23mar17/1.pdf>
127. Клех И. Ю. Пол – судьба или выбор? О душе мира, гермафродитах и философе Отто Вейнингере // Независимая газета — [Электронный ресурс] — URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2018-03-15/12_926_otto.html
128. Кнорринг В.Г. История и методология науки и техники. Информационная сфера человеческой деятельности с древнейших времён до начала XVI века — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2013. — с. 211-213.
129. Козырев А. П. Смысл любви в философии Владимира Соловьёва и гностические параллели // Вопросы философии.— 1995.— №7.— С. 59—78.
130. Кожев А. Понятие власти / А. Кожев — М.: Праксис. — 2006. — 192 с.
131. Кожурин А. Я. Розанов / А.Я. Кожурин — Издательские решения, 2017
132. Козьмин В.А, Этнология (ЭТНОГРАФИЯ). Учебник для академического бакалавриата / В.А. Козьмин — М.: Юрайт. — 2015. — 438 стр

133. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. — М.: ВЦИКС, — 1919. — С. 55–56 (см. также: [Электронный ресурс] — URL: www.1917.com/XML/IRWOGpq+C0cfPfaaPKxuRrFTB-c.xml)
134. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / И.С. Кон — М. : Олимп, 1998. — 496 с.
135. Кондаков А. Дерадикализация российского феминизма, или Как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. // Неприкосновенный запас — 2013. — 2 (88).
136. Конецкая В.П., Социология коммуникации / В.П. Конецкая — М. — 1997
137. Корольков А.А. Антропологический вектор естественного отбора. // Человек. — 2015, — № 4. — С. 16 – 22.
138. Костикова И. В. Введение в гендерные исследования / И. В. Костикова [и др.] // Под общ. Ред. И. В. Костиковой. — М.: Аспект Пресс, — 2005. - 235 с.
139. Крабб Л. Молчание Адама / Л. Крабб, Д. Хадсон, Э. Эндрюс — СПб, 2001. — с. 100.
140. Кран Д. Чем отличается мозг трансгендера или нейроэпигенетика полового диморфизма ч. 2. // Нейронаука популярно. [Электронный ресурс] — URL: <http://proneuroscience.ru/mozg-transgenera>
141. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / Редакция журнала «Самообразование». – М.: Самообразование — 2007. — 256 стр.
142. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма / В.А. Кутырев — Нижний Новгород, 2010, — 85 с.
143. Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. От времен апостольских до X века / А.П. Лебедев — Спб.: Алетейя, — 1997 — стр 133.
144. Левова И.Ю. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический / И.Ю. Левова, Л.А. Пашнина — [Электронный ресурс] — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/lev_anprobl.php
145. Левченко В.Ф. Биосфера: этапы жизни / В.Ф, Левченко — Спб.: «Свое издательство» — 2012. — 264 с.
146. Лезгина М.Л., Иванов В.Г. Концепция перманентного становления науки как философская проблема // Научно-технические ведомости —

- СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — №3 (203). — 2014. — С. 107-117
147. Лекторский В. А. Философия, общество знаний и перспективы человека // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 30 - 34.
148. Леутин В.П. Функциональная асимметрия мозга. Мифы и действительность / В.П. Леутин, Е.И. Николаева — СПб.: Речь, 2005. — 368 с.
149. Лисеев, И.К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет) / И.К. Лисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2011. — 316 с.
150. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, /К. Лоренц — М., Республика, 1998. — 393 с.
151. Лоренц К. Что такое сравнительная этология? // Вводная глава машинописной версии трактата “Введение в сравнительное изучение поведения” (известное также под названием “Русская рукопись”, хранится в Российском государственном военном архиве: Ф.4П. Оп.24А. Д.36. Л.6-12). © Перевод и публикация Гороховской Е.А. // Ethology ru. [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=102>
152. Лушенко К. История знаменитых цитат / К. Лушенко — Азбука-Аттикус, 2018 г. — 704 с.
153. Мак Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция // Ethology ru [Электронный ресурс] — URL: <http://ethology.ru/library/?id=33>
154. Макаров В.Л. Становится ли человеческое общество стабильнее? // Вопросы философии — 2010. — №8. — С.17-22.
155. Макинтайр А. Методология социальных наук как идеология бюрократического господства // "Октябрь"— 2015 — №6 — [Электронный ресурс] — URL: <http://www.russ.ru/pole/Metodologiya-social-nyh-nauk-kak-ideologiya-byurokraticheskogo-gospodstva>
156. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М.М. Маковский — М.: Наука, 1992 г. — 206 с.
157. Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики__// Вопросы философии. — 1998, — № 10. — С. 39–54.
158. Малевич К. «Человек самое опасное в природе явление...» / Казимир Малевич // Черный квадрат — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. — 2015. — с. 219 – 234.

159. Малевич К. Ось цвета и объема / Казимир Малевич // Черный квадрат — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. — 2015. — с. 43 – 49.
160. Малинов А. В. «Биология общественных организмов»: социально-историческая концепция П.Г. Виноградова» (К 150-летию со дня рождения) // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. 7. № 4. — С. 62-92.
161. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. — М., 1992. — с. 107-121.
162. Мамчур Е.А. Наука, метафизика, идеология // Ориентиры. Вып.6. М.: ИФ РАН, 2010. С. 58–76;
163. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии) // Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс]. — URL: https://iphras.ru/elib/Mamchur_Obyektivnost_nauki.html
164. Марвик А. Шестидесятые: Культурная революция в Великобритании, Франции, Италии и США [Электронный ресурс] — URL: www.golos-ameriki.ru/a/a-33-a-2002-03-02-4-1/652602.html
165. Марков А. В. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены / А.В. Марков — М., АСТ: Corpus, — 2011. — 512 с
166. Марков А. Эволюция человека: В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа / А.В. Марков — М., АСТ: Corpus, — 2011. — 511 с.
167. Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. // Журнал Общей Биологии, — М., Наука, т. 70, М5, — 2009, — с. 359-371.
168. Марков А.В., Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы / А.В, Марков — Астрель Corpus , 2010, 552 стр.
169. Маркс К. Диалектика природы: Соч., т.20. / К. Маркс К., Ф. Энгельс. —М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — С.339-626.
170. Маркузе Г. Марксизм и феминизм / Лекция, прочитанная в Стэнфордском университете 7 марта 1974 г. — М.: Свободное марксистское издательство, — 2008. — 17 с.
171. Мартынов К. Гендер и политика в работах Джудит Батлер // Постнаука.ру. [Электронный ресурс]. — URL: <https://postnauka.ru/video/54963>

172. Мархинин В.В. Античная Греция: идея гендерного равенства // *Философская мысль*. — 2016. - № 7. - С.23-48.
173. Маслоу А. Мотивация и личность. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt_with-big-pictures.html
174. Медведев Д.А. Конвергенция технологий как фактор эволюции // *Новые технологии и продолжение эволюции человека: трансгуманистический проект будущего* — М.: URSS. — 2008. — с. 40 – 74.
175. Мейендорф И., *История Церкви и восточно-христианская мистика* / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. — М.: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт — 2003.— 576 с.
176. Месяц С.В. *Природа* // *Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН*. [Электронный ресурс]. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH015cbe6436368eaaa0a5d95c?p.s=TextQuery>
177. Миллер Дж., *Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы* М.: АСТ: Corpus, 2020.— 736 с
178. Моррис Д. *Голая обезьяна* / Д. Моррис — М.: ЭКСМО, 2009. — 384 с.
179. Мэйнард-Смит Дж. *Эволюция полового размножения* / Дж. Мэйнард - Смит — М.: Мир, 1981. — 272 с.
180. Никитин А.И. *Вредные факторы среды и репродуктивная система человека (ответственность перед будущими поколениями)* / А.И. Никитин – СПб.: ЭЛБИ-СПб. — 2005. – 216 с.
181. Ницше Ф. *Соч.: В 2 т. Т 2* / Ф. Ницше — М., Мысль, 1990.— 829 с.
182. *Общество* / *Философская энциклопедия. В 5-х т. Т 4* // Под ред. Ф. В. Константинова. — М.: Советская энциклопедия, 1967.
183. Огурцов А. П. *Философия науки эпохи Просвещения* / А.П. Огурцов — М.: ИФРАН, — 1993. - — 213 с.
184. Огурцов А.П., *Биоэтика: проблемы и перспективы* // *Вопросы философии*.— 1994. — №3
185. Олескин А.В. *Биополитика: философский фундамент, эволюционно-биологический подход к политическим системам и политической деятельности, применение к политической практике* / А.В. Олескин — М.: Науч. мир, 2007. — 355 с.

186. Ордян Н.Э., Пивина С.Г., Казакова И.К. Пренатальный стресс и половая дифференцировка поведения // Эндокринная регуляция физиологических функций в норме и патологии:— Новосибирск, — 2002. — С.109.
187. Орлова Н.Х., Антропология пола и брака в христианстве / Н.Х. Орлова — СПб.: Издательский дом МiPЪ, 2006. — 305 с.
188. Оукин С.М., Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье // в кн. МЛ.Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 400 с.
189. Павлинов И. Я., Любарский Г.Ю.. Биологическая систематика: Эволюция идей., — "КМК", Москва, — 2011.
190. Павлинов И. Я. Научный плюрализм и проблема вида в биологии. [Электронный ресурс]. — URL: <http://zmmu.msu.ru/personal/pavlinov/doc/spe-plur.htm>
191. Павлов И. П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. — СПб.: Питер, 2001. — 432 с.
192. Паевский А. День в истории: рассекая белое вещество или постыдная Нобелевская премия // Нейроновости.ру. [Электронный ресурс]. — URL: <http://neuronovosti.ru/monish/>
193. Палмер Д, Палмер Л. Эволюционная психология // Ethology.ru. [Электронный ресурс]— URL: <http://ethology.ru/library/?id=50>
194. Панов Е.Н. Бегство от одиночества / Е.Н. Панов - М., 2001. – 637 с.
195. Панов Е.Н. Половой отбор: теория или миф? Полевая зоология против кабинетного знания. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2014, 412 стр.
196. Панов Е.Н. Этология человека: возникновение и перспективы развития / А.П. Огурцов, Е.Н. Панов, И.К. Лисеев и др. // Биология в познании человека. — М.: Наука, 1989. — С. 36–54.
197. Панчин А, Гетеро- и гомо- сапиенс. Гомосексуальность с точки зрения биологии. [Электронный ресурс]— URL: <https://genderz.org.ua/aleksandr-panchin-getero-i-gomo-sapiens-gomoseksualnost-s-tochki-zreniya-biologii/>
198. Петров К.А., Мальцева Н.Л. Биоэтика в перспективе постметафизического мышления. // Биоэтика, изд. ВолГМУ. — 2014. — №1, — С. 12 – 15.

199. Петров П. Н. Дарвин и смысл биологии // Элементы.ру. [Электронный ресурс]. — URL: https://elementy.ru/genbio/synopsis/264/Pamyatnye_daty_Darvin_i_smysl_biologii
200. Пименов В.В. Основы этнологии / В.В. Пименов — М.: Изд-во МГУ. — 2007. — 699 с.
201. Платон. Государство / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — 654 с.
202. Платон. Пир / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
203. Плюснин Ю.М., Генетически и культурно обусловленные стереотипы поведения // Поведение животных и человека: сходство и различия. Пушино — 1989. — С. 89-106.
204. Плюснин Ю.М. Предпочтение родственных и знакомых особей у домашних мышей (*Mus Musculus*): Зоологический журнал, — Том LXV, вып. 9 — Москва, — 1986 // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. <http://ethology.ru/library/?id=231>
205. Поддьяков А. Н. Копируем ли разум: полемика с трансгуманизмом // Культурно-историческая психология. — 2013. — № 4. — С. 110-113.
206. Попадьян К Как правильно выбрать партнера? Полезные советы для девушек // Элементы.ру. [Электронный ресурс]— URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/430376
207. Попов Б. Н. Парадигмальные основания философских интерпретаций постмодернизма, Изд. «В.С. Шипилевский», г. Чебоксары, 2006 [Электронный ресурс] — URL: <https://proza.ru/2020/03/09/1550>
208. Порус В.Н. Дополнительности принцип // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. [Электронный ресурс] — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010f99d9f716fdde37713f0f>

209. Потапов М.А., Факторы брачного подбора у млекопитающих: Поведение и поведенческая экология млекопитающих // Мат-лы науч. конф. (4–8 октября 2005 г., Черноголовка) – М.: Т-во научных изданий КМК. — 2005. – С. 278–279.
210. Потапов М.А., Евсиков В.И., Генетико – физиологические взаимоотношения мать-плод и их влияние на адаптивные признаки потомков: взгляд с третьей стороны // в сб.: Современные концепции эволюционной генетики. — ИЦиГ СО РАН, Новосибирск, 2000. — С. 277-293.
211. Протопопов А.И. Разве у людей есть инстинкты? // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethology.ru/interview/?id=91>
212. Редактирование генома может лечить рак.[Электронный ресурс] — URL: <https://www.yahoo.com/news/genome-editing-could-cure-cancer-191600745.html>
213. Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы / М. Ридли. — Эксмо, 2011.— 448 с.
214. Риккерт, Г., Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. — М.: Республика, 1998. — 413 с.
215. Рогозин Д. 5 книг Мишеля Фуко // Постнаука.ру. [Электронный ресурс] — URL: <https://postnauka.ru/lists/78020>
216. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый / В. В. Розанов // Уединенное — М., 1990. — с. 98.
217. Розанов В. В. Семья как религия (1901) // Lib.ru [Электронный ресурс] — URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1901_semya_kak_religia.shtml
218. Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства / В.В. Розанов – М.: Дружба народов, 1990 (репринт 1911) — 304 с.
219. Розенберг Г.С. Конкуренция и взаимопомощь – две стороны «медали» взаимодействия популяций (к 175-летию со дня рождения Петра Алексеевича Кропоткина и 115-летию выхода его монографии «Взаимная помощь как фактор эволюции» // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. — 2018. – Т. 28. — № 3. – С. 262-269.
220. Ротенберг В.С. Адаптивная функция сна / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский — М.: Наука, 1982. — 175 с.
221. Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский — М.: Наука, 1984 — 193 с.

222. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по «политической экономике пола // Womenation.org. [Электронный ресурс] — URL: <http://womensation.org/rubin-traffic-in-women-1/>
223. Рубцова С. П. Интерпретация и объяснение: два подхода к пониманию текста // Вестник воронежского государственного университета. Серия: философия. — 2016. — №2 (20). — с. 57-66.
224. Рыклин М. Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // [Электронный ресурс] — URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/yk/lin.html
225. Рьюз М., Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии — №2 — 1991. С. 42-45
226. Рьюз М., Философия биологии / М. Рьюз — М, Прогресс — 1977. 308 стр.
227. Саксонхаус А. Аристотель о семье и женщине в государстве // в кн. М.Л. Шенли, К.Пейтмен. Феминистская критика и ревизия истории политической философии — М.: РОССПЭН, 2005. — 400 с.
228. Свасьян К. Судьбы математики в истории познания Нового времени // Вопросы философии — 1989.— № 12 — с. 41 – 54.
229. Седова Н.Н., Теоретическая биоэтика роль биоэтики в сохранении этносов // Биоэтика, изд. ВолГМУ, — 2014, — №2 (14), С. 6 - 9.
230. Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие // Скепсис. [Электронный ресурс] — URL: http://sceptsis.net/library/id_6.html
231. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов — М.: URSS, 2013 — 615 с.
232. Семенов Ю. И. Основные этапы развития первобытной экономики: соотношение глобального и регионального // Исследования по первобытной истории (ИПИ) — М.,1992 — С. 102-104.
233. Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение, — 1993, — № 1, — с. 52-70.
234. Семенов Ю.И. Этнос нация диаспора // Скепсис [Электронный ресурс] —URL: https://sceptsis.net/library/id_160.html
235. Сидихменов В. Я. Китай страницы истории / В.Я. Сидихменов — М.: Наука, 1978. — 384 с.

236. Сидорова У.В. Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект // Вестник ЮУрГУ, № 24(96), 2007. Стр. 120 – 122.
237. Скирбекк Г. История философии / Г. Скирбекк, Н. Гилье — М.: Владос, 2000 — 800 с.
238. Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложения к анализу классической арабской философии и культуры / А.В. Смирнов — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 504 с.
239. Смирнов А.В. Философия всегда должна быть недовольна // Независимая газета [Электронный ресурс]— URL: https://www.ng.ru/science/2017-02-08/9_6923_philosophy.html
240. Смирнов К.С. Биоэтическая парадигма в культуре будущего // Биоэтика, изд. ВолГМУ, — 2014, — №1— С.7 – 11.
241. Смит Р. Человек между биологией и культурой // Ethology.ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethology.ru/library/?id=19>
242. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова, при участии Т.А. Дмитриева. — М., — 2009, — с. 122-123.
243. Соколов М. Природа коллективной идентичности // Постнаука.ру [Электронный ресурс]. — URL: <https://postnauka.ru/faq/26594>
244. Соловьев В.С. Сочинения / В.С. Соловьев — М.: Мысль, 1988. — Т.2. — С. 494.
245. Соловьев В. С. Смысл любви / В.С. Соловьев // Русский Эрос, или Философия любви в России. — М., 1991. — С. 41.
246. Социал-дарвинизм. / Политология. Словарь. // под. ред. В. Н. Коновалова. — М.: РГУ, 2010. —285 с. [Электронный ресурс] — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/209>
247. Старцев А.И. Генри Торо и его Уолден // [Электронный ресурс] — URL: http://lib.ru/INPROZ//TORO/toro_walden.txt
248. Страхов Н. Женский вопрос / Н. Страхов — СПб., 1871. — С. 114.
249. Стрельченко В.И. Дарвинизм и проблема реальности эволюционной предистории жизни (историко-философский анализ) // Философия права — 2013 — № 6 (61) — с. 8 – 13.
250. Стрельченко В.И., Клименко И.И., Францишина С.В. Эпистемология антрополого-образовательного опыта переходного общества // Философия права. — 2011. — № 5 (48).

251. Стрельченко В.И. Научная рациональность: pro et contra // Философия права. — 2012. — №2 (51). — с. 7-16.
252. Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки / В. И. Стрельченко — СПб.: Астерион, 2013. — 338 с.
253. Суворова А.Н. Введение в современную философию [Электронный ресурс] — URL: <http://psylib.org.ua/books/suvan01/txt02.htm>
254. Султанов К.В., Романенко И.Б. Детство и массовая культура (обзор международной конференции) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2014.— №3. Т. 2. — С. 241-246.
255. Султанов К.В. Электронное правительство и эффективность взаимодействия власти и общества в эпоху глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 104. — С. 66-76.
256. Таксон (в систематике) // БСЭ: [в 30 т.] Т. 25.— М. Советская энциклопедия, 1976. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=3&ii=1&id=1&rq=0&sletter=%u0422&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=25&slid=1>
257. Таксономия // БСЭ: [в 30 т.] Т. 25.— М. Советская энциклопедия, 1976. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=3&ii=1&id=1&rq=0&sletter=%u0422&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=26&slid=1>
258. Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты / в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие // Под ред. И.А. Жеребкиной — СПб.: Алетейя, 2001, — стр. 664 – 695.
259. Тиссельтон Э. Герменевтика / Э. Тиссельтон — Черкассы: Коллоквиум, 2011. — 430 с.
260. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков — М., Наука, — 2001. — 240 с.
261. Тишков В.А. Реквием по этносу / В.А. Тишков — М.: Наука, 2003. — 544 с.
262. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий / П.Д. Тищенко — М., ИФРАН, 2001. — 175 с.
263. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

264. Торо Г.Д. Уолден, или жизнь в лесу / Г.Д. Торо — М., Наука, 1980. — 456 с.
265. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е.А. Торчинов — Спб.: Азбука-Классика, Петербургское востоковедение — 2005. — 480 с.
266. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // в кн. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной — Спб.: Алетейя. — 2001. — стр. 427 - 454.
267. Утехин И.В. Доместикация пениса: на подступах к социодилдонике // Обратная связь. Книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию М. Рожанского — Спб, Норма. — 2014. — с. 353 – 360.
268. Ушакин С. О пользе фиктивного родства: заметки о пропущенных именах // Новое литературное обозрение — 2008. — №89. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ush.html>
269. Файерстоун С. Диалектика пола // Демоскоп weekly — Электронная версия бюллетеня «Население и общество», Институт демографии ГУ ВШЭ [Электронный ресурс] — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0411/gender03.php>
270. Фалуди С. Смерть революционерки // Нью-Йоркер. [Электронный ресурс] — URL: <http://womenation.org/death-of-revolutionary/>
271. Фандо Р.А. Биоэтика и евгеника: аксиологический диалог // Биоэтика — Волгоград: изд. ВолГМУ — 2014. — №1. — с. 23-26.
272. Федорин С.Э., К проблеме человека и власти в философии и культуре XX века (Проблема власти в истории философии), Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2005. Т. 5. — № 10. — С. 350-358
273. Федорин С.Э., Чужая креативность как средство достижения доминирования / в сб: Философия человека. Антропология образовательного кризиса — С-Пб, 2009. — С. 211-223.
274. Феррис П. Зигмунд Фрейд / П. Феррис — Минск: Попурри, 2001. — 448 с.
275. Фетисова Е. Выход на тропу любви // ВЗГЛЯД. [Электронный ресурс].— URL: <http://www.vz.ru/opinions/2014/5/22/687692.html>

276. Филимоненко Ю.И. Самореализация полоролевой психологии: эволюционный подход // Ethology.ru. [Электронный ресурс].— URL: <http://ethology.ru/library/?id=65>
277. Философия любви: В 2 ч. Ч 2./ Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 2. – 605 с.
278. Философские проблемы естествознания / Под ред. Мелюхина С.Т. — М.: Высш. Шк. — 1985 —400 с.
279. Фрейд З. Недовольство культурой. [Электронный ресурс].— URL: http://krotov.info/library/21_f/re/freud_04.html
280. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 320 с.
281. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд — ЭКСМО, 2015. — 640 с.
282. Фридман В.С. Какая идея набирает силу? // Этология.ру, [Электронный ресурс]. — URL: <https://ethology.ru/library/?id=391>
283. Фридман В.С. На чём прокалывается социобиология человека? // Этология.ру, [Электронный ресурс]. — URL: <https://ethology.ru/library/?id=365>
284. Фромм Э. Ситуация человека. Ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — 554 с.
285. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм — М.: Республика, 1994. — 447 с.
286. Фуко М. Сексуальность и власть / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996.— 448 с.
287. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / Пер. по: "Cahiers de Royaumont", 1967, Philosophie # VI. / Перев. Е. Городецкий. [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt>
288. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма — М.: АСТ, 2008. — 474 с.
289. Хананашвили М.М. Информационные неврозы / М.М. Хананашвили — Л.: Медицина, 1978. — 144 с.
290. Харауэй Д. Манифест киборгов [Электронный ресурс]. — URL: <https://wayback.archive.org/web/20120214194015/http://www.stanford.edu/dept/HPS/Haraway/CyborgManifesto.html>

291. Хен Ю.В. Евгенический проект Pro et Contra / Ю. В. Хен — М., 2003. — 153 с.
292. Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Д. Хили — М.: НИЦ «Ладомир», 2008. — 624 с.
293. Хитрук Е.Б. Власть женщин: культурные концепты «мизогинии» и «гинофобии» в классическом философском дискурсе // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2015. — № 393.— С. 92-98.
294. Хобсбаум Э. В защиту истории // Скепсис [Электронный ресурс].— URL: https://sceptis.net/library/id_2342.html
295. Цвейг С. Зигмунд Фрейд (1926) /Стефан Цвейг. [Электронный ресурс].— URL: http://az.lib.ru/c/cwejg_s/text_1926_sigmund_freud.shtml
296. Черных В. В. Концепция суммативности высших таксонов // в кн. Проблема целостности высших таксонов. Точка зрения палеонтолога. — М., Наука, 1986. — 145 с.
297. Честертон Г.К. Франциск Ассизский // Вопросы философии — 1989 — №1. — стр 88.
298. Чибисова Н. Этологические концепции материнства в зарубежной литературе // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL : <http://ethology.ru/library/?id=385>
299. Чуковский К. И., От двух до пяти, - М.: Детская литература, — 1968.
300. Шабанов Д. Ненадёжные инстинкты, или Почему среди людей встречаются плохие матери // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethology.ru/library/?id=418>
301. Шенли М.Л., Пейтмен К., Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Пер. с англ. под ред. Н.Л. Блохиной — М.: РОССПЭН. — 2005. — 400 с.
302. Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. — М.: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. — 464 с.
303. Шибаршина О.Ю. Эволюция представлений о сущности мужчины и женщины в античной философии // Научный вестник МГТУ ГА. — 2015. — № 215: — с. 94 – 98.
304. Шилов И.А. О механизмах популяционного гомеостаза у животных // Усп. соврем. биол. — 1967. — Т. 64, № 25. — С. 333-351.

305. Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т.1. № 4. С. 153-167.
306. Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры / Н.С. Широкова — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. — 1989. — 224 с.
307. Шкляревский А. С. Об отличительных свойствах мужского и женского типов в приложении к вопросу о высшем образовании женщин. — Киев: унив. тип., 1874. — 47 с.
308. Шлегель Ф. О философии. К Доротее // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. — М., 1983.— Т. 1. — С. 340
309. Шмальгаузен И.И., Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, — 1938. — 144 с.
310. Шовен Р. Поведение животных / Реми Шовен — М., Мир, 1972. — 487 с.
311. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Артур Шопенгауэр — Спб.: Азбука, 2011г. — 224с
312. Шопенгауэр А. Избранные произведения / перев., составл. И.С. Нарского. — М., Просвещение, — 1992. — С. 402.
313. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? / Э. Шредингер — М.: Атомиздат, 1972. — 62 с.
314. Штраус Л. Естественное право и история / Изд-во: Водолей Publishers, 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.livelib.ru/book/1000247405/about-estestvennoe-pravo-i-istoriya-leo-shtraus>
315. Щеглов А. П. Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/voprosanii-kirika/>
316. Щербаков В. Половое размножение сделало эволюцию устойчивым процессом // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.svoboda.org/a/412006.html>
317. Элез Й. Проблема бытия и мышления в философии Людвиг Фейербаха / Й. Элез — М.: Наука, 1971. — 238 с.
318. Элиаде М. Мефистофель и андрогин, или мистерия целостности. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.screen.ru/vadvad/Litoboz/eliade.htm>

319. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. — 192 с.
320. Эттингер Р. Перспективы бессмертия / Р. Эттингер. — М, Научный мир, 2003. — 261с.
321. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека) // Ethology.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethology.ru/library/?id=29>
322. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики / В.П. Эфроимсон — М.: Тайдекс Ко, 2004. — 304 с.
323. Эффект десенсибилизации по Вестермарку. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/effekt-desensibilizacii-po-vestermarku>
324. Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Epistemology & Philosophy of Science — 2016. — XLVIII, №2. — с. 18 - 27.
325. Юдин Б. Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. — М.: ИФ РАН — Вып. 7. — 2013. — С. 10 – 24
326. Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С. Очерки биосферологии 1. Выход есть: переход к управляемой эволюции биосферы // Philosophy and Cosmology. — 2015. — (Vol. 14). — P. 92-118.
327. Ярошевский М.Г. История психологии / М.Г. Ярошевский — Москва: Мысль, 1976. — 463 с.
328. Andersson M. Sexual Selection / M. Andersson — Prinston: Prinston Univ. Press, 1994. — pp. 599.
329. Baehr A.R. Feminist Politics and Feminist Pluralism: Can We Do Feminist Political Theory Without Theories of Gender? // The Journal of Political Philosophy: — Philosophy, Hofstra University. Volume 12. — 2004. — Number 4.— pp. 411–436
330. Bernick Susan E. Philosophy and Feminism: The Case of Susan Bordo // Hypatia — Summer, 1992. — Vol. 7, No. 3. — pp. 188-196.
331. Bindel J. Shulamith Firestone obituary // The Guardian — 2012. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/06/shulamith-firestone>

332. Blanchard R. The classification and labeling of nonhomosexual gender dysphorias // Archives of Sexual Behavior — 18/4(1989): — pp. 315–334.
333. Bobo L.L., Hutchings V. L. Perceptions of Racial Group Competition: Extending Blumer's Theory of Group Position to a Multiracial Social Context // American Sociological Review — Vol. 61, No. 6 — Dec. 1996 — pp. 951-972
334. Borst W.A. The Scorpion and the Frog: A Natural Conspiracy / W. A. Borst — Xlibris US, 2004. — pp. 348.
335. Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A. Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution / Eds.F.Aureli, F. de Waal. — Princeton: Princeton University Press, — 2000. — pp. 423 - 450.
336. de Waal F.B. The end of nature versus nurture // Scientific American — 1999 Dec — 281(6). — pp. 94-9.
337. Diamond J. Evolution, consequences and future of plant and animal domestication // Nature — August 2002. — vol.418/8 — pp. 700 – 707.
338. Dobzhansky T. The Myths of Genetic Predestination and of Tabula Rasa // Perspectives in Biology and Medicine. — 1976.— V. 19. № 2. — pp. 156-170.
339. Gee H., Humans Are Doomed to Go Extinct. // Scientific American, 2021 URL: <https://www.scientificamerican.com/article/humans-are-doomed-to-go-extinct/>
340. Gilbert M. Churchill and Eugenics. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://winstonchurchill.org/publications/finest-hour-extras/churchill-and-eugenics-1/>
341. Hamilton, W. The genetical evolution of social behavior I // Journal of Theoretical Biology. — 1964. — 7 1 — pp. 1–16.
342. Hockings et al. Chimpanzees Share Forbidden Fruit // PloS one. 2(9):e886 February 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0000886>
343. Jalili M. EEG-based functional brain networks: hemispheric differences in males and females. EBSCO. — Mar. 2015. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.aimsociences.org/article/doi/10.3934/nhm.2015.10.223>
344. Karlsson S.A., Studer E., Westberg L. Neural Androgen Receptors Modulate Gene Expression and Social Recognition But Not Social Investigation // [Frontiers in Behavioral Neuroscience](#) — 2016 Mar 16;10:41. —

[Электронный ресурс]. — URL:
<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnbeh.2016.00041/full>

345. Kimberly C., Calkins D. S. To Stroop or Not to Stroop: Sex-related Differences in Brain-behavior Associations during Early Childhood // *Psychophysiology* — 2016 Jan — 53(1). — pp. 30–40.
346. Kimmel M.S. *The Gendered Society* / M.S. Kimmel — Oxford University Press, N.Y. — 2000. — pp. 315.
347. Klama J. *Aggression: The Myth of the Beast Within* / J. Klama — publ.: John Wiley & Sons Inc, 1988. — pp. 169.
348. Laird S. Women and Gender in John Dewey's Education Philosophy// *Educational Theory* — 2005. — Vol. 38, No.1 — pp. 111 – 129.
349. Lanphier E., Urnov F., Haecker S.E., Werner M., Smolenski J. Don't edit the human germ line // *Nature* — 2015. — № 519. — pp. 410 - 411.
350. Levchenko V. F. New Information Stage of the Biosphere Evolution Ethno-Population Ethno-Species Ethno-Ecosystems // *Computing Anticipatory Systems. Abstract Book. Published by CHAOS. Symposium 7. Liege, 2003. P.5.*
351. McCarthy Margaret M. Sex Differences in the Brain: The Not so Inconvenient Truth // *Journal of Neuroscience* — 15 Feb 2012. — 32 (7). — pp. 2241-2247.
352. Marrati P. The natural cyborg: the stakes of Bergson's philosophy of evolution // *The Southern Journal of Philosophy* — Sep 2010 — Volume 48. — pp. 3-17.
353. Obuchowski K. *Seksuologia społeczna* / K. Obuchowski, K. Imieliński i inni... — wyd. drugie rozszerzone, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. — 1977 r. — 579 str.
354. Okin S. *Women in Western Political Thought* / S. Okin — Princeton; N.J. — 1979. — P. 16.
355. Pinker S. *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature* / S. Pinker — New York, NY: Viking. — 2002. — 509 p.
356. Rolin K. Gender and Trust in Science // *Hypatia* — November 2002 — Volume17, Issue4 — P. 95-12.
357. Rubin G. Thinking Sex: Note for a Radical Theory of the Politics of Sexuality / G. Rubin // in Carole S. Vance, ed., *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality* — 1989. — London: Pandora.— pp. 267-319.
358. Santas G. *Plato and Freud Two The ones of Love* / G. Santas — 1988 — Oxford, New York.

359. Smith N. D. Plato and Aristotle on the Nature of Women // *Journal of the History of Philosophy*. — 21 (4). — pp. 467–478.
360. Stevenson A., Waite M. Sex // *Concise Oxford English Dictionary — Book & CD-ROM Set*. OUP Oxford. — 2011. — p. 1302.
361. Swaab D.F. Sexual differentiation of the brain and behavior. // *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*— September 2007. — Volume 21, Issue 3. — pp. 431-444.
362. Tanney J. "Gilbert Ryle"// in *Stanford Encyclopedia of Philosophy* — Dec 18, 2007 — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/ryle/>
363. Watson J. B. Behaviorism / J. Watson — N.-Y., Norton and Co. — 1970 — (оригинальное издание – 1924).
364. Westen D. The Scientific Legacy of Sigmund Freud Toward a Psychodynamically Informed Psychological Science // *Psychological Bulletin by the American Psychological Association* — November 1998 — Vol. 124, No. 3. — pp. 333-371.
365. Wilson D.S., Hayes S.C., Biglan A., Embry D. Evolving the Future: Toward a Science of Intentional Change // *Behavioral and Brain Sciences* — 2014, 37. — pp. 395–460.
366. Wilson E.O. Sociobiology. / E.O. Wilson — Cambridge, Massachusetts; London: Belknap Press of Harvard Univ. Press — 1993. — 366 p.
367. Witt Ch. Form, Normativity and Gender in Aristotle: A Feminist Perspective // in Freeland C. *Feminist Interpretations of Aristotle* — University Park, PA: The Pennsylvania State University Press — 1998 — pp.118-137.
368. Zimmet P., Globalization, coca-colonization and the chronic disease epidemic: can the Doomsday scenario be averted? // *J. Intern. Med.* — 2000 Mar — 247(3):301-10.